

THE MICHAEL JACKSON TAPES
Фанатская версия

*Майки Джексон:
разговор по душам*

RABBY SHMULEY BOTEACH

Разговоры, записанные между августом 2000 и апрелем 2001 годов. Майкл Джексон не говорил со Шмули после апреля 2001 года в связи с тем, что Шмули украл деньги, предназначавшиеся для благотворительного фонда Майкла Джексона Heal the kids (Исцели детей).

Из книги вырезаны негативные и оскорбительные оценки и мнения Шмули.

Разговоры сохранены в полном виде.

Эта версия предназначена для тех, кто желает прочесть книгу без отвратительных комментариев Шмули.

MICHAEL JACKSON

OFFICIAL FAN CLUB

vkontakte.ru/club9745

Часть 1. Звездное детство и Джо Джексон.

Глава 1. Зловещее предзнаменование: Разговоры о ранней смерти. (Перевод Марии Добышевой)

Ш.: Мог бы ты сказать, что лучшее для Битлз - это факт их распада? Потому как - раз! - и их больше нет. Именно поэтому их слава столь долговечна, ведь их не увидишь повсюду, и, соответственно, они никогда не наскучат и не потерпят возможного провала?

М.: Да. Мэрилин Монро умерла молодой. Мы не увидим её стареющей и некрасивой. Та же загадка у Джеймса Дина.

Ш.: И люди потому говорят о Битлз: "Как бы мне хотелось увидеть их вместе!"

М.: Ага.

Ш.: И поклонники тогда становятся частью этого желаемого. Они сохраняют их востребованность, потому что очень хотят вновь видеть их вместе на сцене.

М.: Точно. А когда бы они состарились и стали бояться всего подряд - до них никому не было бы дела.

Ш.: Ну так, это ли не аргумент для тебя, Майкл, однажды сказать: "Вот и всё", и просто уйти?

М.: Да... Мне бы хотелось каким-нибудь образом исчезнуть, чтобы люди не могли больше видеть меня. Просто делать некоторые вещи для детей, но не быть видимым для всех. Уйти вовремя очень важно. Мы, люди, требуем перемен. Нам они нужны в жизни. Именно поэтому меняются времена года, случаются взлёты, падения.

Ш.: Ок. Но ты ведь хотел бы прожить долгую жизнь в полном здравии. Ты же не желаешь, не дай Бог, уйти как некоторые из этих известных людей ушли от нас, как Мэрилин Монро, к примеру? Ты ведь не хочешь умереть молодым?

М.: Ммм... Ты задаёшь мне интересный вопрос. Ты уверен, что хочешь получить ответ?

Ш.: Хочу.

М.: Хорошо. Я дам тебе честный ответ. Ок.... Моей самой большой мечтой, которая мне осталась... Ведь я достиг своей мечты в музыке и во всём, что я так сильно люблю в жизни - выступать перед людьми и музыка ... Так вот, всё, о чём мне осталось мечтать - это реализовать нашу инициативу ради детей - то, чем мы занимаемся [*благотворительный фонд "Heal the Kids", - прим. перевод.*]. При этом меня не заботит ничто другое, мне совершенно нет дела до карьеры, правда, Шмули. Дети - это то, что двигает мною и больше ничего, кроме них... Я серьёзно, я говорил тебе уже, и я клянусь перед Богом за каждое слово. Я бы просто забросил всё, если бы не старался ради детей и малышей. И это мой искренний, самый честный ответ. Я говорил раньше, что если бы не дети - я бы выбрал смерть. Это идёт изнутри моего сердца.

Ш.: Выбрал бы смерть так же как Мэрилин Монро?

М.: Возможно. Я бы нашёл путь как уйти с этой брэнной земли, потому что меня больше не волновала бы моя дальнейшая жизнь. Я живу только ради детей.

Ш.: Ты видишь в них часть Бога, искру божью на этой земле?

М.: Клянусь, так и есть.

Ш.: То есть для тебя это - самое божественное, что есть в мире?

М.: Для меня нет ничего и никого чище и душевнее, чем дети, и я не смог бы жить без них. Если ты мне вдруг скажешь: "Майкл, ты больше никогда не увидишь детей", - я предпочту покончить с собой. Я клянусь тебе, потому что для меня больше не было бы причин, чтобы жить. Вот так. Честно.

Ш.: Так ты хотел бы всё же прожить долгую жизнь?

М.: А позволишь мне забрать свои клятвы назад, я ведь не присягал на имени бога? Всё, я беру свои слова назад, я этого не говорил. Повтори свой вопрос.

Ш.: Ты говорил, что хотел бы исчезнуть. Ты думаешь, это действительно важно?

М.: Я не хочу жить долго. Нет, нет. Я считаю, что старение - это противная, самая неприятная вещь в жизни. Когда твоё тело слабеет и разрушается, ты весь покрываешься морщинами, я считаю, что это ужасно. Это то, что я не могу понять и принять, Шмули. Я никогда не захочу взглянуть в зеркало и увидеть там такое. Я не осознаю этого никогда. Действительно. Вот люди говорят: старение - это так красиво, то да сё. Я не согласен. Категорически.

Ш.: Ты бы желал умереть перед тем, как это начнётся?

М.: Ммм... Я не хотел бы стареть.

Ш.: А что, если ты останешься в душе молодым, Майкл?

М.: Да, это важная вещь.

Ш.: Ты можешь быть старенький и весь в морщинах, но разве тебе не хочется увидеть, как вырастут Принс и Пэрис?

М.: Очень хочется.

Ш.: Тебе не хочется увидеть их детей?

М.: Мне просто не хочется выглядеть старым и терять память. Я хочу остаться молодым навсегда и иметь силы и энергию, чтобы бегать, играть в свои любимые игры, в прятки. Мне так хотелось поноситься по твоему дому, поиграть в прятки, когда мы были там в последний раз. У тебя такой большой дом для всего этого. В общем, я не терплю, когда люди стареют, Шмули.

Ш.: А разве ты не видел людей, которые, будучи в преклонном возрасте, сохранили в своей душе юность? И ведут они себя так, словно молодые люди.

М.: О да, я люблю, когда молодость в твоём сердце. Но когда они забыты всеми, их лица сморщены, а дряхлое тело отживает свой срок - мне больно это видеть.

Ш.: Ну и с кем случилось подобное среди тех, кого ты любишь? Разве твоя мама состарилась в твоих глазах? Или отец? Или те артисты, которыми ты восхищаешься в своём ремесле, кто уже в преклонном возрасте?

М.: Да, те люди, кого я очень люблю, уже ушли, и я не могу осознать почему. Я был влюблён в того парня, обожал его. И он был моим другом. Фред Астер. Я до сих пор не могу это принять. Понимаешь, когда я был ребёнком, Фред жил совсем рядом с нашим домом, и он всё время говорил со мной, пока я был мал. Он учил меня всяким штукам, он повторял мне, ну, знаешь, что я должен стать мировой звездой и всё в таком духе, а я тогда, в детстве, даже не думал об этом. Но когда я видел его танцы в кино, я был очарован. Я не знал никого, кто бы двигался так же прекрасно, понимаешь? И вот, когда я увидел, что он дошёл до такого состояния... И он сказал мне: "Знаешь, Майкл, если я сейчас начну кружиться - после первого же оборота упаду лицом вниз. Я больше не владею равновесием". И когда он открыл мне дверь, когда я пришёл к нему в гости, то, как он двигался... примерно так, Шмули. Маленькие семенящие шажочки... Это разбило мне сердце. Мне было очень больно, когда его не стало, это убило, просто убило меня. Это меня разрушило.

Ш.: Но то, что случилось с принцессой Дианой - это была настоящая трагедия, Майкл.

М.: Это была большая трагедия. Это выбило меня из колеи. Да и на каждого повлияло, думаю.

Ш.: Нет ничего хорошего в том, чтобы умереть молодым. Это возводит вокруг тебя миф, Майкл. Но ведь жизнь столь драгоценна. Разве нет?

М.: Жизнь прекрасна и бесценна.

Ш.: Ну, ты считаешь, что однажды просто станешь частью мифа о самом себе.

М.: Ну смотри... Почему человек не может быть как цветущие деревья? Приходит время, и они сбрасывают свои листья к зиме, и возвращают их красоту снова и снова весной, правильно? Есть в этом ощущение бессмертия. В Библии сказано, что человек был сотворён для бессмертия. Но из-за наших грехов и прочего нам послана смерть.

Ш.: Но быть может, ты сменишь пребывание и попадёшь в другое, высшее место, и твоя ставшая вольной душа повернётся ближе к людям? Подумай об этом. Господь с нами всегда, Майкл. Мы оба верим в него, даже несмотря на то, что не можем коснуться или ощутить его. А разве души любимых нами так уж отличаются?

М.: Я бы хотел вернуться как... как ребёнок, который никогда не станет взрослым, как Питер Пэн. Я желаю... и хочу верить, что это правда, что я смогу вернуться. Я надеюсь, что смогу. Я очень хочу верить в это, Шмули.

Ш.: В реинкарнацию? Продолжить жизнь в теле ребёнка?

М.: Да, несмотря на то, что моя религия (Свидетели Иеговы), говорит обратное, что нет никакой реинкарнации... Когда ты умираешь - душа умирает вместе с тобой, и ты становишься как этот диван - мёртвый, понимаешь? Однако в этом есть обет воскрешения и всё такое.

Ш.: Но вот индусы, например, верят в следующую жизнь.

М.: Я бы хотел верить в это. Интересно как египтяне и африканцы хоронят своих усопших. Мне бы хотелось увидеть - да и всем нам хотелось бы увидеть - какая она, другая сторона. Разве нет?

Ш.: Мы бы желали знать что там, после смерти, и какие они - небеса.

М.: О да, потому что об этом столько догадок и представлений.

Ш.: Как думаешь, есть на небесах играющие дети?

М.: О боже! Я молю о том, чтобы это было так.

Ш.: Думаешь - там есть и взрослые, играющие с ними?

М.: Думаю, да. И думаю, что они там подобны детям. Ну, как Адам и Ева, в своём счастливом саду, тихом, идеальном месте. Я умоляю, чтобы это было так.

Ш.: Ты боишься смерти?

М.: Да.

Ш.: Мы все боимся.

М.: Я всегда говорил, что хочу быть похороненным там, где есть дети. Я хочу, чтобы они были рядом. Так бы я чувствовал себя в безопасности. Хочу, чтобы они были рядом со мной. Я хочу, чтобы их аура защищала меня... Я всегда представлял это себе, видел себя со стороны, и ненавидел то, что вижу. Я видел себя и видел детей, лежащих рядом, чтобы защитить меня.

Глава 2. Детство, Одиночество, Мульттики и Братья.

(Перевод Марии Добышевой)

Ш.: Был ли у тебя возраст, когда ты понял: "О боже, моё детство ускользает от меня"?

М.: Да, и я помню это отчётливо. Словно я был в пути, сойти с которого не мог, и всё время думал: "Господи, ну что я делаю?" При этом ты обязан и не можешь отказаться. Это поразило меня ещё до того, как я стал подростком. Мне так хотелось играть в парке через улицу, потому как дети там гоняли мяч, а я должен был идти работать, записываться. Я видел парк, прямо напротив нашей улицы. Но мне приходилось идти в другое место и работать над альбомами до поздней ночи. Я сидел, смотрел на этих детей, весь в слезах. И думал: "Я в этой ловушке до конца моей жизни. Я должен работать, ведь у меня контракт". Но мне очень хотелось пойти туда, и это меня просто убивало. Хотелось иметь друга, просто сказать ему "Привет!". Я бродил по улицам в поисках кого-то, с кем можно было поговорить. Я тебе рассказывал.

Ш.: Сколько тебе было?

М.: Времена альбома Thriller.

Ш.: Ты ведь был звездой мирового масштаба тогда...

М.: Я искал человека, с которым мог пообщаться. Мне было одиноко, и я плакал в своей комнате. Я думал: "Довольно. Мне надо выбраться отсюда". И шёл бродить по улице. Я помню, как задавал людям вопрос: "Вы станете мне другом"?

Ш.: Они, наверное, были в шоке.

М.: Это было примерно так: "Майкл Джексон!!!" Я уходил, думая: "Господи! Они хотят быть другом звезде Майклу Джексону или просто мне, человеку"? Мне было необходимо человеческое общение.

Ш.: И ты находил кого-нибудь?

М.: Да, я гулял по парку, и там играли дети.

Ш.: Тогда ты и понял, что дети - это выход из твоего одиночества? Что они единственные, кто видит в тебе просто человека?

М.: Да. Это так.

Ш.: Значит, тогда ты и понял: "О боже, дети - это те, на кого я сам похож, пусть моё детство и потеряно"?

М.: Я много страдал по этому поводу. Я понял к тому времени, что со мной что-то не так. Но мне был нужен кто-нибудь... Наверное, поэтому у меня были манекены. Видимо так было, так как я нуждался в людях, в ком-то, кого у меня не было... Я был слишком застенчив, чтобы общаться с настоящими людьми. Я с ними не разговаривал. Не то, что я был как эти старушки, которые беседуют с цветами, но я всегда думал, что хочу что-то такое, чтобы чувствовать себя так, словно я в компании. Я часто задумывался: "Зачем они мне?" Они как настоящие малыши, дети, люди и это придаёт мне ощущение того, что я в комнате не один.

Ш.: А почему ты стеснялся разговаривать с людьми? Так было потому, что тебя учили только тому как выступать на сцене, и у тебя не было возможности выбраться и потусоваться?

М.: Именно. Не было такой практики.

Ш.: И тебе по-прежнему одиноко?

М.: Даже и близко не так, как тогда.

Ш.: Ну у тебя сейчас есть дети, а это уже большая разница. Однако в твоей душе есть частичка, которая основывается не только на твоих родительских чувствах и обязательствах. Эта часть желает и других форм общения и взаимодействия.

М.: Какого общения?

Ш.: С кем-то, кому ты можешь "поплакать в жилетку" о том, чего не поймут ни Принс, ни Пэрис.

М.: Ммм... У меня есть друзья и люди, которым я доверяю. Элизабет [Тейлор] или кто-нибудь ещё... Мак [Калкин], Ширли Темпл... люди, которые прошли похожий путь.

Ш.: Так эти люди все прошли через звёздное детство.

М.: Люди [которые не прошли через славу в детстве], говорят: "Ага, я понимаю о чём ты", но на самом деле они не понимают. Они просто стараются согласиться с тобой.

Ш.: Обсуждал ли ты с друзьями, кто стал звездой в детстве, какие-то индивидуальные случаи, которые случались с ними? Или тебе не нужно было даже спрашивать: "Ты понимаешь, о чем я?"

М.: Ну, знаешь, это чисто телепатически. Если бы ты увидел Ширли Темпл и меня вместе - ты бы понял (*За две недели до этого разговора Майкл посещал Ширли Темпл в Сан-Франциско*).

Ш.: Ты по-прежнему в контакте с ней?

М.: Я собираюсь позвонить ей. Я должен это сделать. Я всякий раз благодарю её, а она спрашивает: "За что?". И я отвечаю: "За всё, что ты сделала для меня".

Ш.: Ты думаешь когда-нибудь посвятить ей песню?

М.: Мне очень хотелось бы.

Ш.: Ну, вот Маколею Калкину ведь не надо объяснять тебе как это происходило у него с его отцом, когда он был на съёмках? Или вам даже не нужно было вести такие беседы?

М.: О да. Маколей Калкин... Ребёнок с драгоценным, милым, крохотным сердцем, и он задаётся вопросом: "Как мне выбраться из всего этого? Я совершенно не хотел становиться актёром". Он всегда хотел бросить это дело. Тебе стоило бы увидеть это! С какой энергией он боролся с отцом, как больно ему было и вообще, как это происходило. О, я видел всё своими глазами, как это было с ним. (*МЖ кричит*) "Мак, а ну сюда, быстро!" - и крик.

Ш.: И это всё напоминало тебе то, через что пришлось пройти тебе самому? Вам обоим приходилось часто выбирать. Он старался удержать своё детство, насколько мог. Но ведь сколько знаменитых детей, кто не стал этого делать - как Брук Шилдз, к примеру, ты ведь был близок с ней. Как насчёт неё и таких, как она, которые в глазах всего мира выглядят так, словно они не сожалеют об утерянном детстве, словно они не пытаются обрести его вновь? Думаешь ли ты, что это некая плата? Что ты и

Маколей Калкин, да и остальные, были бы крепче, поскольку понимаете, чего вам не хватает, и вам просто нужно это компенсировать?

М.: Знаешь, есть люди, которых я понимаю, а есть те, которых - нет. Насчёт неё (Брук) - она начинала карьеру моделью, и это не то же самое, как работать на износ изо дня в день, каждый день. Она позировала. Тогда ещё она не была кинозвездой, пока не снялась ... кажется, в *Pretty Baby*, где она сыграла юную проститутку... думаю, ей было около двенадцати. Да, её много фотографировали, но это другое, это не как мы работали с утра до ночи, каждый божий день. Всё-таки, это влияет на людей по-разному, несмотря на то, что все мы проходим через одно и то же. Она чудесная девушка и очень смышленная. Не безрассудная. Она действительно очень умна. Ведь многие считают, что если ты красив, то обязательно легкомысленный. Она очень умна.

Ш.: С кем из детей-звёзд ты ещё был близок?

М.: Некоторые из них уже ушли. И это пугает. Большинство из них страдали от саморазрушения.

Ш.: Когда тебе было тринадцать, появился мультфильм с твоим персонажем. Тебе это сложно давалось?

М.: Я просыпался каждую субботу рано утром, так как не мог дождаться.

Ш.: Чтобы увидеть Jackson 5?

М.: Увидеть мультик Jackson 5. Я так гордился, что из меня сделали мультяшного героя. Я был так счастлив, даже представить не можешь. Нам ничего не приходилось делать. Даже озвучка делалась другими. Они просто нарисовали нас и использовали наши песни, которые мы записали для альбомов, и они играли на протяжении многих лет. Помню, я был в Брунее, в больнице, готовился к шоу для султана. Это была самая красивая больница, которую я видел когда-либо. И я лежал в кровати, а по телевизору показывали наш мультфильм. И я чувствовал себя... я не мог в это поверить! Шоу на все времена. Такие же шоу делали и Битлз, и Осмонды, и мы.

Ш.: Значит, это одна из тех вещей, которые ты любишь больше всего?

М.: О да, я люблю этот мульт.

Ш.: А как это влияло на твоё сближение с детьми по всему миру? Ты же знаешь - дети смотрят это в первую очередь.

М.: Я обожаю это! Это вовлекает меня в другой мир. Словно: "Боже, я в Зазеркалье!" Это необыкновенное чувство. Мои ощущения по этому поводу были необычнее, чем от всех этих концертов, записей и прочее. Это впечатлило меня больше, чем всё остальное.

Ш.: Теперь ты отдельно от своих пяти братьев и привлекаешь куда большее внимание, чем они. Ты прославился как звезда мирового масштаба ещё до того, как состоялся как сольный артист. Твоим братьям было сложно вынести это? Было ли это тяжело для тебя? Есть ли в этом аналогия с библейским сюжетом об Иосифе и его братьях, которые не перенесли его успеха?

М.: Я не задумывался об этом и не видел этого до поры до времени. И проявляться это стало гораздо позже. Моя мама это замечала, но не обращала на это моего внимания. Но, думаю, что их жёны частично спровоцировали такое отношение. Это причина, по которой распалась наша группа. Из-за жён распались и Битлз. Женщины рассорили Мартина и Льюиса. Это причина провалов всех великих начинаний. Жёны начинают плести свои сети и подначивать кого-то из группы: "Звезда-то ты. Ты ему нужен. А вот он тебе - нет". И вот, на следующий день он приходит весь гордый и напыщенный, затевает ссору. Это то, что произошло между мной и моими братьями. Так и случилось. Я видел, как это случилось...

Ш.: Именно это и отвергло тебя от идеи брака?

М.: В принципе, да. Я сказал - не желаю быть частью этого. Никогда не женюсь. И повторял это долгие годы.

Ш.: А как-то иначе остановить это нельзя было? Ну, просто сказать братьям: "Смотрите же, ну что творится с нами?" Ты не мог остановить это? Они ведь женились совсем молодыми. Должно быть, им было очень одиноко.

М.: Они женились рано, чтобы избавиться от отца, убраться из дома. Мы просили их повременить с женитьбой, но без толку.

Ш.: А почему ты был так привязан к дому?

М.: Я жил с родителями даже когда уже достиг карьерных высот с альбомом Thriller. Мне казалось, что я ещё не достаточно взрослый и мне пока рано уезжать из дому. Я ещё мальчик, мне ещё не пора. Я действительно так чувствовал себя в глубине души.

Ш.: Но ведь ты по-прежнему боялся отца? Как ты совмещал эти две вещи?

М.: Он тогда уже не работал со мной, но исправно получал свои проценты. Он уже подуспокоился на тот момент и очень мною гордился. Но, конечно, никогда этого не показывал и не говорил мне.

Ш.: А ты хотел это услышать?

М.: Мне это было необходимо.

Ш.: Больше, чем от кого-либо на свете?

М.: Да.

Ш.: Он до сих пор не сказал. Или уже сказал тебе это? Как ты думаешь, он вообще осознал, что ты знаменитейший человек на планете, или он этого так и не понял?

М.: Он знает, конечно. Но считает, что ему не пристало хвалить меня и выражать комплименты. И это вынуждает меня быть совершеннее, делать всё лучше всех, чтобы впечатлить его. Он может быть в зале и сидеть с таким лицом. От этого выражения лица мне было страшно до мозга костей, и я думал: "Я не могу напортачить. Он убьёт нас". Нам могли все рукоплескать, но он всем своим видом показывал: "Получишь по шее - только посмей ошибиться". И я понимал - о боже, мне влетит после шоу.

Ш.: Знание того, что в жизни есть две основных мотивации - страх и любовь, даёт ли повод думать, что ты мог бы достичь большего, если бы твоим мотиватором была любовь? Ну, если бы твой отец сказал: "Майкл, я буду любить тебя в любом случае, но всё же сделай это". Разумеется, ты можешь порицать тот страх, что отец зародил в тебе. Но вопрос в том, что ты стал самым знаменитым человеком на планете. Так неужели страх - более сильный мотиватор, чем любовь? Если честно - я не верю в это. Но получается, что твой пример доказывает, что это так?

М.: По-моему, должен быть баланс. Разве это - цена отцовским чувствам? Разве это стоит той любви, которую он мог бы мне подарить? Или того чувства близости и дружбы, которое мы видели бы в глазах друг у друга, гуляя по парку и держась за руки? Не думаю, что это цена, ради которой можно отказаться от всего этого. Это бесценно.

Глава 3. Отец- менеджер. (Перевод Марии Добышевой)

Ш.: Что, если бы тебе кто-то сказал: "Майкл. Слушай. Ты не согласен с тем, как твой отец тебя воспитывал. Он был сторонником строгой дисциплины. Он мог быть жестким и даже жестоким. Однако же эти методы сработали". И сейчас ты можешь сказать, что профессиональный успех - не самое главное в жизни, и я с тобой соглашусь. Но именно ты был тем, кто в одной из первых наших бесед сказал: "Я обязан своему отцу многим. Он научил меня как двигаться и как танцевать". Быть суперзвездой, как ты много раз говорил, для тебя очень важно. Так вот, что, если кто-то скажет: "Ты не прав, а ОН прав. Он сделал тебя тем, кто ты есть сейчас. Так как же ты смеешь быть таким неблагодарным?" Особенно, Майкл, если учесть, что он вырос в такой бедности и хотел спасти тебя от судьбы заводского рабочего. Он думал: "Лучше Майкл будет тренироваться и репетировать, будучи ребенком, чем качаться на качелях, потому что, по крайней мере, это принесет ему большой доход в будущем, и он будет жить достойной жизнью".

М.: Он проделал неоценимую работу, чтобы научить меня быть на сцене, быть артистом. Но как отец он был очень, очень строг. Ненавижу осуждать его, но я бы делал многое не так, как он. Я никогда не чувствовал его любви ко мне. Помню, когда мы летели в самолёте - им приходилось заносить меня в салон, потому что я тяжело переносил тряску, кричал и бился, если мы взлетали в непогоду, когда штормило. Помню это очень хорошо. Он никогда не обнимал меня, не прикасался ко мне вообще, ко мне подходили стюардессы, держали меня за руку и успокаивали.

Ш.: Он вспыльчивый человек?

М.: Он был очень резок. Не пойму, почему. Он сейчас уже не такой, но тогда он был очень жёстким. Самый жёсткий человек, которого я видел.

Ш.: Ну а что, если бы кто-то сказал тебе: "Майкл, тут две стороны и ты не можешь выбирать. Он хорош как менеджер, но не нежен и не добр, как любящий отец. Он научил тебя как двигаться и быть дисциплинированным". Мог бы ты сказать, что предпочёл бы отказаться от своего статуса суперзвезды в пользу счастливого детства, где ты был бы любим? Или ты считаешь, что в таком выборе не было необходимости, так как ты и так бы стал тем, кто ты есть?

М.: Он мог бы заниматься со мной другими делами и находить время для того, чтобы просто проявлять свою отцовскую любовь - поиграть со мной или погонять мяч. Я

помню, что рассказывал тебе, как однажды он взял меня и посадил на пони. Думаю, он даже не понял как это отпечаталось в моей памяти.

Ш.: Это одна из самых волнующих историй об отце, которую я когда-либо слышал. Этот единственный знак внимания отца к своему ребёнку и такой неизгладимый след в его душе, такой удивительный и волнующий.

М.: Сегодня я думаю об этом и так желаю, чтобы он сделал для меня чуть больше, ну хотя бы немножко побольше. Тогда на сей момент я бы чувствовал себя по-другому.

Ш.: А может, ты бы тогда не так страстно желал выразить себя и доказать ему. Если бы тебе в детстве довелось увидеть много любви, быть может, тебе не понадобилась бы любовь всего мира, и ты не стал бы суперзвездой. Ты бы предпочёл отказаться от всего этого в пользу того, чтобы быть ребёнком, любимым своим отцом?

М.: Нет, я никогда бы не отказался. Это моё призвание. И была веская причина, если мне его даровали. Я действительно верю в это и чувствую это...

Ш.: ... что Бог указал на тебя, подарив тебе избранность...

М.: Я верю в это. Если бы ты увидел эти лица по всему миру, людей, которые говорили: "Спасибо, спасибо тебе за то, что ты спас мою жизнь и моего ребёнка. Позволь прикоснуться к тебе!" - и начинали плакать. Это как исцеление. Есть веская причина для меня, чтобы исполнять своё призвание... помогать людям.

Ш.: В общем, то, что делала для тебя Ширли Темпл, глядя на тебя с постеров, которые ты мог повесить на стену номера в отеле и чувствовать себя словно под её опекой, то же самое делаешь ты сам для людей по всему миру в ещё большей мере.

М.: О даа... О да. Это так. И я просто хочу сказать "спасибо" [*Ширли Темпл за то, что вдохновляла Майкла в его тяжёлые моменты в жизни*] и начинаю горько плакать, поскольку не могу найти слов и высказать всего, когда она брала меня за руку и так нежно её поглаживала.

Ш.: Майкл, когда ты говорил ей, что не знаешь, как тебе двигаться дальше, а после ощущал прилив сил, глядя на её детские кино-плакаты - что после этого могло вывести тебя из равновесия? Человеческая подлость? Изматывающая работа, в которой ты стремился быть лучшим? Или всё вместе?

М.: Да, тяжёлая работа, неимение возможности сделать паузу и просто поиграть или повеселиться. У нас были редкие моменты в номерах отелей, где мы с братьями дрались подушками или другими штуками, кидались всяким хламом из окна. Но на деле мы были многого лишены. Помнится, мы собирались в путь - ехать в Южную Америку. Я сидел дома, и когда пришло время ехать - я плакал и прятался. Я не хотел никуда ехать и кричал: "Хочу быть как все! Хочу быть нормальным человеком!" А мой отец доставал меня, засовывал в машину и мы уезжали, ведь у нас было назначено дело - эти концерты! По пути мы встречали разных людей, порой они жили с нами на одном этаже в отеле, бывало, целые семьи. И я знал, что я могу

повеселиться с ними то короткое время, что нам отпущено, потому как я больше не увижу их никогда, и меня это так печалило. Тогда узнаёшь, что дружба бывает ненадолго. И это очень ранит, особенно когда ты ещё ребёнок.

Ш.: Всю свою жизнь ты был вынужден положить на достижения карьеры - прежде, чем научился создавать отношения. Что поддерживает тебя и даёт силы в твоей сегодняшней жизни? Ведь как машина не поедет без топлива, так же и ты не смог бы без той порции любви, которую необходимо принимать, чтобы двигаться дальше. Ведь ты не можешь всё время дарить любовь и не получать её взамен. И сказать, что ты черпаешь силы из той любви, что дают тебе поклонники, тоже нельзя. Этого не может быть достаточно, Майкл, ведь они любят тебя за то, что ты делаешь, а не за то, кто ты есть на самом деле. Они обожают тебя за ту энергию и то волнение, которые ты вносишь в их жизни.

М.: Я получаю свою долю любви, когда вижу счастье и радость в глазах детей. Они спасли мне жизнь, и я хочу... хочу отдать долг (*Майкл плачет*). Они спасли меня, я не шучу. Просто своим присутствием рядом, просто одним своим видом... И это правда.

Ш.: Когда ты был маленьким, давали ли тебе обещания, которые не были выполнены?

М.: Да. Мой отец не выполнил одного обещания, и я до сих пор зол на него за это. Он упрямил меня подписать контракт с Коламбией, когда мне было 18 лет. Взамен пообещал мне ужин с Фредом Астером. Отец знал, что я люблю Фреда всем своим сердцем. Он знал, что я подпишу не читая, и, получив подпись, пошёл восвояси довольный собой. И ничего не сделал для меня взамен. Сказал что-то типа: "Мне жаль". Мне этот случай разбил сердце. Он обманул меня.

Ш.: Ты говорил ему когда-нибудь, как ты был расстроен из-за этого?

М.: Нет. Он до сих пор не знает, как больно он мне сделал. Вот почему я никогда не даю обещаний, которые не смогу выполнить.

Глава 4. Внешность Майкла: неприглядный человек в зеркале. (Перевод Марии Добышевой)

Ш.: Ты должен прожить долгую счастливую жизнь. Однако считаешь ли ты, что однажды тебе захочется стать отшельником и просто исчезнуть?

М.: Да.

Ш.: Жить в Неверленде за закрытыми воротами. Это будет так?

М.: Да. Я знаю, что так.

Ш.: Но почему? Потому что ты не хочешь, чтобы люди видели как ты стареешь?

М.: Не хочу иметь ничего общего со старением. Я так люблю красоту, прекрасную природу. Хочу, чтобы мой послыл был услышан в мире, но при этом не хочу, чтобы меня видели. Ну вот, к примеру, когда я вижу свое фото в компьютере - меня тошнит смотреть на это.

Ш.: Почему??

М.: Потому что я выгляжу как какой-то ящер. Это ужасно. Я никогда не любил это. Мне бы хотелось, чтобы меня никогда не снимали, да и не смотрели на меня вообще. Я заставляю себя делать всё это. Правда.

Ш.: Майкл, некоторые люди пишут, что твой отец говорил тебе, что ты некрасивый. Это правда?

М.: Ммм... Он смеялся надо мной... Помню, однажды в самолёте, когда мы готовились к взлёту... А я как раз был в том неуклюжем переходном возрасте, когда внешность меняется. И он заявил: "Ну у тебя и нос. Такой огромный. Это не от меня!" Он даже не понял, как обидел меня. Это оскорбило меня так сильно, что мне хотелось просто умереть.

Ш.: Был ли это враждебный выпад против твоей матери - "Это не от меня?"

М.: Уж не знаю, что он там хотел этим сказать.

Ш.: Как ты думаешь - важно ли детям говорить о том, что они красивые?

М.: Да. Но не перегибать с этим. Ты прекрасен изнутри. Вот и продолжай в том же духе. Когда Принс смотрит в зеркало, причёсывает волосы и говорит: "Я выгляжу хорошо", я его поправляю: "Ты выглядишь нормально".

Ш.: Думаешь, твой отец внушил тебе веру в то, что ты некрасив? Вот ты попытался немного изменить свою наружность, и по-прежнему не удовлетворён. Может, тебе пора полюбить себя таким, какой ты есть, включая внешность?

М.: Знаю. И мне бы хотелось суметь это сделать.

Ш.: Мы все недовольны своей внешностью в чём-то. Вот смотри, у меня эта отвислая борода. Когда я выступаю по ТВ, люди, с которыми я работаю, постоянно твердят мне подрезать её, привести в порядок. Но моя религия не позволяет мне брить бороду, и она такая длинная.

М.: А тебе хотелось бы от неё избавиться?

Ш.: Да, если честно, очень. Ну не полностью, просто подправить. Но мой Бог и моя вера важнее для меня, чем мой внешний вид.

М.: И тебе не позволено это сделать?

Ш.: По сути - нет. И я подкручиваю бороду. Некоторые раввины стригут свои бороды, некоторые - нет.

М.: Ну и когда они стригут их, это ведь против канонов?

Ш.: Разными раввинами каноны интерпретируются по-разному. В Библии сказано - не смей прикасаться ножом к своему лицу. И вот некоторые считают, что "нож" - это буквальное выражение. Они бреются электрической бритвой, но не лезвием и не открытым остриём. Для остальных - значения бритья бороды в любом виде и любым предметом одинаково. Но моя жена Дебби говорит: "Я не выходила за человека, который пытается подстроиться под общество. Я выходила за того, кого уважаю, и ты - раввин. Так что гордись тем, кто ты есть".

М.: Ну она не против твоей бороды?

Ш.: Она не только не против, скажу больше - она очень расстроится, если я срежу бороду. Сегодня утром она мне сказала: "Если ты любишь и уважаешь меня, ты никогда не будешь говорить об этом, так как я начну беспокоиться, что ты хочешь сделать свой внешний вид более приглядным". Моя жена не хочет, чтобы я отступал от своих принципов.

М.: Потрясающе.

Ш.: В один вечер, в пятницу, ты выглядел фантастически (*Майкл был одет для благотворительного приёма в пользу фонда по борьбе с раковыми заболеваниями*). Ты

был там самым привлекательным парнем. Ну как же тебе не нравится фотографироваться?

М.: Я желаю, чтобы меня никогда не снимали, и вообще не хочу, чтобы меня замечали. Только если для выступлений, там, где я сам поставил тот танец, где выгляжу так, как хочу, ну или снял фильм, где буду смотреться так, как мне хочется.

Ш: Так ты хочешь снимать кино?

М.: Я люблю кино! И там я могу держать всё под контролем. Но я не могу проконтролировать все эти фото со вспышкой и выражение моего лица в этот момент. Бррр....

Ш.: А если бы ребёнок сказал тебе: "Я ненавижу фотографироваться", чтобы ты ему сказал?

М.: Я бы сказал: "Ты не представляешь себе, как ты красив. Это твоя душа..."

Ш.: Ну и почему ты готов говорить это кому угодно, но только не себе?

М.: Я не знаю. *(Сказал это смущённо и сникшим голосом)*

Ш.: Разве ты не видишь среди своих поклонников, сколько женщин потрясены тобой, сходят с ума от тебя? Но ведь это же означает, что ты очень привлекательный и очень желанный мужчина. Ты все время чувствуешь, что они хотят влюбиться в тебя?

М.: Когда я думаю об этом... Я никогда не скажу это по ТВ. Но если бы я шёл на сцену с мыслью о том, что творится в женских головах - я бы, наверное, никогда туда не вышел. Если бы я вдруг начал размышлять о том, что они думают сейчас обо мне... думают о сексе или как я выгляжу обнажённым... Ооо боже, я был бы так смущён и сбит с толку! Я не смог бы выйти. Это ужасно.

Ш.: Многим людям нравится быть секс-символами. Тебе не нравится, потому что ты смущаешься такого "звания". Знаешь ли ты о том, какие мысли относительно тебя у некоторых женщин, когда они разговаривают с тобой?

М.: Хмм... Они прямо говорят это мне.

Ш.: Что хотят секса с тобой?

М.: Ага.

Глава 5. Страх Майкла перед отцом. (Перевод Марии Добышевой)

Ш.: Знаешь, Майкл, я осуждал своего отца довольно долго. Но однажды я перестал делать это, потому что понял, что он был поставлен в жёсткие рамки. У него была очень тяжёлая жизнь. В детстве он жил в крайней нищете в Иране. Для еврея это было нелегко - вырасти в Иране. Кто знает, какое у него было детство? Ты по-прежнему осуждаешь своего отца?

М.: Я осуждал. Я был очень зол на него. Я запирался в своей комнате и кричал от злости, поскольку не мог понять, как человек может быть таким порочным и подлым. Ну, вот к примеру. Я уже лёг спать, время - двенадцать ночи. Я целый день работал на износ, записывался, пел без конца, ни тебе разрядки, ни игр. Он приходил домой очень поздно. "Открывай дверь". Дверь заперта. Он говорит: "Даю тебе пять секунд и выломаю дверь". И начинает биться, взламывает дверь. "Почему ты не поставил подпись на контракте?" Я: "Не знаю...". Он: "А ну подписывай, живо! Если не подпишешь - я тебе устрою". Понимаешь, я думал: "О боже, ну почему?? А где любовь? А где отцовская любовь?" Я отвечал: "Что, прямо вот так?" Он мог схватить и больно ударить, в полную силу. А он был очень силен физически.

Ш.: Ты начинал ощущать себя машиной по добыванию денег для него?

М.: Да, полностью.

Ш.: Так же как Маколей Калкин описывал? Ты чувствовал то же самое?

М.: Да. И однажды - ненавижу это повторять - однажды он сказал, и хранит его Господь за то, что он сделал много замечательного, за то, что он был гений, неоценимый талант, но однажды он сказал: "Если вы, парни, когда-нибудь перестанете петь - я брошу вас так же быстро, как если бы обжёг руки". Это ранило меня. Только представь, он мог бы и подумать: "А ведь у этих детей есть сердца и чувства". Он не мог подумать о том, что это обидит нас? Если бы я сказал подобное Принсу и Пэрису - им было бы больно. Нельзя говорить такое своим детям! И я не забуду этого. Это влияет на мои отношения с ним даже сегодня.

Ш.: То есть если бы ты перестал выступать для него - он перестал бы любить тебя?

М.: Он бросил бы нас, как если бы обжёгся горячим картофелем. Так он сказал.

Ш.: А твоя мама не переубеждала тебя: "Не слушай ты его, он это не всерьёз"?

М.: Она всегда была неподалёку, когда он выходил из себя и начинал швырять, избивать нас. Я до сих пор это слышу. (*Подражая женскому голосу*) "Джо, нет, ты же убьёшь их! Нет! Нет, Джо, это уже слишком!", - а он крушил мебель, и это было ужасно. Я всегда говорил, что если у меня когда-нибудь будут свои дети, я никогда не стану вести себя подобным образом. Волоска не слетит с их головы. Вот люди говорят - если тебя подвергали дурному обращению в детстве, то и со своими детьми ты будешь вести себя так же. Это не правда. Я категорически не согласен. Худшее, что я сделаю - это поставлю их в угол на какое-то время и всё, мои меры на этом кончаются.

Ш.: Думаю, ты прав. Сам ненавижу слышать о том, что дурные методы своих родителей по воспитанию ты обязательно перенесёшь на своих собственных детей. Из этого следует, что тебе предопределено быть дурным человеком.

М.: Точно. Я поклялся в глубине своего сердца, что я никогда не пойду этим путём, никогда. Если в кино или универсаме я вдруг услышу, что кто-то бранится на своего ребёнка - у меня всё внутри сжимается и я плачу. Я сразу вижу себя и как со мной обращались, когда я бы мал. Я просто ломаюсь в такие моменты, меня трясёт и я плачу. Я не выношу этого. Мне тяжело.

Ш.: Когда мои родители развелись, мы переехали, и мой отец остался за 3500 миль от нас. Было трудно быть ближе к нему. Но я люблю его и пытаюсь никогда его не осуждать, и делаю всё, чтобы быть намного, намного ближе с ним. Мы должны серьёзнее относиться к тому, что написано в Библии - уважай своих родителей. Там не написано: "Почитай их, если они того заслуживают". Библия просто призывает нас почитать их. Они дали нам жизнь, и мы обязаны уважать их за это.

М.: Я до сих пор чувствую страх перед отцом. Когда он входил в комнату - и... Бог мне свидетель, мне много раз становилось плохо в его присутствии. Откровенно говоря, однажды я потерял сознание. Меня могло вырвать, когда он просто входил в комнату... и появляется эта аура, я чувствую боль в животе, и я знаю... будто мне конец. Но он так изменился сейчас. Время и возраст изменили его. Он видит своих внуков и хочет стать лучшим отцом. Как будто корабль сменил курс и мне так трудно осознать, что этот человек теперь другой, не тот, с которым я вырос. Как бы мне хотелось, чтобы он понял это раньше.

Ш.: Так почему же ты до сих пор боишься?

М.: Потому что в моей душе шрамы и раны, и они всё ещё болят.

Ш.: Просто ты видишь в нём того, прежнего человека. Тебе сложно увидеть в нём нового, изменившегося отца?

М.: Я не могу видеть в нём нового человека. Это какой-то ангельский страх перед ним. Однажды он спросил меня: "Почему ты меня боишься?" И я не смог ответить. Я хотел бы ответить: "Знаешь ли ты, что ты сделал со мной? (*голос дрожит*) Что ты сделал со мной?"

Ш.: Мне было важно это услышать. Как твоему другу и как человеку, у которого всё время интересуются о тебе, мне важно понять эти вещи. Понимаешь, Майкл, никто не станет грубо судить тебя, если услышит это. Люди будут стараться понять твою боль, а не осуждать тебя. А как ты зовёшь его - папа или Джозеф?

М.: Нам никогда не позволялось называть его папой, когда мы росли. Он сказал: "Не называйте меня папой. Я - Джозеф!". Так и сказал. А вот сейчас он хочет, чтобы его называли папой. Мне это тяжело даётся. Не могу назвать его папой. Он вбил в наши головы - "Не называй меня папой, я Джозеф". Я обожаю, когда Принс и Пэрис зовут меня "папуля", или когда я слышу как итальянский ребёнок зовёт "папа", или еврейский малыш говорит "поппи". Так нежно, ну как можно не гордиться этим? Это ведь твой ребёнок, твоя часть.

Ш.: А сколько тебе было, когда он сказал не называть его папой?

М.: С раннего детства и всё время примерно до Off the Wall, Thriller - эры.

Ш.: Может, он считал, что так называть его будет более подобающе в смысле рабочих и профессиональных отношений?

М.: Нет. Он считал, что он ещё молодой перец. Он был слишком крут, чтобы быть ПАПОЙ. Он был ДЖОЗЕФ. Ненавидел его за то, что приходилось так его называть...

Ш.: Я где-то читал, что твоя мама думала о разводе или подавала документы, что-то в этом роде.

М.: Не знаю, подавала ли она на развод на самом деле. Может быть. Хотя нет, вряд ли. Она хотела уйти, много раз, из-за его женщин и потому, что он был тяжёлым человеком. Но из-за своей веры она могла развестись только по причине измены. А он уже делал это, и она была в курсе. Но она просто святая, и не ушла. Она знала, что вне дома он занимается всякими вещами, валяет дурака, но она была так хороша и добра, что он всегда приходил домой и ложился с ней рядышком в постель. Я не знаю таких, как она. Она как Мать Тереза. Очень мало таких людей.

Ш.: Получается, она знающая цену долгим страданиям, добрая, праведная женщина. Как ты думаешь, может быть, она страдала слишком долго? И ей не следовало мириться с этим?

М.: Мы упрашивали её развестись. Мы говорили: "Мама, разведись с ним". Она отвечала: "Отстаньте от меня! Нет". Мы продолжали: "Освободись от него". Когда были маленькие, даже орали на неё: "Ну разведись же ты с ним!" Но многие годы мы по-прежнему слышали, как машина подъезжает к дому. Он водил большой мерс и всегда вёл его очень тихо. "Джозеф дома, Джозеф приехал! Быстро!" Все попрятались по своим комнатам, захлопали дверями.

Ш.: Вы так сильно боялись его?

М.: Да. Я всегда говорил: Когда я приду домой и войду в дверь, я хочу, чтобы мои дети подбежали ко мне - "Папа!!!", начали скакать вокруг меня, радоваться - так будет у меня. У меня всё будет по-другому. Я не хочу, чтобы мои дети убегали при виде меня.

Глава 6. Защита Джанет. (Перевод Марии Добышевой)

Ш.: Позволь поделиться с тобой одной мыслью. Ты говорил, что твой отец унижал тебя на концертах, мог довести до слёз, толкал и бил тебя на сцене перед всеми этими влюблёнными девушками... Чтобы что? Чтобы продемонстрировать свою власть над тобой?

М.: Ну... ммм... Нет. Он не делал такого на сцене. Но после шоу в комнате было полно девушек. Он обожал это - притаскивать их к нам в комнату, мой отец. И когда после концерта мы хотели что-нибудь съесть или что-то ещё - в комнате оказывалась целая толпа девушек, выстроенных в ряд, хихикающих, трясущихся, обожающих нас, примерно так: "Боже мой!!!". И если я что-то говорил или делал, что ему не нравилось - он смотрел на меня убийственным взглядом... взглядом, который пугал меня до смерти. Он хлестал меня по лицу так сильно, как только мог, вталкивал меня в ту большую комнату, где они были... слёзы катились по моему лицу. Ну и что мне оставалось делать, как думаешь?

Ш.: И сколько тебе было лет? (*Принс рядышком ответил: "Нам три!", - смех*)

М.: Ооо.. Не больше двенадцати... Одиннадцать, что-то около того.

Ш.: И это было впервые, когда ты испытал настоящий стыд в своей жизни? Это было очень унижительно?

М.: Нет, были и другие случаи... Он делал грубые, жестокие вещи... Очень жестокие... И я не могу понять за что. Он был очень груб. То, как он мог избить тебя, было невыносимо, понимаешь? Сначала он заставлял тебя снять всю одежду, раздеться догола. Натирал всё тело маслом. Это был целый обряд. Он натирал всё твоё тело маслом, потом щелчок провода от утюга, которым тебя хлестнули (*делает характерный звук*). Понимаешь... И ты словно умираешь от того, что тебя избивают по лицу, по спине, по всему телу. И я всегда слышал голос матери где-то сзади: "Нет, Джо! Ты убьёшь его! Ты ведь его убьёшь, НЕТ!" И я просто сдавался, я ничего не мог сделать. Я ненавидел его за это, ненавидел. Мы все ненавидели. Мы говорили матери, друг другу, и мне не забыть этих слов. Джанет и я, мы говорили... Я говорил: "Джанет, закрой глаза". Она: "Ок, закрыла". Я: "Представь Джозефа в гробу. Он мёртв. Тебе жалко?" Она отвечала: "Нет". Вот так. Вот чем мы занимались, когда были детьми. В какие игры мы играли. И как ненавидели. "Он в гробу, мёртв, тебе его жалко? - Нет". Так мы были злы на него. Я люблю его ныне, но тогда было очень тяжело, Шмули. Он был жесток.

Ш.: Но понимал ли ты, что, будучи ребёнком, ты уже был отравлен ненавистью? Думал ли ты: "Мне нужно избавиться от этого. Мне нужно что-то с этим делать?"

М.: Да. Я хотел стать самым великолепным исполнителем, чтобы впускать любовь обратно.

Ш.: То есть, ты думал, что сможешь изменить его. Если бы ты... Ты считал, что если станешь мировой звездой, самым успешным исполнителем, любимым всей планетой - твой отец тоже полюбит тебя?

М.: Ага.

Ш.: И что сможешь изменить его таким образом?

М.: Ага. Надеялся, что смогу и надеялся получить любовь от других людей, потому что она мне очень нужна, понимаешь? Мне нужна любовь, нужна. Это самая важная вещь на свете. Поэтому я так переживаю за тех детей, которые находятся во всяких приютах и больницах, где они совсем одни. Их там привязывают к кроватям. Они их связывают потому, что у них не хватает персонала. Я говорил: "Вы что, совсем спятили???" И ходил к каждой кровати, освобождал их, развязывал. Я им объяснял: "Вы не можете держать их связанными. Это же дети". А ещё они приковывали их к стенам, как в некоторых местах, например, в Румынии. Оставляли их в таком виде спать, в собственных испражнениях.

Ш.: Ты сопереживаешь им, так как сам бывал подвержен боли и пропускаешь их боль через себя?

М.: Да. Я всегда обнимаю Мушки [*12-летняя дочка Шмули*], потому что я ощущаю её боль. Она очень переживает. Когда Джанет рассматривала себя, а она была полненькая, она очень плакала, моя сестрёнка Джанет. Она решила просто похудеть и всё, так и сказала: "Я сброшу вес", и она сделала это. А так была очень несчастна.

Ш.: Ты помогал ей как младшей сестре?

М.: Да, я решил окончательно убедить её сбросить лишний вес. И я не был добрым в тот момент. Я дразнил её, чтобы вынудить её решиться похудеть. Мне не нравился её лишний вес, так как я знал, как ей будет сложно потом.

Ш.: И что ты делал с ней, чтобы убедить?

М.: Я говорил, что ей нужно худеть, так как она выглядит как толстая корова. Я сказал это ей, хоть мне и было неловко говорить такое. Она отвечала: "Заткнись!", а я ей: "Сама заткнись!" Но я всё же убедил её, что надо выглядеть хорошо, ведь в глубине сердца я её очень люблю и хочу видеть её глаза сияющими. И когда она стала звездой в... ну, ты понял, звездой сцены, я был так счастлив и горд ею, потому что она сделала это, понимаешь?

Ш.: Ты по-прежнему покровительствуешь ей как младшей сестре?

М.: Да, да. Я так желаю, чтобы мы были с ней ближе. Мы близки по духу, но не как родные люди. Потому что у нас нет праздников, нет поводов собираться вместе. А я так хочу, чтобы это было нашей привычкой. Я люблю то, что, вижу, делаете вы, ребята, такие благословенные вещи, и они так трогают моё сердце. Я вижу как вы близки друг другу, и это так нежно.

Когда наступил Шаббат - вся семья благословила друг друга, а Майкл при этом присутствовал. Он всегда с интересом смотрел, как они благословляют детей.

Глава 7. Болезненное благословение: Всё, что я хотел - быть любимым. (Перевод Алины Аксёновой)

Ш: Бог всегда отвечал твоим молитвам?

М: Да. Безусловно. Поэтому я в него верю.

Ш: Думаешь, он всегда был с тобой в тяжёлые периоды твоей жизни?

М: Не было ни одной вещи, которую бы я попросил, но не получил. Это не материальные вещи. Сейчас я собираюсь кое-что сказать, о чём раньше никогда не говорил. Это правда. У меня нет причин тебе лгать, и Бог видит - я говорю правду. Я думаю, что весь мой успех и слава... Я хотел этого, потому что хотел быть любимым. Вот и всё. Это самая настоящая правда. Я хотел, чтобы люди меня любили, по-настоящему любили, потому, что я никогда по-настоящему не чувствовал, что любим. Я знаю, что у меня есть способности. Если бы я отточил своё мастерство, то люди бы любили меня больше. Я просто хотел быть любимым, я думаю, что это очень важно – быть любимым и говорить людям, что ты их любишь, смотреть им в глаза и говорить это.

Ш: Но обратная сторона этого, Майкл, в том, что, если бы тебе дали много любви, когда ты был ребёнком, тогда тебе не понадобилось бы так усиленно работать, чтобы стать успешным.

М: Это правда. Поэтому я не хотел бы что-либо изменить, потому что всё это достигнуто большим трудом и разнообразием опыта.

Ш: Значит, тебе удалось обернуть пренебрежение в благословение?

М: Да.

Ш: Я помню ответ Пола МакКартни, которого спросили о тебе, когда ты стал большой звездой. Кто-то спросил: «Станет ли Майкл Джексон таким же, как и все эти рок-звёзды? Боже упаси, умрёт в тридцать лет, наркотики?» МакКартни ответил: «Нет. Характер Майкла совсем другой. Он не бранится, он не пьёт». Он сказал это пятнадцать лет назад. Знал ли ты о себе, что продолжай ты в том же духе - твой характер не будет сломлен испытанием успехом и славой?

М: Да, я всегда был таким стойким. Я всегда знал, что хочу делать, каких целей хочу достигнуть, и ничто не могло меня остановить. Я сосредоточен, и я знаю, чего я хочу, чего я хочу достичь, и я не сойду с прямого пути. И даже когда мне тяжело - я всё

равно продолжаю этот забег на выносливость, чтобы достичь этих целей. Это поддерживает меня на жизненном пути. Я выносливый.

Ш: Если ты абсолютно счастлив быть тем, кем являешься, то что насчёт... Ты сказал, что ничего не стал бы делать по-другому, потому что знаешь, какой бы ни был опыт в твоём детстве - он привёл тебя к тому, кем ты являешься, к твоему успеху. Значит, ты всё же не стал бы ничего менять?

М: Нет, я так нежен к другим детям благодаря моему прошлому, и я очень рад этому.

**Глава 8. Роуз Файн – наставница Майкла.
(Перевод Алины Аксёновой)**

Мы с Майклом обсуждали Роуз Файн, его наставницу в детстве, которая сопровождала Jackson 5 в турне. Майкл остался предан ей даже после того, как повзрослел, и оказывал ей финансовую поддержку до конца её жизни. Разговор между мной и Майклом начинается с путешествия на самолёте.

М: Она оставила на мне неизгладимый след.

Ш: Что?

М: Тряска. И будучи там, наверху, думаешь, что не выживешь.

Ш: Помнишь, ты мне рассказывал о своей еврейской наставнице?

М: Роуз Файн?

Ш: Ты мне сообщил однажды по телефону, что она, бывало, говорила: «Если на борту самолёта находится монахиня, то все умрут».

М: Она говорила: «Всё хорошо, мы сидим в самолёте и верим. Я проверила - в самолёте нет монахини». Я всегда этому верил.

Ш: Ты до сих пор остерегаешься монахини?

М: Я думаю о ней! Я никогда не видел монахини на борту самолёта. Она [Роуз Файн] очень помогала мне, держав мою руку и обнимая меня. После концерта я бежал в комнату. Мы читали и пили тёплое молоко, мне это так было нужно! Она всегда мне говорила: «Дверь открыта». И она всегда оставляла дверь открытой.

Ш: Возможно ли, чтобы кто-то, не являясь биологическим родителем, любил ребёнка так же сильно, как ты любишь своих собственных детей? Ты любишь детей так же сильно, как Принса и Пэрис?

М: Абсолютно.

Ш: Я всегда замечал одну очень впечатляющую вещь. Когда я говорю: «Принс и Пэрис красивы», - ты говоришь: «Нет. Все дети красивы». Ты не дашь мне ограничиться похвалой Принса и Пэрис.

М: Я вижу красоту во всех детях. Они все для меня красивы. Я люблю их всех одинаково. У меня, бывало, возникали споры об этом с людьми, которые со мной не соглашались. Они говорят, что я должен любить своих собственных детей больше.

Ш: Роуз Файн, хоть она не была твоей биологической матерью, была способна показать тебе материнскую любовь?

М: И мне это было нужно. Когда я был маленьким, я очень редко находился рядом с матерью, а у меня великолепная мама. Я вижу в ней ангела, но меня никогда не было рядом, я находился в турне, давая концерты один за другим по всей Америке, за границей, в клубах. Это мне очень помогало. Я и Джанет заботились о ней [Роуз Файн] до конца её дней. Она недавно умерла.

Ш: Думаешь, о ней следует упомянуть в контексте нашего детского проекта?

М: Да, пожалуйста. О ней стоит упомянуть.

Ш: Сколько ей было лет?

М: Она никогда не называла свой возраст. Я думаю, что ей было за девяносто. Она говорила: «Когда я уйду на пенсию - я скажу тебе свой возраст». Но когда она ушла на пенсию, то так и не сказала мне. Она прошла с нами весь путь - от первых профессиональных туров Jackson 5 до моего восемнадцатилетия. Первый наш тур был после того, как мы выпустили первый успешный сингл. Например, иногда концерт

начинался очень поздно, и она могла бы остановить его, потому что Управлением Образования было сказано: «Юридически дети не могут заниматься сверх положенной нормы». И она всегда разрешала отыграть концерт до конца. Она не могла расстроить публику.

Ш: А потом она вас учила в течение дня?

М: Ага.

Ш: Стандартным предметам? Математике? Английскому? Она учила вас пятерых вместе?

М: Да, вместе, три часа. Она обучала Джанет, всех нас.

Ш: Расскажи мне ещё немного о ней.

М: Да, Роуз умерла в этом году. Я и Джанет платили за её сиделку и медицинскую помощь, если ломался её телевизор или возникали проблемы с электричеством, или в доме что-нибудь шло не так - мы покрывали её счета. Сейчас её муж болен и я забочусь о нём, потому что мы чувствовали, что она была нашей мамой, а вы заботитесь о своей матери.

Ш: Вы действительно это чувствовали?

М: Полностью. Она была больше, чем учитель. И я был так зол на себя, что, когда она умерла, я был далеко, очень далеко. Я не мог туда добраться. Я был в Швейцарии и Эви [*секретарь Майкла*] позвонил мне и сказал, что она умерла. Я ответил: «Что? Я в Швейцарии. Я не могу...» Это меня злило, но я сделал всё, что мог. Меня также всегда ранило, когда я подходил к её двери, чтобы её увидеть, и говорил: «Миссис Файн, это Майкл». А она отвечала: «Ты не Майкл». Я говорил: «Это Майкл». А она: «Не говори, что ты Майкл. Ты не Майкл». Это как будто втемяшится в голову, и они не узнают тебя. Это так больно. Старение не так очаровательно. Это грустно.

Ш: Как бы ребёнок с этим справился? Ты пытался удержать своё детство, свою игривость, все те вещи, о которых мы говорим. Ты рассматриваешь старение как проклятье?

М: В том случае, когда тело начинает ломаться. Но когда старики возвращаются к детству, я их видел, они становятся очень игривыми, как дети. Я очень хорошо отношусь к старикам, потому что у них есть те качества ребёнка. Когда бы я ни пошёл в госпиталь, я всегда нахожу момент проскользнуть в другую комнату, чтобы поговорить со стариками. Я это делал только два дня назад, потому что я был в госпитале. Они были так добры, и они приветствовали меня так же, как это делают дети. Они говорят: «Входи», - и мы разговариваем. Они простые и добрые.

Ш: То есть жизнь почти как окружность. Ты начинаешь как ребёнок, затем проходишь фазу взросления, которая не всегда благотворна. У неё есть много негативных сторон, ты возвращаешься в зрелом возрасте к невинности, ты

становишься более игривым. У тебя есть гораздо больше времени, чем когда-то было в детстве. Я полагаю, поэтому бабушки и дедушки так хорошо справляются со своими внуками.

М: Старики и дети очень похожи. Они беззаботны, просты и добры. Это возвышенное чувство. Я не так часто посещаю дома престарелых, как приюты. У многих из них болезнь Альцгеймера, и они не узнают. Но я очень дружен со стариками. Я люблю разговаривать с ними, они могут рассказать историю о том, как они были детьми, каким был мир в то время. Я люблю это. В Нью-Йорке был один еврей, который сказал мне: «Всегда будь благодарен за свой талант и подавай бедным. Помогай другим людям. Когда я был маленьким мальчиком, мой отец говорил мне: «Мы собираемся взять эту одежду, завернуть эти куски хлеба, и ты побежишь вниз по улице, затем вверх по лестнице, позвонишь в дверь, положишь их перед дверью и убежишь!» Я спрашивал: «Почему ты говоришь нам убежать?» Он отвечал: «Потому что, когда они открывают дверь, я не хочу, чтобы они стыдились. У них есть гордость. Это настоящая благотворительность». Я никогда не забывал эту историю. Это прекрасно, не так ли? И он постоянно делал это, как и в детстве.

Ш: Ты пытался совершать благотворительные акты, о которых никто не знает?

М: Да, без размахивания флагом. Он *(человек, о котором упоминается выше)* говорит, что настоящая благотворительность – это когда ты даёшь от сердца, безвозмездно, и когда он бежал, никто не знал, кто это оставил. Это выглядело так, как будто Бог послал это. Это было так прекрасно. Я никогда не забуду эту историю. Мне было около одиннадцати, когда мне её рассказали. Я помню, он был старым, по-настоящему милым евреем.

В иудейской религии самая высокая форма благотворительности – это когда благодетель не знает личности получателя, и получатель не знает личности благодетеля. Отсюда еврейская традиция: каждый день класть деньги в ящик благотворительности дома или в открытом фонде, который позже подаёт бедным.

Ш: Она [Файн Роуз] была преданной иудейкой? Строго ли она соблюдала предписания религии? Или она была более светской иудейкой?

М: Что это значит?

Ш: Воздерживалась ли она от путешествия в Шаббат, ела ли она только кошерную еду, всякие такие вещи?

М: Ничего из этого, насколько я помню. Она научила меня многим иудейским обычаям. Я не знаю, ела ли она кошерную еду, но мне было её очень жаль, потому что её сын много страдал. Он был доктором, который рано умер, и в день, когда он умер, я помню, какой глубоко подавленной и печальной она была. Он был замечательным доктором, поступил в Гарвард, он был высоким и красивым. У него была опухоль головного мозга. Я не представляю, как можно потерять своего собственного ребёнка, не говоря уже о любом ребёнке.

Ш: Ты что-нибудь узнал об иудаизме от Роуз Файн?

М: Она научила меня иудейской культуре, и я никогда не забуду, когда я был ребёнком, мы приземлились в Германии, она притихла. Я спросил: «Что не так, мисс Файн?» Знаешь, как дети могут сказать, когда что-то не так с их матерью. Она ответила: «Мне это не нравится». Я спросил: «Почему?» Она сказала: «Много людей здесь страдало». Вот откуда я впервые узнал о концентрационных лагерях - от неё, потому что я ничего не знал о них. Я никогда не забуду то чувство. Она сказала, что ей холодно от этого места, она это чувствует. Какой добрый человек. Она открыла мне удивительный мир книг и чтения, и я никогда бы не стал тем человеком, которым являюсь сейчас, если бы не она. Я ей многим обязан, поэтому я посвящаю новый альбом ей.

Ш: Думаешь, она считала тебя своим сыном?

М: Она называла меня своим сыном. Когда бы вы ни полетели на самолёте, вы увидите семь маленьких чёрных детей и чёрного отца - у всех большие «афро» - и эту белую иудейскую взрослую женщину позади. Они, бывало, останавливали её и спрашивали: «Кто вы?» А она отвечала: «Я мать». Она говорила это каждый раз и шла дальше. Хорошая история. Она была особенной. Я нуждался в ней.

Ш: Она показывала вам безграничную любовь?

МД: Да.

Ш: Ты считаешь, что безграничная любовь может быть показана двумя людьми, которые не являются кровными родственниками?

М: Боже мой, конечно. Я думаю, что я научился этому от неё, я видел её и испытал. И не важны ваши родственные связи или раса, вероисповедание или цвет кожи. Любовь – это любовь, и она разрушает все границы, и вы её сразу видите. Я вижу её в глазах детей. Когда я вижу детей - я вижу маленьких беспомощных щенят. Они такие милые. Как кто-то может их обидеть? Они такие замечательные.

Ш: Она умерла в этом году, это значит, что тебе приходится справляться с печалью. Как ребёнок справляется с горем? Ребёнок живёт в раю, в безупречном мире, который мы пытаемся описать. Позднее взрослые становятся развращёнными войной, своей завистью и цинизмом, и это всё сопровождает смерть, даже детям приходится сталкиваться со смертью. Как ты миришься со смертью? И как ребёнок мирится со смертью?

М: Да, мне приходилось сталкиваться со смертью, и это очень тяжело.

Часть 2. Годы пребывания в церкви Свидетелей Иеговы и религия.

Глава 9 Неприятие церковью Свидетелей Иеговы. (Перевод Алины Аксёновой)

Ш: Ты считаешь что отвращение к гордыне это всё же след твоего религиозного воспитания?

М: Оно принесло мне много боли, но оно мне очень помогло.

Ш: Как оно тебя ранило?

М: Эмм... (*долгое молчание*). Когда я совершал определённые поступки в прошлом, я не осознавал, что они были направлены против религии, за это мне делали выговор, что почти разрушало меня. Определённые вещи, которые я делал как артист, я не осознавал, что пересекаю черту, и когда они наказывали меня за это - это было очень больно. Это почти уничтожило меня. Мама это видела.

Ш: Их осуждение, их отторжение?

М: Когда я впервые сделал лунную походку на 25-летию Motown, они мне сказали, что это был непристойный бурлеск. Но я продолжал так танцевать в течение нескольких месяцев, и они сказали: «Ты никогда не будешь больше так танцевать». Я ответил: «90.9 процентов танца – это движение талией». Они сказали: «Мы не хотим, чтобы ты это делал». В течение длительного времени я старался танцевать, не двигая этой частью моего тела. Когда я сделал Thriller со всеми вампирами и привидениями, они сказали, что он демонический и частично оккультный, брат Джексон не может этого сделать. Я позвал своего адвоката и плача сказал ему: «Уничтожь это видео». Благодаря тому, что он пошёл против моих желаний, люди сегодня имеют Thriller. Мне так было плохо из-за этого, что я приказал своим людям уничтожить его.

Ш: То есть ты видел две стороны религии: сторону любви, которая учит отвергать гордыню и призывает к смирению, но так же ты видел и то, что ты описал как подлость и категоричность.

М: Иногда они могут неправильно трактовать. Я не думаю, что Бог подразумевал именно так. Взять, к примеру, Хэллоуин. В течение нескольких лет я пропускал Хэллоуин, но сейчас – нет. Это так здорово - ходить от дома к дому, и люди дают тебе сласти. В мире нужно больше такого. Это сплавливает мир.

Ш: Ты берёшь Принса и Пэрис на традиционное хождение по домам за сладостями?

М: Конечно. Мы ходим вместе с одной семьей, и мы даём им конфеты. Я хочу, чтобы они увидели, как бывают добры люди. Мы кладём конфеты в сумку и затем, (*шепчет*) я подменяю их сласти на конфетки в форме глазных яблок.

Ш: Прошлым вечером я говорил с Эндрю Салливаном, редактором “The New Republic”. Мы дискутировали о гомосексуализме в университете, затем мы говорили о тебе, и он был удивлён услышать о тебе приятные вещи. Он сказал: «Почему я о них ничего не знаю?» Я ответил: «Я не знаю». Эта сущность, Майкл, - «неотъемлемая часть Хэллоуина». Тебе стоит устраивать пресс-релизы по этому поводу. «Сущность Хэллоуина в том, чтобы дети стали свидетелями доброты незнакомцев». Мне это нравится. Это замечательная мысль. Она превращает игру «пакость или угощение» во что-то более значительное, чем выманивание конфет.

М: Я плачу за своей маской. Я действительно плачу, когда иду с ними, и люди мне говорят: «Открой свою сумку». И я думаю - смотри, чего я был лишён. Я не знал, что это... Я смотрю им в лицо, и они дарят подарок. Это так мило. Дети подходят, открывают свои сумки и говорят: «Посмотри на это». И это так мило, как они реагируют. Это та часть Америки, которой я горжусь.

Глава 10. Считал ли Майкл себя избранным Богом? Обладал ли он особыми целебными способностями? (Перевод Алины Аксёновой)

Ш: Иисус сказал: «Позвольте детям прийти ко мне». У него было столько замечательных высказываний о детях, и большинство святых можно увидеть в обществе детей. Ты ассоциируешь себя с такими людьми? Ты чувствуешь, что Бог дал тебе больше, чем просто талант к музыке?

М: Да, абсолютно.

Ш: ...Подожди. Я думаю, ты должен сделать что-то особенное на этой Земле. Каждый человек должен. И мы не можем игнорировать тот факт, что у тебя есть уровень такой известности, которую мы раньше не видели. И мы должны направлять эту популярность в нужное русло. Вот когда ты становишься наставником, Майкл, не просто артистом. Тебе нужно определить что это такое, какое позитивное послание ты хочешь донести человечеству. Вот тогда твоя известность становится искупительной. На самом деле, я считаю, что слово «исполнитель» для тебя немного оскорбительно. Ты не исполнитель и тебе следует всегда стараться, чтобы быть больше, чем просто исполнителем. Ты много раз говорил мне, что никто не будет делать те вещи, которые делаешь ты, будучи простым исполнителем. Эдди Мёрфи - артист. Он великолепен. Он забавен. Но никто не располагается лагерем вокруг его дома. Ты знаешь, что я имею в виду. Это обладает большой силой, и ты должен определить чего ты хочешь этим добиться и какую благочестивую пользу принести. Это не должно касаться тебя. А быть больше, чем ты сам - благородная цель, которая не относится к развлечению. Ты представляешь себя в такой роли? Ты чувствуешь, что Бог наделил тебя определённой исцеляющей силой?

М: Да.

Ш: Когда ты говоришь с Гвином - ты лечишь его, а не просто разговариваешь?

М: Я знаю, что я исцеляю его. Я видел детей, которые просто окатывают меня любовью. Они хотят только прикоснуться ко мне, обнять меня, прижать к себе, заплакать и не отпускать. Они даже не знают меня. Иногда, когда ты находишься на улице, можешь увидеть, как матери отдают своих детей в мои руки. «Прикоснитесь к моему ребёнку, прикоснитесь к нему, прижмите его». То не почитание героя, как говорит религия, не поклонение идолу.

Ш: Не поклонение идолу? Почему? Потому что они не боготворят тебя? Потому что они чувствуют, что становятся лучше? Рядом с тобой они чувствуют себя легче воздуха, они чувствуют, что могут чуть ли не по воде ходить. И это не поклонение?

М: Да и поэтому моя религия учила, что мы не должны так делать. Если бы я пошёл в свою церковь, прихожане никогда не отнеслись бы ко мне так, как ко мне отнеслись в твоей церкви.

Когда я в субботу взял Майкла с собой в синагогу, люди очень вдохновенно его приветствовали. В церкви Свидетелей Иеговы решили никогда не относиться к Майклу так, как это делают другие почитатели. В случае с синагогой мы не сказали прихожанам, что он собирается прийти, потому что не хотели афишировать его визит, и я хотел, чтобы Майкл почувствовал всю красоту и светлость Шаббата, не обременённый шумом вокруг знаменитости. Но когда люди увидели его, они поспешили поприветствовать его и пожать ему руку.

М: Они [Свидетели Иеговы] были бы любезны после церемонии. «Здравствуй, Брат Джексон. Как твои дела?» Но не обнимая и говоря: «Мы любим тебя». Они чувствовали, что это поклонение, им не следует этого делать. Это неправильно, это заходит слишком далеко. Нет ничего плохого в том, чтобы сказать: «Спасибо. Мы очень любим тебя».

Глава 11. Связь с божественной силой. (Перевод Алины Аксёновой)

Ш: Ты получаешь удовольствие от выступления и написания музыки?

М: Да. Я люблю это. Если бы я не получал удовольствия, то не занимался бы этим. А я занимаюсь музыкой потому, что действительно люблю её. Нет большего счастья, чем танцевать и выступать. Это словно праздник, когда ты оказываешься в месте, где собрались известные артисты, где они едины с музыкой, едины с аудиторией, и, если ты на их уровне, ты будтоходишь в транс, это так захватывает. Вы начинаете подбадривать друг друга и осознаёте, к чему это всё ведёт, ещё не попав туда. Им необходимо знать, куда ты направляешься, и ответить. Это как игра в пинг-понг. Это как миграция птиц, которые знают, куда летят. Или как рыбы. Они телепаты, они находятся на одной волне. Вот что происходит, когда ты выступаешь: ты сливаешься в одно целое с музыкантами, и с танцем, и с музыкой, и ты находишься в состоянии транса. Ты их зацепил. Они кормятся у тебя с ладони. Невероятно. Ты как будто преображаешься.

Ш: Что за энергия, которая вводит тебя в экстаз? Она божественная?

М: Она божественна, чиста, она откровение, без налёта церковности или религиозности, но при этом она божественна. Некоторые называют это душевным подъёмом, словно эта светлая аура наполняет помещение. Некоторые люди презирают её. Иногда религии презирают её, потому что считают её демонической, культом, дьяволом. Нет, эта энергия исходит от Бога. Это чистая божественная энергия. Ты чувствуешь божий свет.

Когда я даю выступления, подобные 25-летию Мотаун, или когда впервые представлял "Билли Джин" с лунной походкой на сцене - аудитория взрывается; небольшой шаг, взмах рукой... и «Аааааа!», и так, что бы ты ни сделал. Я как будто впадаю в состояние транса от этого. Я словно всё чувствую, но не слышу. Я повинуюсь своим чувствам при выступлении. В конце действия, когда открываешь свои глаза и видишь ответную реакцию - ты удивлён, потому что находился в другом мире. Я был одним целым с этим моментом, рабочим моментом.

Ш: Ты это делал не для того, чтобы кому-то соответствовать. Может быть, это твоя сила как исполнителя. Она не крутилась вокруг того, чего хотят люди, вокруг условностей и любезностей.

М: Нет.

Ш: Ты можешь научить людей как достичь этого состояния? Ведь, если твоя душа была наполнена горечью и ненавистью, то в такие божественные, по твоим словам, моменты, она очищается от всего этого?

М: Да, она просто очищается, и ты становишься выше всего этого. Ты просто попадаешь в мир, где нет всей этой суеты, нет никого и ничего. Всё ушло безвозвратно. И это удивительно. Ты воспарил надо всем. Ты это чувствуешь, что не значит... и всем тем людям, которые там с тобой, передаётся это настроение, аудитория подхватывает его.

Глава 12. Отношения Майкла с религией. (Перевод Алины Аксёновой)

Ш: Майкл, я читал статью, в которой ты сравниваешь давление на Иисуса с давлением на знаменитость. Помнишь это?

М: Нет, не помню. Где это было?

Ш: Не знаю. Возможно, выдумка. У тебя есть связь с Иисусом?

М: Да, точно. Ты [обращаясь ко мне] веришь в Иисуса, не так ли?

Ш: Нет, ни в его мессианство или божество.

М: Ты не веришь, что он существовал?

Ш: Ох, мы верим, что он существовал. Мы верим, что он был хорошим человеком, благочестивым иудеем, великим учителем морали. Но мы не верим, что он был сыном Господа или мессией. Недавно я делал об этом шоу Ларри Кинга с одной из дочерей Билли Грэхэма. Ты чувствуешь близость с Иисусом как личностью? Ты чувствуешь, что он был взрослым ребёнком, потому что его изображают на портрете как очень нежное существо, у которого было прекрасное назидательное послание, который был с виду мягким и ранимым? Был ли он стереотипом человека с душой ребёнка внутри?

М: Да, безусловно.

Ш: И поэтому он любил находиться среди детей?

М: Я думаю, если бы я находился с ним в одной комнате, я бы следовал за ним повсюду, куда бы он ни пошёл, чувствовал его присутствие. Я бы вёл себя как ребёнок, как Ганди.

Ш: Ты видишь, как он смеётся?

М: Да, и когда Ганди хихикает как ребёнок - это так мило. Этот человек появился из ниоткуда и повёл за собой всю нацию. Он не обладал ни политическим, ни правительственным рангом. Я считаю, это настоящая сила. Невероятно. Ганди был феноменом. Это удивительное, феноменальное кино. Ты его видел?

Я подтвердил, что видел.

Ш: Какие библейские рассказы ты считаешь вдохновляющими?

М: Мне нравится “Нагорная проповедь”. Мне нравится рассказ, в котором апостолы спорят друг с другом о том, кто из них величайший, тогда Иисус говорит: «Пока вы не усмирите себя, как это маленькое дитя, пока не станете как ребёнок...» ...[*вы не войдете в царствие небесное. Тот, кто будет как дитя, тот и есть величайший в царствии небесном*] - *Ев. от Матвея 18:3-4 – прим. пер.*]. Я думал - это самый прекрасный ответ. Возвращение к невинности.

Ш: Кто-нибудь говорил тебе, что создаётся впечатление, будто ты пытаешься воссоздать здесь райский сад [*разговор происходил в Неверленде*], твоё собственное видение идеального райского места, убежище от увиденного тобой безумства людей, творящегося в мире?

М: Ты был первым.

Ш: История Адама и Евы имеет для тебя особое значение?

М: Конечно.

Ш: Ты сразу же заметил в них что-то детское?

М: Да, я бы хотел увидеть это. Был ли это символизм? Действительно ли это случилось? Иногда я в замешательстве от того, что есть неясность. У меня были вопросы, на которые даже старейшины [члены церкви Свидетелей Иеговы] не могли ответить.

Ш: Ты задавал им много вопросов о Библии?

М: О да. Я был тем парнем, который обычно хватал микрофон и говорил: «Ну, расскажите мне про это и про то!» Они отвечали: «Брат Джексон, мы поговорим с тобой позже». Они придумывали другие забавные ответы, которые не могли убедить.

Ш: Адам и Ева – два совершенных человека, которые были как дети. Они созданы взрослыми, но их положение уникально, потому что они ещё и дети. Они только что были рождены, только что созданы. Таким образом, их совершенство заключается в том, что они и взрослые и дети одновременно. Они представляют слияние добродетели в них обоих. Основа рассказа в том, что мы пытаемся совершенствоваться, о людях, которые с виду взрослые, но внутри сохраняют детские качества. Это та история, которая для тебя что-то значит?

М: Но мне непонятно, зачем Господь испытал их запретным плодом. И если ты Бог - ты должен знать результат. Если ты Бог, зачем испытываешь созданных тобой, совершенных, не способных делать что-либо неправильное, людей? И зачем осуждать и насылать на них гнев, изгонять их и искушать змеей? Сделал бы Господь так? Сделал бы я это с твоими детьми? Нет, не сделал бы. Я здесь не для того, чтобы осудить Бога или критиковать его. Но иногда я думаю, что это символизм, чтобы преподать нам определённый урок. Я не знаю, случилось ли это на самом деле. Я бы

не стал брать твоего маленького ребёнка или любого другого, чтобы посмотреть, как он поступит - хорошо или плохо. Возьмём двух детей [Каина и Авеля] - это был инцест? Это были два мальчика. Как у них появились дети? И все те вещи, на которые они не могли мне ответить.

Ш: Это были те вопросы, которые ты задавал старейшинам?

М: Ага.

Глава 13. Религия и обретение Бога через ритуалы. (Перевод Алины Аксёновой)

Ш: Я всегда говорю, что главная цель религии – это научиться в двадцать лет тому, что ты осознаешь в семьдесят. Иначе говоря, религия принципиально не создана для того, чтобы открыть нам вселенские секреты. Она прямолинейна, её глубокий смысл заключается в простых вещах: будь хорошим человеком, проводи время с детьми, люби Бога. Ты поймёшь это в восемьдесят лет, но тебе следует узнать всё, будучи подростком, иначе ты растратишь свою жизнь.

М: Правильно, я это понимаю. Это как раз то, о чём мы говорим.

Ш: Ты один из немногих людей, которые кажутся религиозными без намерения, которых этому не учили. Ты обладаешь глубоко укоренившимся чувством одухотворённости, но ты не совершаешь многих религиозных ритуалов. Ты говоришь: «Хотя я раньше считал, что Бог существует в церкви, сейчас я верю, что он повсюду, он в моём сердце.... Сейчас я вижу Бога в тех мгновениях, которые провожу с детьми, в невинности».

М: Да, это так.

Ш: Послушай, ты очень религиозный, но также важно общаться с Богом посредством ритуалов. Как это делает [моя жена] Дебби. Дебби более одухотворена, чем я. Она чувствует Бога сильнее меня. Мне нужно часто что-либо предпринимать, чтобы его почувствовать. У меня не такая чистая душа, как у неё. Я очень отличаюсь.

М: То есть вы не ходите в...э...

Ш: Мы ходим в синагогу каждую неделю.

М: Каждую неделю?

Ш: Да, точно.

М: В какой день недели?

Ш: Вечером в пятницу и в субботу.

М: Правда?

Ш: Да, конечно. Помнишь ту службу у меня дома?

М: И все твои дети ходят?

Ш: Да, конечно.

М: Как долго это продолжается?

Ш: Час в пятницу. Затем около трёх часов в субботу утром. Затем ещё час днём в субботу.

М: И дети там находятся в течение трёх часов? Им это идёт на пользу?

Ш: Да.

М: Поэтому они так хорошо себя ведут.

Ш: Да, они в этом хороши. Раз в месяц я не хожу в синагогу, остаюсь дома с ними, учу их молитвам, чтобы знали, что говорить в синагоге.

М: Так что, вы молитесь?

Ш: Мы проводим службу дома раз в месяц.

М: Это, должно быть, прекрасные молитвы.

Ш: Да, они прекрасны.

М: Я знаю, что они должны быть прекрасными.

Ш: Они очень просты. Иудейские молитвы не о возвышенных вещах, а о мелких. Молитвы настраивают нас видеть Бога в мелочах повседневной жизни. Он повсюду.

М: Но они красивы, не так ли?

Ш: В них благодарим Бога за дождь, за прохладный ветер. Благодарим Бога за все чудеса, которыми он наделил иудеев за всю историю.

М: Ух ты!

Ш: Евреи существовали уже очень долгое время. Он о нас заботится. Мы древний народ.

М: И Мушки, и все ходят? И Баба? [*Баба – это прозвище дочери Шмули, Рошель Ли, которой в то время было три года*].

Ш: Баба тоже ходит. Она не ходит три раза во время Шаббата, а только раз в субботу утром, вместе с Дебби, потому что Дебби сейчас беременна. Хотя, иногда она посещает синагогу три раза, сейчас ходит только утром. Знаешь, мы ходим пешком, мы не ездим на машине. Мы совсем не ездим в Шаббат.

М: Как далеко вы идёте пешком?

Ш: Не так далеко, полмили.

М: Все дети идут пешком?

Ш: Да, все.

М: Правда?

Ш: В Оксфорде [где я одиннадцать лет служил раввином] было очень далеко. В Оксфорде мы шли три мили туда и обратно.

М: Ты и твои дети?

Ш: Там всегда шёл дождь. Всегда.

М: Шмули, вы шли три мили пешком?

Ш: Три мили.

М: И они не жаловались?

Ш: Нет. Иногда они жаловались, если мы возвращались домой поздно, потому что мы ужинали со студентами в пятницу или субботу и часто возвращались домой после полуночи.

М: Я люблю твою семью.

Глава 14. Карма и справедливость. (Перевод Алины Аксёновой)

Ш: Мне очень нравится, что в Неверленде охрану называют «безопасность»... Это написано на их значках, форме и головных уборах.

М: Я не знаю.

Ш: Суть в том, что лучше говорить «безопасность», чем «охрана». Это как: «Мы здесь не для того, чтобы отгородиться от внешнего мира, а чтобы обеспечить безопасность каждого человека, который приходит сюда». Это менее устрашающе и более гуманно. Детям присуще сильное чувство справедливости. Самая обычная вещь, которую я слышу от своих детей: «Это не честно». Ты говорил, что этим людям, которые работают с тобой, всё сходит с рук. С одной стороны, дети обладают сильным чувством справедливости, с другой стороны - мы видим, как подлым людям всё сходит с рук и никто их не остановит.

М: Это происходит всё время. Я считаю, что правосудие важно, потому что в мире существует так много несправедливости, и я ненавижу это. «Я устал от несправедливости» - начало одной из моих песен с последнего альбома, которая называется «Scream». Это первая строка, которую я говорю. Есть строчка, где Джанет [Джексон] говорит: «Боже мой, я не могу поверить в то, что видела сегодня вечером по телевизору. Мне было противно от всей этой несправедливости», потому что я хотел, чтобы люди знали об этом, им это сходит с рук, и я не верю в карму. Я считаю, что это куча дерьма, потому что так много низких, злых людей, находящихся на вершине мира и преуспевающих, которых любят, неважно, насколько они злые.

Ш: Я люблю, когда ты делаешь такие сильные заявления, как это.

М: Ну, прости, это чушь. Карма — это предположение, как и любое другое предположение, которые выдвинули люди.

Ш: Ну, что посеешь, то и пожнёшь, это правда. Но карма может быть злой. Согласно карме неполноценные дети сделали что-то плохое в прошлой жизни.

М: Это очень тонкая грань, и я прошу прощения за то, что так говорю. Но я ненавижу того, кто бы это ни сказал. Ребёнок сделал что-то в прошлой жизни, поэтому Бог собирается изувечить его? Сироты, которые летели в Америку из одной страны, чтобы их усыновили. Самолёт разбился. Все дети, находившиеся на борту самолёта, погибли. За что? Если бы ты мог спасти этих детей, если бы ты находился на Небесах,

ты бы сказал: «Этот самолёт не упадёт. Может быть, какой-то другой, но не этот». Я знаю - я бы так сказал.

Ш: У тебя когда-нибудь был восточный духовный наставник, который подходил к тебе и говорил: «Майкл, детей сбивают грузовики потому, что они прелюбодействовали в прошлой жизни».

М: Нет, если бы сказали - я бы взбесился и доказал, что это чушь. Это дерьмо. Это предположение, как и любое другое предположение о вселенной. Некоторые люди верят в теорию Большого взрыва, я – нет, некоторые верят в Создателя, в историю об Адаме и Еве, что эта вселенная возникла неслучайно. Сказать, что вселенная возникла в результате Большого взрыва или случайно, это то же самое, что сказать: «Хорошо, я хочу, чтобы ты взял, к примеру, двигатель от автомобиля, мы разберём его на части, положим детали в кусок трубы и перемешаем». Ты можешь трясти эту трубу сто лет, но она никогда не станет совершенным двигателем. Собрать все куски и сделать из них двигатель – это то же, что говорить о теории Большого взрыва и что в результате мы получили детей, деревья, растения, воздух, которым дышим, и кислород. Кто-то создал это всё, Творец создал. От наших ресниц и ртов до пищеварительной системы. Ты согласен?

Ш: Самая распространённая среди религий вера, что Бог – создатель жизни.

М: Когда я ходил от дома к дому [свидетельствуя о церкви Свидетелей Иеговы] и люди говорили мне: «Мы атеисты», [я думал] "Что? Они не верят в... " Я слышал это много раз, у меня есть брат, который одно время был атеистом, но сейчас, я думаю, уже нет. Тито был атеистом, даже будучи воспитанным абсолютным Свидетелем Иеговы. Я знаю некоторых известных режиссёров, человека, который снял «Поющих под дождём» и получил Оскар, Стэнли Донен...

Ш: Так какие аргументы ты находил, будучи проповедником-добровольцем, когда люди говорили тебе, что они атеисты?

М: Я пытался показать чудеса, которые есть в нашей жизни, детей и что можно увидеть, заглянув им в глаза, наши тела - насколько правильно там всё устроено и работает, и что это не могло произойти само по себе. Никак не могло! Затем появляются вопросы о том, зачем мы здесь, почему мы позволяем разрушать друг друга. Потому что мы единственный вид, который разрушает себе подобных. И все остальные разновидности жизни на этой планете... Я не понимаю, как происходит вся эта несправедливость. Почему ничто не остановило Холокост или другие крупные геноциды, которые происходят в мире, линчевание и рабство, никто не остановил Сталина и ...? Я ненавижу это говорить, но Наполеона тоже. Его прославляют за весь его геноцид [я предполагаю, Майкл имеет в виду развёрнутые им войны – прим. Шмули], когда Гитлера называют дьяволом, кем он и был. Но они оба делали одинаковые вещи. Один делал это ради своей страны, и другой тоже! Многие люди погибли за Наполеона. Ему воздвигаются памятники.

Ш: Ну, никто никогда не был таким жестоким, как Гитлер. И Наполеон, будучи человеком, который начал много войн, в то же время был великодушным диктатором

и никаким образом не может быть сравнен с Гитлером. В своё время англичане и все нации Европы считали его чудовищем. Его называли антихристом.

М: Но он умер на острове в одиночестве.

Ш: Тебе нравится читать историческую литературу?

М: Мне нравится читать историю, но я не знаю, чему верить, а чему – нет. Потому что я знаю, как всё исковеркано в том, что обо мне написано, так и в истории многие вещи перепутаны. Как эту страну отобрали у индейцев, как отобрали Австралию у аборигенов и изолировали их, как убили множество афро-американцев.

Ш: Знаешь, что большая часть коренного населения Америки, так же, как и большая часть рабов, привезённых из Африки, умерла от болезней и микробов. Почти девяносто процентов коренных американцев умерло от европейских заболеваний. Видишь ли, у европейцев было столько заболеваний, на которые у них выработался иммунитет. Но у коренных американцев не было такого иммунитета, и микробы европейцев убили около восьмидесяти семи процентов местного населения Америки, что-то около девяноста пяти процентов аборигенов умерло от болезней. Они жили в более безопасном окружении без этих европейских заболеваний.

М: Я ненавижу это. Прости, но я ненавижу.

Ш: Знаешь, когда я недавно был в Австралии, у них возник большой спор о том, стоит ли правительству извиниться перед аборигенами.

М: Я знаю об этом. Помнишь, я говорил это Фрэнку? [*Фрэнк Касио находился в комнате во время разговора*] Они говорят, что если извинятся, то им придётся платить так же, как и евреям за Холокост. А они не могут платить им, поэтому не могут попросить прощения. Они совершили ошибку, потому что беспокоились, что те будут стоять с протянутой рукой и просить деньги.

Ш: Ты думаешь, что им следует это сделать?

М: Я отдаю должное иудеям за их стойкость в прошлом. Да. Немцы платили евреям 47 миллиардов долларов в год за Холокост.

Ш: Нет, даже близко такого не было. Евреям никогда не платили за их рабский труд и за шесть миллионов убитых. Скорее, им возместили десять миллиардов долларов за конфискованную собственность, которая была украдена и разрушена нацистами и коллаборационистами, и даже тогда они получили лишь долю того, что потеряли.

М: Я ненавижу, что люди до сих пор считают немцев плохими, потому что они не такие.

Ш: В Библии ответственность за содеянное имеет больше горизонтальную природу, чем вертикальную. Так, если бы я видел, как ты избиваешь Фрэнка, и не остановил тебя - я бы так же понёс за это ответственность. Потому что я был свидетелем, но

предпочёл не останавливать тебя. Принс бы не понёс ответственность лишь потому, что он твой сын. Дети не должны отвечать за грехи своих отцов. Поэтому ответственность имеет горизонтальную природу, но не вертикальную. Он не может отвечать за то, что делает его отец. Так мы, конечно же, не возлагаем ответственность на нынешнее поколение немцев за то, что сделали их отцы. Но те, которые совершили это, и те, кто молча смотрел - остаются ответственными.

Глава 15. Расизм, религия и антисемитизм (Перевод Татьяны Работновой)

Ш.: Выходит, ты был чем-то вроде голоса для тех, кто нуждался в помощи, и на кого общество закрывало глаза? Как, например, в песне "They don't care about us" ("Им плевать на нас") твое главное послание заключалось в том, что им наплевать... Но на кого именно? На бедных? На страны третьего мира?

М.: Им плевать на нас, на тех, к кому относятся несправедливо, на тех, кого унижают, на тех, кого называют «ниггер», на тех, кого называют словом "жид", (использование которого в песне было неправильно понято). Когда я был маленьким, евреи - у нас были евреи-юристы, евреи-бухгалтера и мы все бок о бок спали в одной постели - они называли друг друга словом "жид". Однажды я спросил, что оно означает, и они сказали, что это такое же обидное слово для евреев, как слово "ниггер" - для чернокожих. И я сказал: "Ого..." Я всегда знал, что когда человека хотят унижить, его называют либо ниггером, либо жидом. Вот о чем я говорил в песне, и вот это используют расисты. Меня просто неправильно поняли. Я никогда не стал бы обзывать кого бы то ни было подобным образом.

Ш.: То есть, таким образом ты пытался поддержать тех, у кого нет голоса?

М.: Именно так. Я бы никогда не стал учить ненависти. Я не такой.

Ш.: Ты гордишься тем, что являешься американцем? Когда ты давал все эти концерты за границей, в других странах, чувствовал ли ты себя представителем американского народа?

М.: Я надеюсь, ты не поймешь меня превратно, но я чувствую, что я принадлежу всему миру, и я ненавижу всякого рода деления (*национальные, расовые и пр. — прим. пер.*). Даже несмотря на то, что я американец, и на то, что я родился в этой стране, и на то, что существует множество вещей, благодаря которым я могу быть гордым за Америку - так же существует ряд вещей, из-за которых я стыжусь за нее. Например, невежество. Помнишь ту картину Норманна Роквелла, где маленькая девочка просто пришла в школу учиться, а они швырялись в нее разными вещами?

Я не понимаю явление расизма. Моя мать - она ангел и просто святая - однажды поехала в магазин, который был в квартале от моего дома в Энсино, на своем мерседесе. И она любит всех людей без исключения, а тот белый парень из машины на ходу крикнул ей: «Убирайся в Африку, ты, ниггер!» Меня очень задело, что это произошло с моей мамой. И ведь это случилось не больше 5 лет назад. Похоже, он просто завидовал.

Я знаю аналогичные истории, произошедшие с моими братьями. Так вот, они выходили из своих роллс-ройсов, запирали машины, а когда возвращались - обнаруживали, что кто-то поцарапал машины ключом, только потому, что ее водитель - чернокожий. Я просто ненавижу все это, так как цвет кожи не имеет ничего общего с характером человека.

Я люблю еврейских детей, азиатских, русских..... Так как мы все одинаковые и у меня есть идеальный аргумент, чтобы доказать это. Я выступал во всех этих странах, и люди плакали в одних и тех же местах моего выступления. Они смеялись в одних и тех же местах. Они впадали в истерику в одних и тех же местах. Они падали в обморок в одних и тех же местах – и это просто совершенный, идеальный аргумент. Существует некая общность всех людей на Земле. Я слышал, что все русские – непробиваемые, а у немцев нет никаких чувств или эмоций. Но на самом деле - они были столь же эмоциональны на моих концертах, сколь и другие... Может, даже больше.

И самые любящие и верные фанаты в Германии и России. Они могут стоять на холоде под проливным дождем только ради того, чтобы хоть мельком увидеть меня. Они кричат: «Мы хотим исцелить мир, мы любим тебя!» И все они молодые люди, которые не хотят иметь ничего общего с войной или другими безумными вещами. Ты знаешь, они совсем другие. Новое поколение совсем другое. И они просто чудесные. Я чувствую себя человеком, принадлежащим миру, космополитом, который не может отнести себя к какой-то одной стране. Вот почему мне не нравится говорить, что я американец. Именно по этой причине.

Ш.: Ты не думаешь, что тот факт, что ты был одним из первых невероятно успешных и известных афро-американцев, повлиял на твою карьеру? То есть некоторые несправедливые вещи, которые люди делали по отношению к тебе - это фактически расизм, такой же, с которым столкнулась твоя мама?

М.: Да, ведь до меня были и Гарри Белафонт, и Сэмми Дэвис, и Нэт Кинг Коул. Они были артистами и люди любили их музыку. Но у них не было такого поклонения, они не заставляли людей плакать и кричать им: «Я люблю тебя, я хочу за тебя замуж!» Глядя на них, люди не срывали с себя одежду, не впадали в истерику и не визжали. Они не выступали перед целыми стадионами. Я был первым, кто сломал устои. Белые девушки, шотландские, ирландские кричали мне: «Я люблю тебя, я хочу...» И белой прессе это, естественно, не нравилось. Вот почему все стало для меня таким сложным, ведь я был первопроходцем во всем этом, и вот почему они начали писать все эти истории. «Он странный», «Он гей», «Он спит в барокамере», «Он хочет купить кости человека-слона» - все, что могло настроить людей против меня. И репортеры прилагали к этому все усилия. Любой другой на моем месте просто умер бы, как наркоман от передозировки, если бы ему пришлось пройти через все то, через что прошел я.

Ш.: Что давало тебе силы, чтобы держаться?

М.: Вера в детей, в молодежь. Вера в то, что Бог дал мне все это по одной простой причине - чтобы я мог помогать детям.

Ш.: И, даже несмотря на то, что взрослые поступали с тобой подло и низко, ты до сих пор веришь в то, что у более молодого поколения есть доброта в сердцах?

М.: Абсолютно. Я до сегодняшнего момента все еще пытаюсь это осознать до конца. Есть один момент, связанный с евреями, который не дает мне покоя. Это действительно проблема для меня.

Ш.: Какой именно момент?

М.: Когда я узнал, какое огромное количество детей были убито во время Холокоста....*(начинает плакать)* Какими нужно быть людьми, чтобы творить такое?! Я этого просто не понимаю. Ведь не важно - какая раса. Я не могу... Я просто не понимаю этого в принципе. Не могу понять. Это в каком состоянии нужно быть... Не понимаю таких вещей. Неужели кто-то может довести тебя до такого состояния ненависти? Неужели они смогли сделать такое со своим сердцем? Они не смогли бы сделать это с моим. А с твоим? Прости.

Ш.: Они могут сделать это с нами только в том случае, если мы будем легко поддаваться подобным вещам или потеряем связь с Богом, который призывает нас к праведности.

М.: Гитлер был гениальным оратором. Он был способен заставить множество людей развернуться на 180 градусов, измениться и возненавидеть. Ему приходилось быть шоуменом и он им был. Прежде, чем он начинал свою речь - он делал паузу, выпивал

глоток воды, прочищал свое горло и оглядывал аудиторию. Это как раз то самое, что делают ораторы и артисты, когда они пытаются настроиться на аудиторию. И он входил в состояние ярости с первых же слов и вводил слушателей в иступление. Но откуда он взялся? Я знаю, что он бросил школу и что он хотел стать архитектором. Он потерпел неудачу во многих своих начинаниях. Но я думаю, что все эти идеи - я имею в виду *Mein Kampf* [*Книга Адольфа Гитлера, сочетающая элементы автобиографии с изложением идей национал-социализма - прим. пер.*] – пришли к нему именно в тюрьме, разве не так? Я действительно верю в это.

Характеристика Майкла, данная Гитлеру - шоумен - просто блестяща. Впоследствии я просмотрел множество речей Гитлера, и Майкл был абсолютно прав. Гитлер поднимался на трибуну, делал паузу и заставлял толпу застыть и затаить дыхание в предвкушении. И только после этого начинал речь.

Ш.: Ты имеешь в виду место, где он написал эту книгу и начал формулировать свои идеи?

М.: Да, да. Гитлер создал эту всепоглощающую злость, а вот, к примеру, Нельсон [Мандела] - наоборот. Он смягчился в тюрьме. И Нельсон не испытывает горечи до сегодняшнего дня, он говорит, несмотря на то, что ему 80 и что его молодость была упущена, так как он провел в тюрьме слишком много времени – он ни о чем не сожалеет.

Ш.: Но ведь его юность ушла безвозвратно?

М.: Нет, он милый и в душе похож на ребенка.

Ш.: А он любит хихикать?

М.: Он любит детей. Когда я приехал, чтобы встретиться с ним, со мной было несколько детей, но его представители сказали, что только я могу войти, а детям придется подождать. Я сказал: «Я уверен, что мистер Мандела не будет возражать, если дети войдут. И я не пойду без них». Его представители посмотрели на меня как-то так (*делает суровое и недоверчивое выражение лица*), а потом они вернулись от Манделы и сказали: «Все могут войти». И первое, что сделал Мандела – начал бегать за детьми, ловить их и обнимать. Я знал, что он действительно был именно таким человеком и что он любил детей. Он поговорил с ними и только после этого пожал мне руку. Я знал, что я был прав в отношении него.

Ш.: Являешься ли ты противоположностью Гитлера? Бог дал тебе феноменальную харизму и, в то время как Гитлер будил в человеке зверя, ты хочешь пробудить в человеке доброту и невинность. Самые темные и злые силы были высвобождены в душах немцев именно во время правления Гитлера. Таким же образом сейчас Бог дал тебе невероятную харизму. Используешь ли ты ее для того, чтобы пробудить в человеке невинность и добро?

М.: Я верю в это. Я действительно могу изменить их, потому что побывать на моем выступлении – это как получить некий духовный опыт - ты приходишь одним человеком, а уходишь совершенно другим. Это действительно так.

Ш.: То есть одна из твоих целей - попытаться вытащить это из людей, пробудить это в них, а не просто дать представление?

М.: Да, именно так. Как бы мне хотелось, чтобы ты увидел некоторые вещи, которые мы делали во время концертов. Как, например, мы вывели огромный танк на сцену – совсем как настоящий армейский, из которого вылезал солдат и начинал во всех целиться. Затем он наводил автомат на меня, и в этот момент вся аудитория начинала неодобрительно свистеть. И такая реакция была во всех странах. И я брал ствол автомата и опускал его вниз, и тут все начинали кричать. А потом маленькая девочка - у меня в шоу всегда была милая девочка – выходила, и в руках у нее был цветок. Она подходила к солдату, подносила цветок прямо к его лицу, солдат опускался на колени и начинал плакать. И аудитория каждый раз от этого просто сходила с ума. Потом я начинал свою речь, и маленький мальчик выходил вперед и показывал ее на языке жестов для глухонемых. Я смотрел на аудиторию и видел, что все плачут. Это случалось во всех странах. Это часть выступления на песню Earth Song (Песня Земли). Я был послом доброй воли, чтобы распространять это послание по всему миру. Когда я исполнял песню "Heal the world" ("Исцели мир"), дети всех наций водили хоровод вокруг огромного глобуса, и еще сзади стоял огромный экран, на котором появлялись изображения мировых лидеров, и это было просто потрясающе. В то время как другие певцы поют о сексе: «Я хочу залезть с тобой в горячую ванну, детка, потереть тебе спинку», я до сих пор остаюсь одним из тех, на кого пресса обрушивается с обвинениями в странности. Ну разве есть в этом какой-то смысл?

Ш.: Нет, конечно, это неправильно.

М.: Это неправильно, правда?

Ш.: Все меняется прямо у тебя на глазах. Что, если они и дальше не поймут? Что если они, как нацисты, просто злые люди?

М.: Я не могу представить, что я не смогу тронуть их сердца хоть каким-то способом.

Ш.: То есть ты веришь, что если бы смог встретиться с Гитлером, то у тебя получилось бы...

М.: Абсолютно. Однозначно. В его окружении было слишком много людей, которые всегда говорили ему «да» и которые боялись его.

Ш.: То есть ты веришь, что если бы у тебя был час на разговор с Гитлером, ты как-нибудь смог бы затронуть что-то в его душе?

М.: Именно так. Я знаю, что смог бы.

Ш.: С Гитлером?! Перестань, Майкл... С Гитлером? Так ты не веришь, что существуют люди, воплощающие абсолютное зло и что не существует никаких способов достучаться до них? И ты не веришь в наказание для грешников, потому что тогда.....

М.: Нет, я верю, что нужно помочь им... исцелиться. Нужно показать им, что в их жизни что-то пошло не так. Они не ведают что творят. Они не понимают, что зачастую делают что-то неправильное.

Ш.: Но, Майкл, есть просто неисправимые личности. Такие как Гитлер. Он был воплощением зла. В нем не было никакой человечности, к которой ты мог бы взывать. Это все равно, что пытаться говорить с бездной, с тьмой, с которой тебе раньше не

приходилось сталкиваться. А что на счет тех, кто уже убил много людей? Считаешь ли ты, что им тоже нужна помощь? Они убийцы и они должны быть очень строго наказаны.

М.: Меня это ужасает. Я бы очень хотел, чтобы кто-нибудь смог достучаться до их сердец.

Ш.: Что, если они уже совершили что-то ужасное? Что, если они уже убили своих жертв?

М.: Если они уже это сделали – это неправильно.

Ш.: Я хотел бы прояснить один момент. Очень интересная штука заключается в том, что ты смотришь на мир глазами ребенка. Но ведь у этого есть и обратная сторона - ребенку трудно понять, что есть кто-то действительно злой - вот почему дети такие доверчивые. У тебя точно такое же видение. Даже когда зло смотрит тебе прямо в лицо, тебе хочется сказать, что в нем есть и что-то хорошее. Я бы не стал просить такого человека, как ты, создать судебную систему наказаний, так как это совсем не то, что ты несешь миру, и, сказать по честному - ты бы плохо выполнил эту работу. Наказание появилось в нашей истории, когда кто-то, будучи взрослым, совершал жестокие вещи. Но в мире детей такого рода поступков просто не существует, и поэтому нет необходимости в таком же наказании. Но, Майкл, брось, неужели ты правда считаешь, что смог бы изменить Гитлера?

М.: Ага. Да.

Ш.: Найдя в нем что-то хорошее?

М.: Да, я думаю я бы смог. Я правда думаю, что я бы справился. Ведь никто в действительности не разговаривал с ним откровенно. Я думаю, он был окружен, не хочу произносить это слово, лизоблюдами. Но они действительно были таковыми. Это было именно то, что он хотел. И то, что они делали.

Ш.: Разве никто не выступал против него?

М.: Некоторые немцы были настроены против него. Они даже пытались убить его, помнишь?

Ш.: Да, Клаус фон Штауфенберг. Но их вместе с единомышленниками насчитывалось всего несколько сотен человек - из населения страны в десятки миллионов. Между нами и такими люди, как Гитлер, существует огромная непреодолимая пропасть - он действительно злой. И ты никогда не смог бы достучаться до него. Единственное, что можно сделать с такими людьми, как он – это изолировать их от общества. Так ты простил от чистого сердца всех, за исключением нескольких представителей прессы, которые писали весь этот таблоидный мусор, и тех, кто причиняет вред детям?

М.: Да.

Глава 16. Следование Золотому Правилу в отношении к людям (Перевод Татьяны Работновой)

Ш.: Давай вернемся к теме справедливости. Когда ты видишь столько несправедливости без права на восстановление законности, когда людей убивают, а убийцы остаются безнаказанными, когда о тебе пишут всякую дрянь и журналистам сходит это с рук, фактически это помогает им продвинуться.... Как же тебе удастся сохранять веру в справедливость?

М.: Я не верю в справедливость. Конечно, я верю в нее, но я не верю, что....

Ш.: Ты не веришь, что праведные люди будут вознаграждены, а те, кто поступает плохо – понесут наказание? Что хорошие люди будут процветать, а плохие – пойдут ко дну и утонут?

М.: Все эти теории придуманы людьми. Я считаю, что зло живет в сердцах самих людей. Тут мы можем с тобой разойтись во мнениях. Я не думаю, что есть где-то дьявол, который манипулирует, управляет нашими мыслями. Хотя меня учили именно этому.

Ш.: Иудеи не верят в дьявола. Так что, вполне возможно, что не так уж мы и расходимся в этом пункте. А вот в чем расхождение – так это в вере в то, что люди, совершающие ужасные поступки, в конечном счете, до такой степени присваивают, принимают в себя это зло, что оно становится многогранной частью их натуры. Они могут сначала просто совершать плохие поступки, творить зло, но потом они сами становятся этим злом. Известный еврейский философ Маймонедес сказал: «Привычка становится второй натурой», и люди становятся единым целым с тем, что они сделали. Они становятся злом. Нет никакого шанса на исправление для таких людей, как Гитлер. И никто, даже ты, не сможет достучаться до них. Они являются злом до мозга костей.

М.: Я раньше думал, что дьявол очень злой. Что он может быть в этой комнате и что он стоит за всем злом в целом мире. Дьявол должен быть чертовски занят. Взгляни, как все становятся геями, взгляни на женщин, которые становятся лесбиянками. Я думаю, дьявол – в самом человеке.

Хотел бы прокомментировать слова Майкла о людях с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Я полагаю, что он скорее перефразировал общие слова тех, кто винит во всем дьявола, нежели выразил свою собственную позицию в отношении этой темы. Майкл в моем присутствии никогда не давал гомофобных комментариев. Ему совершенно не характерно делать подобные вещи. Он никогда не позволял себе никого осуждать за это.

Ш.: Как мы можем помочь людям сохранить их веру в справедливость в таком жестоком мире?

М.: Нужно следовать Золотому Правилу. Будь добр к ближнему, люби его так, как любишь себя, поступай с другими так....

Ш.: Что ты чувствуешь, когда видишь, что сотворившие зло остаются безнаказанными? Тебя это злит? Ты говоришь, что нет в мире справедливости и что так поступают только подлые, низкие люди?

М.: Да, я злюсь. Но я знаю, что таков мир. Это и есть тема моих шоу: будьте добрыми, исцелите мир. Давайте выйдем с этого концерта другими людьми. Давайте будем дарить любовь. Это подобно походу в церковь, но я делаю это без всяких проповедей. Я делаю это через музыку и танец. Мэрилин Мэнсон говорит со сцены: «Убейте Бога... Возьмите ваши Библии и порвите их»... Но пресса даже слова дурного в его адрес не скажет! А он еще и надевает себе искусственную грудь, как у женщины...

Ш.: Когда ты видишь подлых людей, которые вполне себе процветают, тебе не хочется взглянуть на Господа и сказать: «Я не могу понять этого»?

М.: Нет, я знаю, что я чувствую.

Ш.: Что ты делаешь в такие моменты?

М.: Я верю, что в мире есть и хорошие люди, и я верю, что есть Бог. Я не верю, что Бог осуждает кого бы то ни было. Я не думаю, что он где-то там наверху сидит и говорит: «Ты – весьма неплох. Но я, пожалуй, испытаю тебя». Я бы не стал так делать.

Ш.: В иудаизме вообще нет такого понятия, как ад. Есть наказание ради очищения, но нет наказания ради проклятья.

М.: Да? Я думаю, это чудесно, потому что нас всех учили верить в дьявола, и в Люцифера, и в погребение, откуда нет пути назад, откуда не воскреснешь и не реабилитируешься. И сейчас, пока мы тут разговариваем - решается чья-то судьба. Иисус помещает одних людей по правую руку от себя, а других – по левую, и когда придет конец света, те люди, что оказались слева - будут поглощены тьмой и навечно останутся мертвыми. Это несправедливо, правда? Ведь в мире есть много прекрасных добрых людей, и неважно какого они вероисповедания и какой расы. Если бы действительно была такая вещь, как высшая истинная справедливость, не думаю, что Гитлер безнаказанно творил бы все то, что он творил на протяжении такого длительного времени. А потом появились люди, которые стали говорить: «Тому, что произошло – была причина. Она заключается в том, чтобы научить весь мир – нельзя допустить, чтобы это однажды случилось снова». Бред! Разве нужна была смерть миллиона маленьких детей, чтобы чему-то научить мир?! Не верю в это! Они просто позволили ему безнаказанно делать все то, что он делал.

Ш.: Когда-нибудь, когда мы закончим со всем этим, мы попросим Эли Визель свозить тебя в Освенцим, где погибло так много детей. Это тронет твою душу. Тебе следует прочитать его книгу «Ночь». Эта книга – одна из наиболее знаменательных книг 20-го века. Ему было 16, когда он попал в Освенцим, и он является самым известным человеком в мире, которому удалось выжить во времена Холокоста.

Шмули, Майкл и Эли Визель (сидит справа)

М.: Он не озлобился. Он как Мандела в этом отношении.

Ш.: Так значит, ты не веришь в справедливость? Тебе слишком часто доводилось видеть, как ее ниспровергают, чтобы верить в нее?

М.: Я верю, что должна быть справедливость, но я не верю в систему правосудия. Вот как мне следовало выразиться. Ты видишь все эти вещи, которые происходят и происходят по всему миру, и видишь как людям сходит это с рук.

Ш.: Процветает ли большинство тех хороших людей, с которыми ты знаком?

М.: Безусловно.

Глава 17. Мысли об амбициях, успехе и честности (Перевод Татьяны Работновой)

Ш.: Так получается, что амбициозность может быть неплохой штукой до тех пор, пока она не начинает граничить с безжалостностью, и до тех пор, пока она не перерастает в зависть и ревность?

М.: Да, амбиции – это хорошо, но до тех пор, пока они не причиняют никому боли. Амбиции – это чудесная вещь. Здорово знать как работает сознание и какова сила мыслей. Как мы сами сотворяем ситуации и обстоятельства в собственной жизни. И знать обо всех чудесных подарках нашего мозга, ведь мы рождаемся, приходим в этот мир безо всяких инструкций. Приходится самим искать правду по ходу жизни, и вот в один прекрасный день ты узнаешь все эти вещи. Это удивительно – знать собственные возможности.

Ш.: Ты хочешь развивать амбициозность в детях, а не подавлять ее?

М.: Она в них уже есть. Нужно просто развивать в них волю.

Ш.: Другая вещь. Давай поговорим о честности. Одно из качеств, наиболее присущих детям – это их подчас жестокая прямота. Иногда нам больно говорить правду своим детям. Но вот они всегда говорят все как есть. Особенно до того момента, пока не становятся достаточно взрослыми, чтобы научиться лгать. Если ты толстый – они так и скажут, что ты толстый. Если ты некрасивый – они так и скажут, что ты некрасивый. Если от тебя плохо пахнет – они так и скажут, что он тебя плохо пахнет. Разве это всегда хорошо? Или, может, стоит быть немного тактичнее?

М.: Я думаю, мы должны учить детей быть добрыми и объяснять им, что они могут задеть чьи-то чувства. Мы были вчера [на звукозаписывающей студии] – Принс и я. Один из музыкантов, работающих со мной, полный, очень толстый. И Принс сказал: «Его живот похож на воздушный шар». Тогда я ответил ему: «Принс, ты прав. Но если ты увидишь, что он рядом с тобой, не говори так, потому что он из-за этого будет плакать». И он сказал: «Хорошо. Обещаю, что я не буду так делать». Нужно просто учить, что людей обижать нельзя.

Ш.: Хорошо, но как насчет того, чтобы поощрять наших детей говорить правду? Ведь ты не говорил Принсу, что это неправда, потому что это не детская черта характера – лгать. Ты просто сказал, что иногда нужно не высказывать правду вслух. Ты не сказал Принсу: «Да он вполне нормально выглядит. Он никакой не толстый».

М.: Нет, не сказал.

Ш.: Очень важно быть правдивым. Предположим, у тебя есть музыкант, который работает недостаточно быстро, и он тормозит запись всего альбома. Что ты сделаешь?

М.: Я только что прошел через все это - в работе со струнниками. Одна женщина абсолютно выбивалась из ритма, и я сказал ребятам: «Пусть она продолжает играть. Но на следующий день не приглашайте ее». И ей не сказали, чтобы она приходила завтра. Но мы все это сделали тихо.

Ш.: Так все-таки иногда тебе приходится иметь дело с такими непростыми ситуациями. И ты проходишь через них с честностью, но и не причиняя никому боль.

М.: Обязательно нужно сделать так, чтобы не задеть ничьи чувства.

Ш.: Это и есть способ быть правдивым, но аккуратным с чувствами других людей?

М.: Именно так. Я не присутствую на кастингах для моих мини-фильмов [*Майкл всегда называет свои музыкальные видеоклипы мини-фильмами*], особенно если этот отбор проходят дети. Я не хочу сидеть там и говорить: «Отлично, давай посмотрим, на что ты способен», после чего они продемонстрируют все, что могут и не получат от меня звонка с приглашением на роль. А потом они скажут: «Майкл Джексон отказал мне». Обычно кто-то из моей команды снимает всех претендентов на видеопленку, я просматриваю ее дома и принимаю решение. Я просто не могу лицом к лицу столкнуться с их болью из-за того, что они не подошли. Поэтому я всегда провожу это подобным образом.

Ш.: Таким образом, честность – это важная составляющая твоего воспитания Принса и Пэрис.

М.: (*Поворачиваясь к Принсу*) Брось каку, Принс. Она вся перепачкана. Не трогай ей свои волосы. Этой лопаткой убирали за собачкой. Не клади ее на голову.

Ш.: Кстати, ты слышал, я раньше говорил, что Пол Маккартни - обладатель, пожалуй, одной из самых больших коллекций мультфильмов? Ты говорил об этих великих артистах, которые непосредственны, как дети?

М.: Да, да. Он любит мультфильмы и относится к ним очень серьезно. Он коллекционирует их. Моя коллекция сейчас больше, чем его. Если зайдешь в мою видеотеку, то увидишь там стеллажи, стеллажи и стеллажи с пленками, потому что я обожаю мультики. Мир мультфильмов - это как грандиозный побег для меня.

Ш.: [Размышляя о твоём успехе], ты что-нибудь говорил себе? «Мне повезло, это все от Бога, это не просто мое. Это Божественный дар. У меня нет права считать себя выше других»?

М.: Да, люди часто спрашивали меня - как я еще не позволил всему этому вскружить мне голову. Хм... Потому что совершенно очевидно, что это не от меня. Разве смею я думать, что это я делаю, когда это – не я? Так же, как это был не сам Микеланджело.

Его коснулось Божественное вдохновение. Это был дар. Я думаю, что можно развить способности до определенной степени. Но иметь настоящий талант – это дар свыше.

Ш.: Те люди, которые осуждают других – всегда являются недалекими. Они критиканы. Как мы проходим путь от чего-то изначально большого к измельчавшему, Майкл? С ростом и взрослением наши тела становятся больше, но часто бывает так, что ума только убавляется. Ты ощущаешь, что у детей сердца больше, чем у взрослых? В чем же причина, по которой они потом мельчают? Почему ты не стал мелочным? Чем более знаменитыми становятся люди, тем меньше любви остается в их сердцах, потому что они становятся более эгоцентричными. Что заставляет людей уйти от великодушия к зашоренности и мелочности? То, что они чувствуют себя запуганными. Они чувствуют, что их мечты не осуществляются и начинают обороняться. И защитный механизм выражается в осуждении других и в отказе мыслить. Что делает нас «мелкими»? И почему ты не стал таким? Почему ты с приходом известности не стал более заиклен на себе? Почему ты переживаешь за весь мир? У тебя ведь есть вертолеты и личный самолет. Так почему обычные дети вдруг стали центром твоей жизни?

М.: Ты знаешь, Шмули, если бы ты увидел все те вещи, которые довелось увидеть мне, и объехал бы весь свет, то понял бы, что для меня уподобиться тем людям, которых ты описываешь, было бы нечестно и по отношению к самому себе, и по отношению ко всему миру. Я просто не могу представить, что меня бы не трогали те вещи, которые я видел. Например, деревня в Китае. Или все те вещи, что я видел в Африке, России, Германии и Израиле. Я помню одного новорожденного малыша в

израильской больнице, который боролся за свою жизнь, и к его носику подходили трубочки. Как может сердце не сжиматься от такого? Я говорил всем - и детям, и вообще всем: «Идите сюда, ребята. Вы должны это увидеть!» Потому что я думал - они поймут и прочувствуют, насколько же важны дети, как важно помогать людям, протягивать руку миру, неимущим. Быть зацикленным на материальном и все время демонстрировать эдакое Я-кание – это то, что меня очень расстраивает.

Ш.: Почему же твой успех не вскружил тебе голову? Ты гордишься тем, что никогда не ставишь себя превыше других. Как тебе удалось сохранить свою чувствительность? Почему успех не ударил тебе в голову? Почему ты навещаешь приюты? Почему этого не произошло с тобой? Как тебе удалось остаться великодушным, как удалось остаться выше этого и не осуждать никого, в то время как ты должен был по идее заикнуться на собственной персоне? Это ведь случилось со всеми людьми твоего положения. Уверен, ты видел, как это происходило с твоими друзьями, которые добились успеха.

М.: Трудно сказать. Я просто очень чувствителен к человеческой боли и любви. Думаю, это просто заложено во мне.

Глава 18. Боль от выступлений, гнет пребывания на вершине (Перевод Татьяны Работновой)

Ш.: Постоянно ли ты чувствуешь, что вечно доказываешь что-то самому себе, что приходится все время выступать, что в твоей жизни нет места отдыху, что не бывает передышек, во время которых ты мог бы играть ни о чем не тревожась и не стараясь произвести впечатление?

М.: Я люблю искусство. Я слишком сильно его люблю. Мама знает это. Я люблю рисовать, ваять и все такое. По Изобразительному Искусству и Английскому у меня всегда были высшие баллы. Это были два предмета, по которым я каждый раз получал «пятерку» или «пятерку с плюсом». В школе я проучился совсем недолго, потом получать образование мы продолжили дома с нашей учительницей. Но в те годы, что я еще учился в обычной школе, учительница всегда для класса приводила мои работы в качестве примера хорошего английского и хорошего написания сочинений. Потому что мы все писали сочинения на заданные темы. И она заставляла меня выходить перед классом – я это ненавидел – читать мое сочинение классу и я срывал бурные аплодисменты. И не из-за того, кем я был, а просто потому, что им правда нравились те истории, что я написал. У меня был альбом со всеми моими работами, ведь я еще и художник, я люблю делать наброски и рисовать красками. Но кто-то украл его, и это просто разбило мне сердце, потому что мне всегда очень хотелось сохранить его. Однажды оно где-нибудь всплывет, потому что я рисую в реалистичной манере, я - не абстракционист. Есть люди, в которых я влюблен, по-настоящему влюблен. Я бы отдал свою жизнь ради них. Обожаю Микеланджело. Всем сердцем люблю Чарли Чаплина. Уолта Диснея. Это те люди, от которых я без ума. Они близки мне по духу. Люблю великих людей.

Ш.: Это, должно быть, невероятное, феноменальное давление? Тебе всегда приходится быть тем самым Майклом Джексонем, который продал 100 миллионов копий дисков?

М.: И пресса, они ждут тебя с ножами.

Ш.: Ждут твоего провала?

М.: Именно этого. Они не оставляют своих попыток разорвать меня на куски, поэтому моё шоу должно превосходить ожидания, быть за пределами любого великолепия. Я отдаюсь полностью и без остатка.

Ш.: Но ведь это, наверно, опустошает тебя?

М.: Да. Потому что, когда ты являешься самым продаваемым артистом всех времен, они ждут когда твоя пластинка провалится.... Ты всегда на мушке.

Ш.: Что дает тебе вдохновение, что придает тебе сил? Принс и Пэрис?

М.: Принс и Пэрис, и дети по всему миру. Не только Принс и Пэрис – все дети.

Ш.: Чувствуешь ли ты, что если следующий альбом не будет вызывать восхищения, то ты перестанешь быть каким-то особенным?

М.: Это станет для меня ужасным ударом, [если я выступлю не так хорошо, как мне бы того хотелось], потому что я по-настоящему давя на себя и требую от себя самого лучшего. Правда. Нахожусь ли я в наилучшей или средней форме, я все равно налагаю на себя большой пресс требований. Так что, если такое случится, это психологически уничтожит меня.

Ш.: Но у тебя есть ощущение, что люди все равно будут любить тебя, даже если ты уже и не будешь таким успешным? Ты по-прежнему будешь чувствовать себя любимым? Ребенку необходимо чувствовать, что его любят, даже если он или она не слишком хорошо успевают в школе.

М.: Да, я буду чувствовать любовь из-за того, что я уже сделал. Но мне будет в этом положении не очень комфортно. Я стараюсь не оборачиваться назад.

Ш.: Ты так думаешь из-за всех тех вещей, что ты описал мне, из-за трудного детства – без празднований дней рождения, Рождества – вот почему успех в карьере стал настолько важным для тебя?

М.: Возможно. Наверно, да.

Ш.: А тебе не кажется, что ты слишком суров к себе и из-за этого испытываешь так много боли? Ты чрезмерно наказываешь себя, если вдруг сделал что-то неидеально?

М.: Так все и есть. Знаю, это правда. Я лучше бы один отвечал за всё, потому что за мной последнее слово и право последнего выбора. В прошлом все выходило очень успешным. Боже, но если бы это [снижение успешности] все же случилось - я даже не знаю, что делал бы.

Ш.: Как же ты не видишь, Майкл, это то самое, что тебе надо преодолевать в себе!

М.: Я знаю. Но ничего не могу с этим поделать. Таков уж я. Я так устроен.

Глава 19. Мастер Таинственности. (Перевод Flo Shooter)

Ш: Итак, я хотел бы поговорить с тобой о том, что, по моему мнению, является решающим моментом для этой книги. Исходя из всего, что я слышал о тебе, я должен сказать тебе – я никогда не встречал кого-либо еще, понимающего силу таинственности так же, как ты. Другими словами, в иудаизме использование таинства очень важно. Пророк Исаяя говорит, что у ангелов серафима [*ангелов высшей категории - прим. пер.*] шесть крыльев. Но почему шесть? А потому что: «Двумя крыльями он укрывает свое лицо, двумя - ноги, а при помощи еще двух он летает». Разве это не чудесно? Ангелы так скромны, так таинственны, что используют свои крылья, чтобы укрыться от посторонних глаз.

М: Очень красивая история.

Ш: Я достаточно широко рассмотрел это в моих книгах, Майкл. Загадочность - это одно из принципиальных составляющих, которые я предписываю для отношений (романтических). Все святое всегда загадочно. Это всегда скрыто. И свитки Торы, Библии, с которых мы читаем в синагоге, хранятся спрятанными в ковчеге (вместилище для культовых реликвий) для хранения свитков, который скрыт ризами, завесами и дверями. Это как три покрывала [*Парохет, которым накрывали ковчег, сверху - второе покрывало из кожи тахаша и над ним - третье покрывало из голубой ткани – прим. пер.*], которые нужно снять, чтобы увидеть свитки. То же самое описано и в Библии: когда Ребекка и Исаак встречаются еще до своей свадьбы и влюбленности, первое, что делает Ребекка, столкнувшись с Исааком – закрывает свое лицо. То же самое было с Моисеем, когда он увидел пылающий куст. Что он сделал первым? Он отвернулся и прикрыл лицо, чтобы не лицезреть Бога напрямую.

М: Я люблю такие истории.

Ш: Так что в Библии загадочность очень важна. Я никогда не встречал кого-либо, кто понимал бы силу таинственности так, как ты. Я дам тебе пару примеров, и я хочу, чтобы ты прокомментировал их. Первый: мои дети гуляют по Неверленду. И там повсюду конфеты. Моим детям это очень нравится, так как они никогда не видели ничего подобного - здесь и машины для приготовления попкорна, и лотки с мороженым, и если это кошерно, то они едят и то, и это. И хотя Принс и Пэрис окружены всем этим, ты говоришь им: «Нет, только на свой день рождения ты можешь получить это». Грейс сказала нам, что им не разрешается постоянно кататься на аттракционах, чтобы они им не наскучили слишком быстро. И когда бы мы не пошли в FAO Schwartz [*Огромный и всемирно известный магазин игрушек в Нью-Йорке – прим. пер.*] - Принс может купить игрушки, но он всегда ждет, чтобы открыть их. И в особенности, когда это вторгается в твою карьеру - ты начинаешь понимать

силу скрытности. Сейчас я смотрю на всех этих новых артистов – N'Sync и даже Бритни Спирс [*которых мы с Майклом только что встретили в номере гостиницы*] и я видел их в Entertainment Tonight, там они давали интервью, и я сказал: «Боже мой, они что, не видят дальше своего носа?! Вам надо бы следовать примеру Майкла - не светиться в любой телепередаче». Но они не могут. Ведь им так ужасно нужно внимание, они не могут удержаться от этого. Есть две вещи, о которых я хочу спросить тебя. Расскажи мне подробнее про загадочность и что она значит для тебя, как ты сдерживаешь себя, когда ты знаешь, что все ТВ шоу хотят тебя заполучить? Я имею в виду, боже, только что нас атаковали из каждого шоу Америки, чтобы получить твое интервью. Как ты себя удерживаешь себя от этого? Это особенно важно прокомментировать, так как твои злопыхатели могут прокритиковать тебя, сказав что-то вроде: «Майкл - ребенок. Он ведет себя как ребенок». В то время как единственное определение зрелости, с которым согласится каждый, состоит в том, что зрелость подразумевает способность уметь ждать вознаграждение. В то время как другие люди действуют импульсивно – ты можешь быть терпеливым, и ждать когда все произойдет в свое время. Это и есть суть зрелости и самоконтроля.

М: Спасибо

Ш: И твоя карьера построена на этом, и я не говорю это просто чтобы польстить тебе. Это правда. Я восхищен этим. Расскажи мне насчет таинственности. Как ты узнаешь это, откуда это приходит к тебе - эта сила того, что скрыто?

М: Вау, ты такой наблюдательный. Это потрясающе, как ты подмечаешь детали. Эмм, я учился, я люблю психологию, магию, настоящую красоту. Я люблю настоящий

талант. Я люблю, когда что-то по-настоящему удивительно, когда что-то прекрасно и ты не должен понимать это до конца. Должна оставаться какая-то загадка. Что я люблю в Комете Галлея и что всегда говорю своим адвокатам: Комета Галлея – не большее чудо, чем Луна или Солнце. Но мы вообразили себе, что это действительно что-то особенное, так как ты можешь увидеть ее только раз в жизни, и все были бы не прочь получить такой шанс... Если бы это происходило каждую ночь - всем было бы наплевать на эти вещи, но для меня Луна - это что-то действительно удивительное. Я всегда говорю про оленей, собак, кошек. Многие люди говорят: «Это же олень! Это же...», потому, что они пугливы, они всегда прячутся. Большая удача – увидеть оленя. Я имею в виду то, что я очень ценю это все, как люди должны были бы ценить настоящую возможность, и я всегда говорю: мне все равно, что ты самый талантливый человек на Земле - если ты появляешься на телевидении каждый день, то люди, в конечном счете, просто устанут от тебя. Тебе нужно знать как играть со своей аудиторией. Тебе нужно знать это. И это правда, Шмули. И это не просто игра. Это вполне реально для меня.

Ш: Как ты это понимаешь? К примеру, мне пришлось этому научиться. Я писал об этом во многих своих книгах, но я начал развивать многие свои идеи насчет этого благодаря проницательности других писателей, мыслителей, философов и так далее...

М: Если ты остаешься загадочным, то люди будут более заинтересованы в тебе, да.

Ш: Вот, например, женщина - если она постоянно будет постоянно показывать свою грудь- это всем скоро наскучит.

М: Это так.

Ш: Но если она сделает это однажды - вот что делает это таким захватывающим, эротичным.

М: Да.

Ш: Но если каждый день, то...

М: Да.

Ш: Как, например, ты поехал, чтобы увидеть африканские племена, женщины там ходят топлес и это ничего особенного не значит.

М: Ничего, ничего. Оставь кое-что своему воображению.

Ш: Кто-то научил тебя этому?

М: Нет, я учился у природы и наблюдая... Да, я был хорошим наблюдателем. И ты можешь сказать кому-то: "Здесь шесть дверей, но ни в коем случае не открывай пятую дверь. Ни в коем случае". Конечно, каждый спросит себя: «А что за дверь номер пять?», - ведь это большая загадка. И все хотят разгадать, что же там находится. И я люблю это и это не просто игра, но я хочу, чтобы люди ценили талант

и способности. Я делаю только один альбом каждые пять лет. Все остальные артисты записывают альбомы каждый год, мои альбомы держатся в чартах дольше и продаются лучше, чем у всех остальных исполнителей. И люди ждут моих работ, фанаты всегда держат руку на пульсе событий [*в то время Майкл работал над Invincible*]. Это как лихорадка, они ждут и ждут. Это очень важно - ждать.

Ш: Что насчет чего-то таинственного, которое помогает твоим работам пережить что-то более банальное и открытое? Что насчет отсрочивания чего-то, что люди хотят получить немедленно?

М: Я просто люблю силу таинственности. Я думаю - это очень мощно.

Ш: Это что-то духовное? Что это?

М: Да, это вызывает в воображении людей все эти идеи, люди сами их создают. Они сами воображают то, что происходит на самом деле. Вот, например, Говард Хьюз здесь, наверху, ему принадлежит отель, но он остается на своем этаже, он не спускается. Он в темноте, на краю своей кровати, с длинными ногтями и волосами и он прикован к капельнице. Вот такие сумасшедшие картины предстают перед твоим воображением, когда ты думаешь о таких вещах, как эта, и мне это очень нравится. Я люблю Говарда Хьюза, я впервые об этом говорю – он гений, он мастер для меня. Я люблю Говарда Хьюза за то, что он создал такой замечательный миф.

Говард Хьюз

Ш: Почему? Потому что он осознавал силу таинственности?

М: Как играл с воображением людей, да. Он знал как заинтересовать публику. Финеас Тейлор Барнум так же был хорош в этом.

Ш: Есть ли сила в простом отказе? Например, книга "The Rules" ("Как выйти замуж"), я беседовал с ее создателями дважды. И они утверждают, что чтобы женить на себе парня – нужно набивать себе цену. Он звонит тебе, а ты отвечаешь: "Извини, я бы с удовольствием поужинала с тобой, но я так занята". Он оставляет тебе сообщения на автоответчике, но ты никогда ему не перезваниваешь. Ты слышал об этой книге? Это очень спорная книга. Неужели это так просто? Вообще-то я очень критично отношусь к данной книге, так как верю, что манипуляция - это самый плохой подход в отношениях, ведь существуют альтернативы гораздо лучше, а именно для женщины - включить свое природное женское обаяние.

М: Я совершенно с тобой не согласен. Это зависит от человека.

Ш: Но что касается тебя, ты ведь говорил, что ты играешь с публикой, это так же легко, как "теория отказа" и они потом хотят больше? И приходится находить больше способов, чтобы открывать им себя?

М: Нужно знать ритм и правильно чувствовать время. Ты должен знать что ты делаешь. Как, например, ты никогда не увидишь меня на вручении наград, говорящим: "Наши номинанты - это...". И меня просили, чтобы я вручал награды - каждый раз, на каждом шоу. А сейчас они даже не пытаются, так как знают, что я не соглашусь. Или меня просят вести церемонию или что-то вроде: "Далее в программе: Майкл Джексон выйдет на сцену, чтобы представить альбом года". Ты никогда не увидишь меня выходящим на сцену и объявляющим номинации. Это не то, чем я занимаюсь.

Ш: Ты никогда не сделаешь того, что заставит тебя быть средством достижения чьей-то чужой цели. Ты либо сам являешься этой целью, либо просто не будешь иметь к этому интерес. Либо речь идет о тебе, либо ты не собираешься быть способом достижения.

М: Да, и я не пытаюсь сказать, что я святой, что я Бог.

Ш: Но ты и принижать себя не собираешься.

М: Я не собираюсь, я хочу... понимаешь? Люди должны уважать, понимаешь? Способности и талант- это все во имя доброты, моим посланием людям всегда была доброта.

Ш: Я согласен с тобой.

М: Я просто пытаюсь сохранить и защитить чувство собственного достоинства.

Ш: Эта книга сама по себе должна быть о том, как ты научился оперировать с таинственностью. Посмотри, здесь, в Нью-Йорке, пока мы с тобой разговариваем, в этом городе живут сотни тысяч женщин, которые хотят выйти замуж, и мужчины, которые не хотят с ними серьезных отношений. И ты прекрасно знаешь ту главную причину - то, что они все равно будут спать с ними. То есть, зачем тебе жениться на ней, если ты можешь заполучить ее даже без каких-либо обязательств. Если ты хочешь взять кредит в 10 миллионов долларов у банковского менеджера, и он говорит: «Вот, Майкл, твои 10 миллионов», станешь ли ты спрашивать: «О, кстати, вы забыли о гарантии того, что я верну вам деньги». Ты ведь не будешь добровольно об этом напоминать. Ты понимаешь о чем я? И они, возможно, никогда не выйдут замуж, и эти женщины приходят ко мне тысячами, плачут, рассказывают какие они одинокие. Они не знают ничего о силе таинственности. Они спят с мужчинами на первом же свидании, они просто не знают как удержаться от этого. И, кстати говоря, вот что случилось с Мадонной. Они слишком часто мелькает в СМИ. Она все еще звезда, но она уже не та, что была.

М: Да, я знаю.

Ш: Она даже не показывала себя очень много на телевидении и в музыке, Майкл. Она не давала слишком много интервью. Скорее, она слишком много выставляла напоказ свое тело. Она была секс-символом. Люди хотели знать как выглядит ее тело - и она выпустила эту глупую, порочную, отвратительную книгу и что тебе нужно было сделать - так это просто купить книгу. И загадка исчезла безвозвратно.

М: Я знаю, я знаю. Совершенно верно.

Ш: Сейчас существует всего несколько людей, которые понимают силу таинственности. Ты ее понимаешь из-за своей внутренней духовности – это твоя природа, это твой дар. Потому что это понимание таинственности и твое понимание силы расчета времени помогает нам осознать что-то высокое. Бог только время от времени приоткрывает завесу тайны и в очень точные моменты. Таинственность и расчет времени очень важны в библейских откровениях.

М: Мне нравится это. Это одна из тех тем, на которые я люблю размышлять.

Ш: Как Бог скрытен.

М: Как скрытен.

Ш: Тебе нужно искать его.

М: Ты не можешь видеть его лица, но ты же видишь все его чудеса и ты можешь видеть его в детях.

Ш: И это делает тебя более заинтересованным в нем?

М: Да.

Ш: Ты хотел бы найти его?

М: Да, конечно. Я люблю это все. Некоторые люди поднимают руки и восклицают: «Что есть вся эта вселенная и где Он? Я хотел бы поговорить с Ним и узнать что он из себя представляет». Он - начало всего. Он - человек.

Ш: И это то, как мы предостерегаем людей, чтобы они не заскучали. Ты инстинктивно чувствовал время и силу таинственности? Просто чувствовал?

М: Да, это так, Шмули.

Ш: Не то, как если бы менеджер отвел бы тебя в сторону и сказал бы: «Майкл, ты можешь быть большой звездой. Не переборщи со своей закрытостью».

М: Нет. Ни в коем случае.

Ш: Твои братья не понимают этого?

М: Нет, не понимают. Они бросаются на любую возможность засветиться где-то. Если кто-то скажет: «Я хочу завтра взять у вас интервью о новом стиле Майкла», - они ответят: «Конечно». Потому что они хотят быть на телевидении и не важно как. Я думаю, люди больше уважают тебя, когда ты сдерживаешься и не пытаешься засветиться где попало.

Ш: Удержаться от этого, да?

М: Да, удержаться и создать себя, и дать себе определенный класс, и заставить их добиваться тебя. Я люблю ворота, ворота перед домом. Я люблю огромные колонны и ворота. Ты не знаешь, что находится за ними. Ты видишь только ворота и невольно спрашиваешь себя – кто же тут живет? Мне нравится это.

Ш: Да, но ворота в Неверленд такие простые.

М: Очень простые - как я и хотел. Потому, что я не хочу, чтобы меня представляли ворота, это что-то вроде психологического приема. Я собирался сделать их чем-то вроде...почти... Как же сказать? Эмм, я не могу подобрать слово. Я хотел, чтобы люди распахивали эти ворота и смягчались видя, что ворота старомодные и потрепанные, и на уровне восприятия ты правда чувствуешь, что въезжаешь на ранчо, а когда ты уже на последнем повороте - я хочу, чтобы из черно-белого все превратилось в цветное, как в фильме "Волшебник из страны Оз".

Ш: Именно так произошло с нами. Первое, что мы сказали, когда подъехали к Неверленду, было: «Это не может быть его ранчо. Почему ворота такие простые?» Затем ты проезжаешь через ворота, видишь вывеску «Добро пожаловать в Неверленд» и - бум!

М: Да.

Ш: Это просто потрясает тебя.

М: Это важно понимать и в шоу-бизнесе. Если ты будешь открываться слишком стремительно, то, в конечном счете, тебе будет просто нечего преподнести зрителю. Вот почему в парках аттракционов я всегда говорю, что парень, который изобрел американские горки - настоящий шоумен, так как ты сначала медленно поднимаешься и думаешь: "Зачем я вообще сел на этот аттракцион?!", а потом тебя бросает прямо вниз и немного поднимает и снова вниз. Он настоящий шоумен, ведь он понимает синкопу, ритм и структуру и это важно для артиста, работающего в шоу-бизнесе, и многие артисты сейчас даже ничего не знают об этом.

Ш: Они слишком засвечиваются везде, где только можно.

М: Да.

Ш: Это ли твое важнейшее профессиональное благословение, что ты родился с этим ритмом? Ты отлично чувствуешь время.

М: Да.

Ш: Это часть твоей любви к Богу и его загадочности? Как я понимаю, ты отчасти избрал божественную таинственность как пример для себя, и поэтому ты разбираешься в силе таинственности?

М: Да, это так. В том, как ты читаешь речи, есть что-то особенное. Это сила Бога в тебе, Шмули. Я никогда не слышал, чтобы кто-то говорил так, как ты, Шмули, это потрясающе. Будто Бог говорит прямо через тебя. Я имею в виду то, что когда я на сцене – это происходит таким же образом. Я не думаю о том, что я буду делать, я не знаю, что я буду делать.

Ш: Это как попасть в некую зону, где ты чувствуешь, когда и что нужно сказать.

М: Именно так. Ты становишься единым с тем, что дал тебе Бог. Это что-то вроде духовного диалога. Это что-то между тобой, Богом и аудиторией. Как ты можешь описать это, я имею в виду, как ты можешь проанализировать это? Никак не можешь. Люди спрашивают: "Как ты это делаешь?" "Ну, я много работаю и тренируюсь". Хотя, знаешь, это не совсем то.

Глава 20. Совет по поводу славы (Перевод Flo Shooter)

Ш: Вчера N'Sync приходили, чтобы встретиться с тобой. Ведущий вокалист, Джастин Тимберлейк и еще один парень, как же его звали?

Майкл пригласил меня в свой номер люкс, чтобы познакомиться с Бритни Спирс и Джастином Тимберлейком, которые прилетели ради встречи с ним на следующий день после Американской церемонии вручения музыкальных наград (АМА), которую они вели вместе. В то время я был слегка не в восторге от Бритни Спирс из-за ее сексуализации девочек-подростков в Америке. Однако я вел себя сдержанно и кратко поговорил с ними о наших стараниях побудить родителей больше внимания уделять своим детям. Ни один, ни другой не проявили особого интереса, и мы не совсемладили. Джастин лишь сказал что-то о том, чтобы мы связались с его менеджером или агентом. Они приехали, чтобы увидеть суперзвезду. Я не хочу никого обидеть, но они не впечатлили меня и не особо запомнились мне.

М: Уэйд – хореограф...

Ш: О, он не из N'Sync, Уэйд?

М: Нет, он хореограф Бритни Спирс и N'Sync. Видишь ли, я учил Уэйда.

Ш: Правда?

М: Да, я учил Уэйда. Все, что Бритни и N'Sync сейчас делают на сцене в хореографическом плане - весь этот стиль пришел от меня, так как я обучал Уэйда. Уэйд из Австралии, я привез его в Америку.

Майкл и Уэйд Робсон

Ш: Так он их хореограф?

М: Да, а еще он занимается музыкой. Он работал на моем рэкорд-лэйбле. Мы наняли его для MJJ. Он читает рэп, он делает все.

Ш: Он был здесь с Бритни Спирс, одной из самых ярких мировых звезд современности, и Джастином; и они, как я знаю, встречаются. Когда ты смотришь на них - а у тебя был долгий разговор с ними - чтобы ты сказал им, исходя из этой идеи, которую мы пытаемся донести в этой книге - я имею в виду детские черты характера? Стал бы ты их предостерегать от того, что может случиться в их карьере? Сказал бы им: «Вы знаете, когда я был в вашем возрасте, я думал так-то и так-то, а теперь я изменил свои взгляды». Стал бы ты давать им какие-нибудь советы?

М: Я бы посоветовал им оставаться детьми как можно дольше. Не спешите взрослеть. Не пытайтесь быть крутыми... поезжайте в Диснейленд, тусуйтесь, наслаждайтесь своей молодостью, потому что потом вы будете стары для этого. Постарайтесь оставаться невинными как дети. Веселитесь и будьте сами собой.

Ш: Чтобы ты сказал этим успешным в творчестве людям, которые младше тебя? Я имею в виду N'Sync. Ты бы посоветовал им быть игривыми и не воспринимать все всерьез? Может, что-нибудь еще? Может быть, не воспринимать себя слишком серьезно?

М: Нет, я бы сказал им, что нужно всегда стремиться к совершенству в том, что ты делаешь. Очень важно много работать, но при этом тебе должно нравиться то, чем ты занимаешься. А также быть кротким, игривым и просто наслаждаться жизнью.

Ш: Что насчет того, что ты всегда гордился тем, что твое шоу- это семейное шоу? То, что на них могут присутствовать дети.

М: Именно так.

Ш: Бритни Спирс очень критиковали по поводу ее танцев на АМА [*Американская церемония музыкальных наград*], которые больше походили на стриптиз.

М: Да, я помню.

Ш: Он сняла с себя то, это... то есть практически все. Ты считаешь, ей действительно необходимо в такой мере использовать сексуальность, чтобы донести свое послание? Или если она талантлива, то это не так уж и необходимо? Ты бы дал ей совет по поводу этого? Или это просто часть шоу и не более того?

М: Я бы не хотел ее осуждать, так как это же шоу. Но она должна осознавать, что дети по всему миру хотят быть такой как она, и они будут подражать ей во всем. Иногда артисты просто не понимают той опасности, которую несут их действия. Если, допустим, снять меня с сигаретой, то как много детей начнут курить в тот же день?! Артистам просто необходимо задумываться об этих вещах. Я-то понимаю, что это просто музыкальное видео, что это - только образ, но для зрителей артист - некто вроде бога.

Ш.Б.: Ты всегда испытывал это чувство ответственности?

М.: Ага.

Ш: Ты всегда знал какое впечатление производят твои фото, люди берут с них пример?

М: И я понимаю, почему репутация некоторых звезд может стать сомнительной. Я знаю, что пресса слишком много говорит о том, что Бритни вышла из Клуба Микки Мауса и то, что она такая «милашка Бритни». И она на фоне этих разговоров может решить для себя: "Я хочу дать им немного остренького, поэтому можно и слегка оголиться. Я - более острая, я - более жесткая, я - ...". Но мне кажется, внутри она очень милая личность.

Ш: Так ты сказал бы ей – тебе не стоит раздеваться на публике, ты должна найти для себя некий баланс? Потому что есть дети, которые хотят быть как ты, поэтому на тебя ложится ответственность.

М: Да, потому что мне нравится острота.

Ш: Ты всегда ощущал эту ответственность на себе, когда стал знаменитым, будучи иконой и законодателем моды?

М: Да, и я считаю, что никогда не делал ничего по-настоящему вызывающего на сцене. Бобби Браун, например, вытаскивал девушку и начинал лапать ее, знаешь, прямо на глазах у всех, и полиция несколько раз арестовывала его за это. И создавалось впечатление, что он занимается с ней сексом, а ведь в зале при этом были дети. Мое шоу - это нечто совершенно иное.

Глава 21. Сексуальность и умеренность (Перевод Сабины Introversion)

Ш. Майкл, пытаясь культивировать в себе качества, присущие детям, ты избегаешь говорить о сексуальной стороне жизни. Помнишь, Опра спросила тебя о сексуальной жизни, а ты ответил что-то вроде: «Я джентльмен и я не распространяюсь об этом». Ты считаешь, что мы должны относиться уважительно к этой части нашей жизни, что все стало слишком дозволено? Я имею в виду, что ты по своей природе робок в вопросах, касающихся этой темы.

М.: Да, это моя природа...потому что мне кажется, что это...

Ш.: Очень личное?

М.: Да, это мое мнение. Есть, к примеру, эксгибиционисты, понимаешь, нудисты, они ходят обнаженными, и это их позиция. Ну... не знаю, а у меня, получается, другая позиция...

Ш.: Но мы ведь не должны злоупотреблять нашей сексуальностью, чтобы увеличить продажи альбомов и билетов на концерты?

М.: Нет, это безумие. Некоторые певцы даже подкладывают специальные подушечки в штаны, это безумие. Я этого не понимаю. Это просто отвратительно. Мне неловко от этого! Я не хочу, чтобы люди даже смотрели на меня там... внизу... Это меня очень смущает, о Боже!

Ш.: А, быть может, это показатель неуверенности в себе? Им кажется, что танцуют они, возможно, не достаточно хорошо и поэтому решают привлечь внимание другими вещами?

М.: Да.

Ш.: А ты бы обратился к кому-нибудь, вроде Бритни Спирс, со словами: "Послушай, ты красива и талантлива. Тебе не обязательно быть вульгарной. Чтобы проявить свой талант, не нужно снимать с себя одежду на потребу публике". Или к Мадонне, которую часто критикуют за то, что она специально играет на определенных слабостях мужчин, чтобы воспользоваться ими для продвижения собственной популярности?

М.: Да.

Глава 22. Страхи (перевод Сабины Introversion)

Ш.: Тебя преследуют страхи? Ты же понимаешь, что люди могут раздавить тебя, уничтожить, в переносном смысле слова, конечно. Ты боишься этого?

М.: Как артист - нет. В этом смысле я похож на льва! Ничто не может навредить мне. Никто не может сделать мне больно без моего согласия. Я никогда не позволял этому одолеть себя, хотя, разумеется, в прошлом мне причиняли боль, но меня спасало именно мое отношение к этому.

Ш.: И ты сейчас не живешь в страхе?

М.: Нет.

Ш.: Думаешь, дети могут нас научить бесстрашию? С одной стороны, они тоже боятся - боятся собак, боятся темноты и многого другого. Но с другой стороны, они не боятся любить и показывать свою потребность в чем-то или ком-то.

М.: Мы слушаем, мы смотрим, мы учимся. Мы открываем сердце и открываем разум, открываем души. Да, мы учимся у них, но ты должен осознавать...

Ш.: У взрослых больше страхов, чем у детей...

М.: Совершенно верно...и, как результат, нервные срывы. Они сами создают все обстоятельства для этого. Слишком беспокоятся по разным поводам, пока это не разрушит их здоровье. А дети, если они чего-то очень хотят, то просят это, пока их желание не удовлетворяется; у них нет другого способа получить желаемое. Пока ты не сдаешься, это так мило, просто очаровательно. Я на это всегда говорю им: "Если это самая главная вещь, которая вас беспокоит, вам повезло. Если это все, что вы хотите, то вы счастливики. Потом вы все поймете". Но для них в данный момент важно вот это, и это очаровательно. Они могут желать самого простого. Это так мило.

Ш.: Таким образом, то, что я пытаюсь сказать, заключается в том, что, с одной стороны, существуют вещи, которые пугают тебя [*Майкл рассказывал мне, что боится собак*] и они являются чисто детскими страхами. А с другой стороны, твоя страсть к опасности схожа с чувством Адама и Евы! Они тоже любили опасность. Господь сказал им: "Вот этот плод, и он опасен". И именно в тот момент они захотели вкусить его. Но в то же самое время ты боишься злых собак!

М.: Да, я не люблю подобные вещи. Они нагоняют на меня страх. Или, если вы загоняете в угол пуму с детенышами. Я точно не знаю, как их называют, может быть, котята? Так вот, вы не можете к ним подойти, потому что у пумы очень развит инстинкт защиты своей территории. Нельзя переступать ту черту. Я не понимаю, почему люди берут оружие и убивают самок, у которых есть детеныши. И слонята... они каждый раз исполняют один и тот же танец. Они пронзительно кричат и крутятся вокруг собственной оси в смятении, а их мертвая мать лежит рядом, а они все крутятся как безумные. И я просто не понимаю, как человек способен на это. Все это причиняет мне боль. Все это так печально.

Ш.: Ты участвовал в сафари во время своей поездки в Африку?

М.: Да, да.

Ш.: И ты видел вблизи диких животных?

М.: Да.

Ш.: И ты не боялся?

М.Д: Нет, нет, я люблю сафари. Очень люблю.

Ш.: Таким образом, ты видишь все противоречие своего страха! Ты боишься пауков и всего, что боятся дети, но не боишься львов.

М.: Нет, нет. Я ими восхищаюсь.

Ш.: Кстати, в Неверленде я видел тебя в футе от кобры.

М.: Да, да. И с гремучими змеями! Мы даже гладили их! А они очень, чрезвычайно опасны, они смертельно опасны.

Ш.: И ты не боишься их?

М.: Меня восхищают вещи, которые несут опасность человеку. Вы только посмотрите на акул. Почему они нас так восхищают? Потому что акула может убить. И тебе только стоит закричать: "Акула!" - как тут же услышишь вопли: "Где, кто, что?" Понимаешь? Но если ты произносишь "барракуда" или "креветка", то никакой реакции! Все это связано с опасностью, уходит корнями в фольклор, легенды. И я просто обожаю все это! Думаю, мне нравится то, что нравилось Барнуму во всем этом. Понимаешь, вещи, которые интригуют людей, поэтому я люблю магию, Говарда Хьюза.

Ш.: Назови свой самый серьезный страх? Я знаю, что ты боишься больших людей? Я знаю, ты их не любишь.

М.: Я не люблю больших высоких агрессивных мужчин. И именно это оттолкнуло меня, сам знаешь от кого. Когда он спросил кое о чем, это обидело меня, мне это не

понравилось. Что в человеке должно быть такого, что заставляет проявлять подобную грубость? Если это твое нутро - просто держи это при себе, не высказывай.

Ш.: Ты не любишь высоких злых агрессивных мужчин?

М.: Да, в моей жизни они вели себя грубо. Даже если среди них попадались славные гиганты, они все равно отталкивали меня.

Ш.: Но у тебя огромные телохранители?

М.: Они большие.

Ш.: Но они все такие милые.

М.: Конечно милые, а как иначе? Они должны быть джентльменами. И они знают, что если ко мне подходит ребенок - ему нельзя преграждать путь. Если ребенок хочет взять автограф, они должны превратиться в самую вежливость. Они все в курсе этого правила. Очень важного. Кстати, Брандо [Марлон] вообще никому не давал автографы, кроме детей. Кроме маленьких детей. И мне кажется, это так мило, понимаешь.

Ш.: Чего еще ты боишься?

М.: Чего еще?

Ш.: Собак. Я не понимаю определенных детских страхов. Как-то на днях вечером мы включили детям фильм, и там был монстр; Баба начала визжать и плакать, и выбежала из комнаты. Понимаешь, ее обычно сложно уложить, но тогда она заявила: «Я пойду спать!» И она пошла спать. Она ужасно испугалась этого монстра.

М.: Что за фильм вы смотрели?

Ш.: Мне кажется, «Люди в черном» или что-то в этом роде.

М.: А! На DVD? А другие дети как восприняли, они поняли, что это только кино, а не реальность?

Ш.: Да! Я обычно не позволяю им смотреть подобные вещи, но в тот вечер мы смотрели вместе. Баба увидела того первого парня - и началось...

М.: Ну да, это не для Бабы. Точно не для нее! Принц и Пэрис любят «Парк юрского периода», хотя там и элементы насилия имеются, и оружие. Но я хочу, чтобы они смотрели великое кино, если оно, конечно, великое. Не много, но чтобы это было большое, большое искусство!

Глава 23. Жизнь под стеклом (перевод Сабины Introversion)

Ш.: Давай поговорим об известности. Как обстоит дело со всем этим негативом, который ассоциируется с ней? Расскажи об отрицательных сторонах славы... Имея славу такого масштаба, что ты не приемлешь в ней?

М.: Я не люблю, когда ты становишься иконой, будучи суперзвездой, потом превращаешься в икону и международный феномен, то, что случилось со мной - и мне не стыдно об этом говорить - и всё это вызывает зависть. Я часто становился объектом серьезной зависти.

Ш.: Она исходит от других знаменитостей по отношению к тебе, то есть ты явно ощущаешь ее, или ты чувствуешь, что она где-то существует, на расстоянии?

М.: Я видел зависть других, но как только люди знакомятся со мной лично, то сразу же меняются, и так каждый раз. Они видят, что я всего лишь обычный парень. Познакомившись со мной, они даже начинают плакать в моем присутствии. Существует два типа фанатов. Первый фанат кричит: «О, Боже мой! О, Боже мой!». Потом он падает в обморок, и тебе приходится ловить его. Второй резко кидает тебе: «Привет!» Я отвечаю: «Привет! Приятно познакомиться! Как тебя зовут?» Он называет имя, но у него уже есть сложившаяся позиция по отношению к тебе. А я с ним держусь просто и искренне, и затем я вижу, что он начинает плакать. Я спрашиваю: «Почему ты плачешь?» И он отвечает: «Потому что я никогда не думал, что ты такой замечательный». И он меняет свое отношение! Я продолжаю: "И каким же ты меня представлял?" Он: «Я думал, ты гордый и заносчивый». Я говорю: «Пожалуйста, никогда не суди! Я совсем не такой». Они обычно поражены! И я убежден, после этого они любят тебя еще сильнее, в тысячи раз сильнее. Мне кажется, Доброта и Любовь все преодолеют. Просто надо быть проще!

Ш.: Ты всегда обладал способностью смягчать сердца с помощью доброты и любви?

М.: Да

Ш.: А как дело обстоит с завистью других звезд? Ведь в твоей профессии много зависти?

М.: Совершенно верно! Они восхищаются тобой и знают, что ты великолепен, потому что они завидуют, они хотят оказаться на твоём месте. И «М» одна из них! Мадонна одна из них! Она завистлива. Она женщина, и именно это ей мешает! Мне кажется, поклонницы женского пола не так эмоциональны по отношению к своему кумиру,

если их кумир тоже женщина. А мужчины в этом случае слишком сдержаны, чтобы давать волю эмоциям. Вокруг меня всегда истерия и лесть, а вокруг нее этого нет!

Ш.: А разве зависть не бывает полезна? Ты разве за всю свою карьеру никому не завидовал до такой степени, что это заставляло тебя работать упорнее?

М.: Никогда не завидовал. Только восхищение, чистое восхищение.

Ш.: Таким образом, восхищение является бОльшим стимулом, чем зависть, потому что оно несет позитивный заряд. И когда ты смотрел на Фреда Астера, ты говорил себе: «Я тоже смогу так».

М.: Точно! Только восхищение. Зависть - никогда. Это неправильно, но такова человеческая природа, не так ли? Но почему люди, глядя на великого человека, сразу и бесповоротно начинают завидовать ему?

Ш.: Конечно, но ты никогда не испытывал подобного?

М.: Я просто не понимаю тех, которые испытывают.

Ш.: Для тебя существовало только восхищение? Ты испытывал благоговейный трепет и восторг перед большим талантом?

М.: А разве человек может завидовать Богу?

Ш.: Конечно! Посмотри на Сталина и Гитлера. Каждый из них хотел стать Богом. Они хотели управлять жизнью и смертью.

М.: Вау.

Ш.: Потому что они потеряли чувство благоговейного трепета и восторга. Бог больше не восхищал их. Он был для них соперником. Они хотели быть всемогущими, и поэтому не могли признать его власть и подчиниться. Они стали его врагами. Кроме зависти, что еще ты не приемлешь в известности?

М.: Саму известность.

Ш.: Тебе не нравится, когда ты не можешь просто пройти по улице?

М.: Нет, мне нравится, когда люди узнают меня и здороваются, и когда толпа собирается, и все такое.

Ш.: Когда мы были в твоём микроавтобусе, мы уезжали из отеля, дважды мы видели того чернокожего мальчика на велосипеде, который ехал за нами около пяти миль по небезопасным улицам Нью-Йорка только для того, чтобы взять у тебя автограф. И ты остановил машину и дал ему автограф. После обеда с президентом Клинтоном мы видели еще троих детей, которые около мили бежали за нами, пока ты не сказал водителю остановиться, и ты дал им автографы. Таким образом, ты замечаешь их.

М.: О боже! Иногда они собираются сотнями. И дело обстоит в триллион раз хуже, чем то, что ты наблюдал. Они начинают крушить все на своем пути и просто становятся одной неуправляемой толпой.

Как-то мы с Майклом выходили из Карнеги Холл после нашей презентации в день Святого Валентина в 2001 году. С полной уверенностью заявляю, что его чуть не разорвали на кусочки.

Ш.: Но тебе нравится, когда люди тебе узнают, коль скоро они настроены миролюбиво.

М.: Мне кажется - такова роль знаменитого человека, того, кого Бог наделил талантом – будь то скульптор, писатель, художник, певец или танцор - нести массам отдохновение и удовольствие. Это наша работа - дарить радость.

Ш.: Есть ли еще что-нибудь, что ты не терпишь в известности? Очевидно, ты ненавидишь желтую прессу.

М.: Ненавижу ее. Ненавижу этих придурков, которые занимаются этим. Я думаю, расизм, зависть и зло – это все их рук дело. Они срывают свою злость на людях, которые пытаются творить добро, и это очень грустно. Те, кто верит им, просто безумцы. Как бы мне хотелось, чтобы появился способ избавиться от подобных вещей.

Глава 24. Тщеславие и терпение. Зависть и Прощение. Гнев на прессу. (перевод Сабины Introversion)

Ш.: Я вижу, что люди готовы на все, чтобы заполучить хотя бы маленькую частичку тебя. Они хотят купаться в лучах твоей славы. Они хотят, чтобы их видели в твоём обществе, хотят фотографироваться рядом. Но есть люди, которые втерлись в доверие, а потом предали тебя, причинили боль, затеяли судебные тяжбы. Случалось ли так, чтобы кто-то из них пришел к тебе и сказал: «Прости меня, я тебя использовал. Мне очень жаль». Были ли ситуации, когда тебе приходилось прощать?

М.: Как бы я хотел этого. Как бы я хотел, чтобы люди умели признавать свои проступки.

Ш.: Что, ни разу? Никто? Никто никогда не пришел к тебе и не сказал: «Прости, Майкл, в тот раз на вечеринке я прикинулся, что знаю тебя лучше, чем есть на самом деле. Я воспользовался твоим именем для собственного продвижения»? Разве никто не подходил и не говорил: «Я говорил с тем-то и тем-то парнем, он сказал, что вы лучшие друзья»? А ты на самом деле впервые слышишь о нем!

М.: Это происходит каждый раз. Иногда, чтобы не обидеть их, я признаю, что знаю, о ком идет речь. Я просто не хочу ставить людей в неловкое положение.

Ш.: Значит, ты говоришь: «О да! Я знаю этого человека».

М.: Когда на самом деле про себя думаю: «О ком, черт возьми, ты говоришь?!»

Ш.: Никто из тех, кто обидел тебя, ни разу не пришел за прощением? Не было ни разу репортера, который сказал: «Тогда я написал чепуху про тебя. Прости!»? Я сказал тогда журналисту из той газеты: «Как вы могли писать о том, что во время ежегодного бала Angel Ball президент Клинтон демонстративно дистанцировался от Майкла Джексона, тогда как он три раза упомянул его имя в своей речи?» Я процитировал ему некоторые выдержки из той речи, и он сказал: «Я был не прав. Мне предоставили неточную информацию». Он оказался порядочным человеком. Он сказал: «Завтра я все исправлю». Но разве тебе ни разу в жизни не приходилось никого прощать? А прощал ли ты без их раскаяния? Ты прощал людей, причинивших тебе боль?

М.: При встрече с ними?

Ш.: В своем сердце.

М.: Конечно!

Ш.: Ты видел, что кто-то ведет себя недостойно, и ты все равно прощал их?

М.: Да, потому что меня учили придерживаться того, что написано в Библии: «Прости их, ибо они не ведают, что творят». И я следую этому.

Ш.: И тебе кажется, что у тебя получается?

М.: Да.

Ш.: Значит, на сегодняшний день в твоём сердце нет злости на кого-либо?

М.: Я злюсь на прессу. Я просто зол, я взбешён, я в ярости из-за нее. Ещё я злюсь на тех, кто умышленно причиняет боль детям. Эти истории о том, как во время войн поступают с детьми. Я всегда пытаюсь придумать что можно сделать, чтобы этого не происходило.

Ш.: А как дело обстоит с прощением? Ведь существуют же люди, которые ранили тебя. Дети ссорятся, но они не таят обиды. Ты можешь совершенно искренне простить человека, который сделал тебе больно?

М.: Да.

Ш.: Я этого не заметил. Помнишь, я упомянул имя Розанны Барр, ведь я участвую в ее телевизионном шоу? Я лишь совсем недавно узнал, что она, оказывается, без видимой на то причины сделала колкое замечание в твой адрес.

М.: Она была несправедлива ко мне. Поэтому я засомневался на ее счет.

Розанна является моим другом, и я участвовал в ее ток-шоу на ТВ в качестве свата для ее дочерей. Розанна, еврейка по происхождению, хотела, чтобы ее дочери вышли замуж за евреев. Наблюдая ее несомненные материнские качества, я подумывал пригласить ее стать участником нашего детского фонда. Когда я рассказал про это Майклу, он промолчал. Это говорило о его воспитанности, потому что он не стал при мне чернить имя моего друга. Позже кто-то мне рассказал, почему Майкл начал сомневаться относительно ее участия в программе; причина в том, что Розанна как-то сделала необоснованный и колкий комментарий относительно Майкла. Но я знаю Розанну и, по всей видимости, она просто шутила.

Ш.: Ты ведь мог рассказать мне.

М.: Я не нападал на нее злонамеренно.

Ш.: Я видел это. Но ты можешь простить таких людей? В их сердцах нет злобы.

М.: Понимаешь, они не ведают, что творят. Слова Иисуса. Они даже не знают меня! У того, что они делают, просто нет оснований! Как же они могут себе позволить говорить такое, ведь они не знают меня! Неужели они верят в то, что читают?

Ш.: Значит, полное прощение?

М.: Да, потому что Розанна недавно подходила ко мне за кулисами с таким умиленным видом, с похвалой на устах, очевидно, чувствовала себя неловко из-за произошедшего.

Ш.: Другие примеры у тебя есть?

М.: Мадонна никогда не извинялась! Она завистлива!

Ш.: Она хочет стать самой великой звездой в мире?

М.: Да, она завидует.

Ш.: Я не могу понять этого! А ты бы ей сказал: «Чему ты завидуешь? Ты делаешь свое дело, я - свое».

М.: Но в то же самое время она приходит на мои выступления и плачет. Она сидит в зале, и слезы катятся по ее лицу, потому что ее, например, растрогала какая-то песня. В ней есть и хорошие качества.

Ш.: В ней есть хорошие качества. Но ты говоришь, что зависть не дает им реализоваться в полной мере. И если кто-то ведет себя так, скажи, ведь им не нужно каяться, потому что ты все равно простишь их?

М.: Да.

Ш.: Я видел как ты делал попытки примирения с Джеем Лено. Ты был на благотворительном вечере вместе с Элизабет Тейлор, и на тебе был красный костюм.

М.: Костюм был коричневый.

Ш.: И ты увидел Джея Лено и...

М.: Он сидел за тем же столиком, что и я, а еще президент Форд, Сильвестр Сталлоне, Элизабет Тейлор, Сидней Пуатье. Когда он сел за наш столик, я начал шутя душить его [*последний часто отпускал недобрые шутки в адрес Майкла*]. А потом Элизабет сказала: «Вы плохо отзывались о Майкле?» И он сделал вид, что не понял. В конце вечера он пожал мне руку, и взгляд у него был такой добрый. А на следующий день он написал в офис: «Майкл сказал, что выступит на шоу. Не могли бы все устроить так, чтобы он все же участвовал?» Я никогда не говорил подобного. Поэтому я не знаю, что и думать. Но вместо того, чтобы отвести его в сторонку и наговорить гадостей в ответ, я сделал то, что сделал, и не мог по-другому (*Смеется*).

Ш.: Это было мило! Все это видели?

М.: Да, они видели. У него такая большая шея. Я не мог обхватить ее руками.

Ш.: А что такого особенного в Элизабет Тейлор, за что ты ее так любишь? Она ведь вроде твой самый близкий друг на протяжении многих лет. Что же в ней особенного - та же детская непосредственность?

М: Мы очень похожи.

Ш: Она преданна.

М.: Она преданна. Мы из одного теста. Она имеет непосредственное отношение к миру, из которого я пришел. Она особенная. Ты просто смотришь ей в глаза - и все понятно. Это как телепатическое общение. Ты просто чувствуешь, и слова не нужны. Я понял это сразу же, как только познакомился с ней. С Ширли Темпл та же история. Мы все с одной планеты.

Глава 25. Майкл и его фэны: Взаимная любовь. (перевод Сабины Introversion)

Ш.: Разреши мне спросить тебя кое-что. Будучи несчастливым ребенком и не имея той любви, которая была тебе так необходима, как ты справляешься с этим пробелом? Как ты научился компенсировать те базовые вещи, которых тебя лишили?

М.: Я думаю, что танец и музыка очень помогли мне, это стало своего рода терапией. Умение выражать свои чувства на сцене через песни и получать сторицей любовь своих поклонников

Ш.: Это компенсирует то, что ты не получил?

М.: Да, потому что когда ко мне подходит поклонник или просто кто-нибудь подходит и говорит: «Я очень люблю тебя», - это наполняет мое сердце радостью. Я никогда не устану от этого.

Ш.: В самом деле? Но ведь всегда найдется какой-нибудь псих или фанатик, который может навредить тебе?

М.: Нет! Я просто люблю своих фанатов, безумно люблю, и мое сердце наполняет счастье, когда я вижу, что они разделяют мои взгляды относительно семьи и детей! Они всегда носят с собой большие постеры с изображением детей, и они со мной, они все понимают! Они понимают то, о чем я говорю.

Ш.: Значит, то, что ты не получил от родителей, ты получаешь от своих поклонников! Но здесь есть большая разница. Родители дарят тебе безусловную любовь, даже если ты ее не заслуживаешь. Мать Билла Клинтона, Вирджинию Келли, однажды спросили, кого из сыновей она любит больше. Билла, президента США, который стал ее гордостью, или Роджера - злостного неплательщика алиментов, у которого к тому же проблемы с наркотиками.

М.: Это ее сын?

Ш.: Да, Роджер, брат Билла Клинтона.

М.: Он наркоман?

Ш.: Конечно! Я почти уверен, что он сидел в тюрьме за торговлю наркотиками.

М.: Что, правда?

Ш.: Также он не платил алименты и все такое... Так вот, ее спросили: «Один ваш сын - лодырь, другой - президент. Вы наверняка больше любите Билла?» И она ответила: «Что? Вы с ума сошли? Я люблю обоих детей и люблю их одинаково». Так вот, существует отличие, Майкл, в том, как тебя любят поклонники и как - семья. Родители любят тебя несмотря ни на что! Поклонники тебя любят потому, что ты умеешь петь и танцевать, или все же они тоже любят тебя безусловной любовью?

М.: Сложно сказать, поскольку я никогда не был в их шкуре! Я думаю, как только они понимают, какой я, как воспринимаю их, что со мной им легко, они тоже начинают любить меня безоговорочно! Я знаю, что это так! Я чувствую это, я это вижу. Если мы куда-нибудь пойдем вместе, мы обязательно встретим самых преданных поклонников, и ты тогда увидишь. Это невероятно, это схоже с религиозным переживанием. Они спят на улицах, поддерживают свет свечей, и их семьи там же, рядом. Это просто чудесно! Я люблю, когда дети подходят! Это наполняет мое сердце счастьем.

Ш.: Значит, сначала они любят тебя за песни и танцы, а потом их любовь выходит за эти рамки.

М.: Да, потому что они понимают, какой я на самом деле, что пытаюсь донести до них... В моей музыке заложен смысл, который не сводится только к биту и ритму! В ней есть настоящая глубина.

Ш.: Почему у тебя такие фанатичные поклонники? Давай я тебе расскажу, насколько они фанатичны. Я никогда не говорил тебе, но вслед за той статьей, которую я написал о тебе, после твоего дня рождения в Неверленде, на нас посыпались сотни электронных писем. Ты должен видеть это. Половина из этих людей создали сайты о тебе. Похоже, что сейчас существуют сотни и сотни сайтов, посвященных Майклу Джексону.

М.: Да, да.

Ш.: Как ты это объяснишь? Ну, у всех есть поклонники! Помнишь, на днях мы говорили о Spice Girls. Разумеется, у них были поклонники, но где эти поклонники сейчас? В чем секрет преданности твоих поклонников?

М.: Мне кажется, это все из-за дара, которым Бог наделил меня. Я никогда не был артистом-однодневкой, и это позволяет публике развиваться вместе со мной. Когда они взрослеют со мной, контакт становится более эмоциональным, они чувствуют привязанность ко мне, будто я их брат. Ко мне часто подходят люди, называют просто по имени, начинают разговаривать, обнимают, как будто они мои родственники. А я подыгрываю, понимаешь, я должен смириться с этим. Они действительно думают, что ты один из них.

Ш.: Значит, ты знаешь их всю жизнь?

М.: Да, всю свою жизнь и мне нужно мириться со всем. Потому что на их стене висит постер со мной, утро начинается с моего голоса, мои фотографии повсюду! Они

создают подобие алтаря, и, хотя некоторые религии утверждают, что это идолопоклонство, я не считаю это таковым.

Ш.: Ладно, почему это не идолопоклонство?

М.: Я никогда не писал этого и никогда не слышал, [чтобы мои поклонники провозглашали меня Богом]. Возможно, и были где-то растяжки, гласящие "Ты - Бог". У нас даже есть съёмки подобных вещей, но мы не показываем их на телевидении. Бывают растяжки с такими надписями. Не думаю, что в этом есть что-то скверное, ведь я говорю людям о любви, о возрождении семейных ценностей.

**Часть 4. Интервью с Кэтрин Джексон.
Глава 26.
(перевод Сабины Introversion)**

Ш.: Итак, мне бы хотелось, чтобы это было больше беседой, чем интервью. Прежде всего, позвольте сказать, что я очень хотел встретиться с вами, и для меня это большая честь. Мы дружим с Майклом. Он всегда говорит о вас. На самом деле, вы одна из ключевых фигур книги.

К.: В самом деле?

Ш.: О, он обожает вас. В Неверленде мы видели поезд Кэтрин и гору Кэтрин. И когда он говорит о вас, он закрывает глаза и погружается в какой-то восторженный экстаз.

К.: (Смеется) Он такой хороший сын. Он действительно хороший сын.

Ш.: Он боготворит вас. Вы одна из самых известных матерей в Америке. Кто может похвастаться семьей, которая достигла таких успехов, как ваша? Вы наверняка гордитесь своими детьми?

К.: Да, я очень горжусь ими. Но знаете, за все приходится платить.

Ш.: Если в процессе вы захотите, чтобы я выключил диктофон, я выключу.

К.: Вы имеете в виду, если я захочу этого?

Ш.: Если вы захотите, я выключу.

К.: Все в порядке. Спрашивайте о чем хотите, я готова.

Ш.: Значит, приходится платить за известность?

К.: Да. Когда приходит слава - за нее всегда нужно платить. В ней есть хорошие стороны, есть - плохие. Люди любят слушать скверные истории. Люди выдумывают небылицы про тебя, и это больно, они появляются на телевидении и говорят о тебе такие вещи, о которых даже не имеют понятия. Это все неправда, но это то, что происходит. И тебе приходится быть сильным, чтобы справиться со всем.

Ш.: Как вы объясняете невероятный музыкальный талант вашей семьи?

К.: Ну, я всегда любила музыку! И мой муж тоже! В молодости мы с моей сестрой постоянно пели, и вот забавная история. Мой отец родом из Индианы, из восточного Чикаго. Я там выросла. Так вот, мой отец всегда слушал одну радиостанцию - в те дни еще не было телевидения - он слушал станцию Supper Time Frolic. И каждый вечер в нашем доме звучала музыка, это была музыка кантри. Именно он подарил моему сыну Тито гитару. После того, как я вышла замуж и переехала в Гэри, мой отец сделал Тито такой подарок. А когда появилось телевидение, мальчики любили смотреть Temptations. Их часто передавали, дело ведь было в далеких 60-х. Как-то я запела с ними, вот так все и началось.

Ш.: Этого я не знал. Вы пели вместе с ними?

К.: Вы этого не знали? Да, но не профессионально, конечно.

Ш.: Я понимаю. Дома?

К.: Когда они были маленькие, когда они были совсем крохами. Мне даже кажется, что Майкла еще не было. Мы каждый месяц должны были платить за телевидение. Ну, вы знаете как бывает, приходилось много платить. И как-то телевизор сломался, было холодно, шел снег, и детям нечем было заняться. Так мы начали петь. Мы пели такие песни, как "Old cotton field back home". Не знаю, слышали ли вы их, это народные песни. И даже раньше, когда я и мой муж только поженились, мы пели в свободное время дома, мы строили гармонии, мы всегда любили музыку; семья мужа тоже очень музыкальная. Он играл на гармонике, когда-то играл и на гитаре, а его брат - на саксофоне и еще один брат - на тромбоне, и мой отец играл на гитаре. Мы просто любим музыку, и, я полагаю, в этом все дело.

Ш.: Значит, вы не рассматриваете это как нечто генетическое.

К.: Вполне возможно, потому что...

Ш.: Ни у одной семьи нет таких достижений...

К.: ...мой дедушка или прадедушка, скорее всего дедушка... Моя мать часто рассказывала истории, как они держали окна нараспашку и пели, потому что нечем было заняться, их голоса разносились эхом по округе. Это было самое дешевое развлечение – петь для себя, своих близких – так как в то время черные семьи были не богаты, им приходилось развлекать себя музыкой. Гитары и губные гармошки.

Ш.: Вам не кажется, что в то время семьи были счастливее, чем сегодняшние обеспеченные семьи?

К.: О да, мне кажется, что это так. Я в этом убеждена. В Гэри, мне кажется, я была намного счастливее. Сегодня я тоже счастлива, но бедность сближает; мне кажется, чем беднее семья, тем она сплоченнее.

Ш.: У меня есть несколько вопросов. Давайте начнем с Майкла. Он очень хотел, чтобы я встретился с вами, потому что только вы можете рассказать то, что он, возможно, уже не помнит. Например, что помогло ему стать таким, какой он есть? Я не имею в виду музыкальную составляющую. Большинство голливудских звезд, которые сколотили огромные состояния и прославились на весь мир - заносчивы и эгоцентричны. Их не интересуют дети. На самом деле, это последнее, что может вызвать у них интерес. Их интересуют только они сами. Прежде всего, Майкл жил с вами до 27 лет, что удивительно. То есть... Маколей Калкин съехал, когда ему было 11 [*тут я преувеличивал*]. Чем вы объясните его мягкость, его деликатность, его любовь к животным, его чувствительность? Он как мальчишка! Его легко удивить, легко испугать. Как вы объясняете все это?

К.: Знаете, ответить на все эти вопросы не совсем легко. У каждого из них была своя кошка. Я всегда говорила: «Вы можете иметь кошек, но не приносите их домой». Когда мы переехали в Калифорнию, все изменилось.

Ш.: Получается, он проявлял это качество с детства?

К.: Да, любовь к животным была у него с ранних лет. Джанет тоже любила животных, даже будучи совсем малюткой. И хотя у нас не было такого закона - держать животных дома было не принято. Бездомные животные были повсюду. После переезда в Калифорнию у него появилась возможность держать животных. Так появились змеи и баран. Здесь, в Энсино, у нас был небольшой зоопарк. У нас даже жираф жил. Ему нравилось все это. Знаете, это все потому, что... Я вам скажу, что думаю. Индиана, где мы жили, была нехорошим местом. Город Гэри в Индиане - прескверное место. И мой муж, он не позволял детям выходить на улицу и... играть с соседскими детьми.

Ш.: Но почему же он не захотел свободы после такого? Почему он так долго оставался с вами? Он сказал: «Я старомоден, до свадьбы нужно жить в отчем доме». Это вы взрастили в нем определенные ценности? Или все дело в религии, в которой он воспитывался? Он в основе своей мягкий, ранимый человек. Откуда произрастают эти качества?

К.: Мне не хотелось бы говорить об этом.

Ш.: Все ваши дети такие?

К.: В основном, да. Скорее всего, так и есть, но я не люблю говорить об этом. Раньше я все время повторяла ему, что он слишком похож на меня, и я не хочу, чтобы он был таким.

Ш.: Он сказал то же самое.

К.: (*Смеется*) Я постоянно говорила ему: «Ты не должен быть таким! Ты мужчина! Ты должен быть сильным». Понимаете. Но он мягкий. Он очень мягкий человек.

Ш.: Итак, насколько я понимаю, свою мягкость он унаследовал от вас. Он был привязан к вам намного сильнее, чем к отцу.

К.: О да!

Ш.: Значит, он брал с вас пример.

К.: О да!

Ш.: И он действительно уверен в необходимости быть мягким, и он скорее будет страдать, чем причинит боль.

К.: Никогда не сделает ничего плохого.

Глава 27. Религия в жизни Кэтрин и ее детей. (перевод Сабины Introversion)

Ш.: На вашу «мягкость» повлияла ваша вера? Майкл постоянно говорит о вашей вере.

К.: Нет, я всегда была такой, ведь я не всегда была Свидетельницей Иеговы.

Ш.: Вы были Свидетельницей Иеговы с ранних лет?

К.: Нет, до этого я была баптисткой. Мама водила нас в воскресную школу при церкви, и еще мы пели в хоре.

Ш.: Значит, вы воспитывались в традициях баптизма?

К.: Да.

Ш.: А вы ходили в церковь? Вы были религиозны?

К.: Да, я ходила в церковь, но мне не нравилось то, что я видела там. Я начала судить о религии по поступкам людей, ее исповедующих, и, поскольку поступки эти были не очень хорошие, я покинула ряды баптистов.

Ш.: И где это было?

К.: В восточном Чикаго, в Индиане.

Ш.: Вы увидели нечто, что оттолкнуло вас от этой церкви, и решили найти более подходящую для вас религию, когда вам было сколько - двенадцать, тринадцать?

К.: Да. Двенадцать или тринадцать. Мы со своей сестрой специально готовились, чтобы вступить в церковь Свидетелей Иеговы. Нас обучали люди, жившие по соседству. Потому что... Понимаете, Свидетели Иеговы стучались во все двери и проповедовали библейские истины. Мама узнала обо всем, очень рассердилась и заставила нас прекратить подготовку. Но когда я стала взрослой, вышла замуж и уехала из дома, я вернулась к этому. Вот тогда я и начала серьезно готовиться, чтобы стать настоящей Свидетельницей.

Ш.: Вы были замужем?

К.: Я уже была замужем.

Ш.: Значит, вы познакомились со Свидетелями Иеговы, будучи подростком.

К.: Да.

Ш.: Но ваши родители были недовольны вашим интересом.

К.: Верно.

Ш.: Поэтому они пытались отговорить вас. Но это осталось внутри вас. Поэтому, когда вы стали более независимы и свободны... Скажите, вы ведь вышли замуж молодой девушкой?

К.: В девятнадцать.

Ш.: Девятнадцать? Моей жене было девятнадцать, когда мы поженились! Моя мать вышла замуж в девятнадцать. В нашей семье это особенное число.

К.: Да вы что?

Ш.: Итак, вы вышли замуж в девятнадцать и сразу же с мужем переехали в Индиану?

К.: В город Гэри, в штате Индиане. Нет, когда мы поженились, мы еще два месяца жили в восточном Чикаго, прежде чем переехать.

Ш.: Именно тогда вы решили стать приверженкой Свидетелей Иеговы?

К.: Да, но это случилось, мне кажется, спустя десять или двенадцать лет.

Ш.: Но что вас привлекло в этой религии? Я знаю немного об этой церкви, только то, что смог вычитать. Вы почувствовали искренность, которую не встречали в других религиях?

К.: Ну, главное - это то, что Свидетели Иеговы строго следуют слову Библии, и они стоят на стороне добродетели. Например, если ты изменишь супругу или что-то в этом роде, то тебя отлучают от церкви. Если ты женат или замужем и изменил, то тебя немедленно отлучат, потому что это неправильно. Я верю в Свидетелей по многим причинам. Я верю потому, что вижу, что это - настоящая религия. Я искренне убеждена в этом. Создатель заботится о нас, а наше дело - каждый день изучать священные книги.

Ш.: Вы читаете каждый день?

К.: Да.

Ш.: Ветхий и Новый Завет?

К.: Да.

Ш.: Куда бы вы ни ехали, вы всегда берете книги с собой?

К.: Ну, эту, например, не беру (*указывает на книгу*). Но это - показания людей, которые рассказывают о перипетиях на их жизненном пути.

Ш.: Вам кажется, что эта религия основана на Библии и, следовательно, она подлинная. Таким образом, это настоящая религия, и она близка Вам. Вас сразу же приняли?

К.: Сначала я училась. Сначала необходимо изучить Библию.

Ш.: Ваш муж вступил на этот путь с вами?

К.: Он тоже готовился, но так и не обратился. Он нашел ее слишком жесткой. Моя старшая дочь была крещена в ней. Майкл одно время тоже был с нами.

Ш.: А другие дети нет?

К.: Другие дети - нет.

Ш.: Как же так? Почему одни стали приверженцами, а другие нет?

К.: Если бы я надавила на них, они бы стали. Но у нас все делалось по доброй воле.

Ш.: Получается, в определенном возрасте вы рассказали Майклу о вашей религии и он проникся ею?

К.: Нет, мне кажется, он сам захотел пойти со мной в Зал Царства.

Ш.: А вы чувствовали гордость, когда его приняли в ряды Свидетелей Иеговы?

К.: Да, я очень гордилась, когда он стал Свидетелем Иеговы.

Ш.: Но к тому времени он уже был знаменит? Или он еще оставался обычным мальчишкой.

К.: Пожалуй, он был уже знаменит. Да, он был знаменит. Jackson 5 уже существовали.

Ш.: Понятно. Значит, это была эпоха Jackson 5.

К.: Верно.

Ш.: Но из них он был единственный, кто крестился?

К.: Он был единственный.

Ш.: И по воскресеньям он ходил с вами в церковь?

К.: Да. Бывало, он и один ходил.

Ш.: Я просил Фрэнка показать вам ту великолепную статью, которую мы написали с Майклом о первых миссионерах и Шаббате. Великолепная статья. [*Она была напечатана на религиозном сайте beliefnet.ru*]

К.: В самом деле?

Ш.: Да, статья получила широкую огласку.

К.: В самом деле?

Ш.: О, это стало настоящим событием. Как жаль, что он не показывает ее вам. Это была великолепная статья.

К.: Но почему он не показал ее мне?

Ш.: Это великолепная статья о том, как он любит Шаббат.

К.: Да вы что!

Ш.: Значит, он ходил с вами. Он рассказывал мне, что ему нравилось в Свидетелях: к нему относились, как к обычному человеку. Несмотря на то, что он был звездой, его называли не иначе как Брат Джексон.

К.: Верно.

Ш.: Они старались изо всех сил относиться к нему беспристрастно - не хуже, но и не лучше, чем к другим.

К.: Да.

Ш.: Вы тоже это замечали?

К.: Да, это их позиция. Среди артистов много Свидетелей Иеговы. Я не могу вспомнить название группы, ну, знаете, там были Бенсон, Ронни Лосс. Я могу продолжать называть имена знаменитостей, которые являются Свидетелями Иеговы. И ко всем они относятся одинаково. Они не обращаются с ними как-то по особенному.

Ш.: И Майклу нравилось то, что, в конце концов, он может просто быть собой.

К.: Да, скорее всего так и есть.

Ш.: Он также рассказывал мне, что они были очень добры с ним. Они никогда не придавали особого значения выходкам репортеров, которые следовали за Майклом по пятам до дверей церкви. (*Смеется*) В статье мы даже пошутили, что, мол, репортеры тоже дети Божьи!

К.: (Смеется) Это так.

Ш.Б: Итак, у вас много детей, некоторые из них заинтересовались религией, и Майкл один из них, несмотря на то, что он уже был знаменитостью. Беседуя с Майклом, я ловлю себя на мысли, что он обладает врожденной духовностью, что у него какая-то естественная связь с Богом.

К.: Да.

Ш.: Вы можете это как-то прокомментировать? Вы наблюдали это в нем с ранних лет?

К.: Да

Ш.: Он молился перед сном?

К.: Да, я убеждена в этом. Что касается других моих детей...я не знаю, происходит ли... Не знаю, не могу утверждать, потому что...

Ш.: Вам удобно говорить об этом?

К.: Все в порядке. Но я знаю, что Майкл обладает духовностью. Он всегда был тихим, любящим ребенком. И он просто любил людей, детей. Мы обычно сидели и оба плакали, когда видели...потому что это очень грустно, и тогда я поняла это, понимаете...и он постоянно говорил мне: «Я знаю, я не могу излечить мир, мама, но, по крайней мере, я могу попытаться».

Ш.: Вчера мы говорили с Майклом еще кое о чем. Свидетели Иеговы не отмечают дни рождения.

К.: Это так.

Ш.: А какова причина?

К.: Да... просто смерть Иисуса...единственный праздник, который...

Ш.: Понятно, значит, отмечаете Пасху. Вы называете это Пасхой или как-то иначе?

К.: Ох, мы никак не называем это. Мы не празднуем Пасху.

Ш.: Это воскрешение. Вы же празднуете сам день, в который он умер.

К.: Да.

Ш.: Понятно. Хорошо. Страстная пятница (Вечеря).

К.: И это единственный день, который он велел почитать. Про воскресение он ничего не говорил.

Ш.: Вы читаете Библию каждый день?

К.: Да.

Ш.: Значит, это... это - ваша жизнь, ваша религия. Это основополагающая часть вашей сущности.

К.: Ну, да, во всех Залах Царства [Я посещаю пять собраний в неделю].

Ш.: Пять собраний в неделю?

К.: Но необязательно собираться так часто. Мы обязательно присутствуем на молитвенном собрании по воскресеньям вечером; нам проповедуют, мы учимся и тому подобное. Ведь Библию невозможно постичь до конца.

Ш.: Так и есть.

К.: Ведь евреи тоже не переставая читают ее?

Ш.: Совершенно верно. Мы читаем ее...

К.: Изучая ее день и ночь, могу предположить, что вы знаете о ней все.

Ш.: Мы читаем Библию каждый божий день.

К.: Ясно.

Ш.: То есть, к настоящему моменту, а мне 34 года, я могу сказать, что изучаю Библию всю свою жизнь. Я знаю, то есть, не сочтите это хвастовством, но из-за регулярного чтения я многое знаю просто наизусть.

К.: О!

Ш.: По крайней мере, Пятикнижие Моисеево, если быть точнее.

К.: Ясно.

Ш.: Именно на нем мы концентрируемся более всего. Больше, чем на Псалтыре или Книге Пророков.

К.: Верно.

Глава 28. Когда Майкл покинул Церковь свидетелей Иеговы. (перевод Марии Добышевой)

Ш: Как вы чувствовали себя, когда Майкл начал дистанцироваться от Свидетелей Иеговы?

К: Я чувствовала себя по-настоящему плохо, потому что это меня очень беспокоило. Я плакала об этом, я молилась об этом. И мне было плохо на душе, когда он отрёк себя от церкви. Церковь не изгоняла его. Он посчитал, что так будет лучше, потому как подумывал заняться некоторыми делами и...

Ш: Но что за претензии они предъявляли? Что он звезда сцены и перестал соответствовать им?

К: Он соответствовал бы. Хотя, полагаю, я в действительности не знаю почему он решил уйти из церкви.

Ш: Он сам решил уйти.

К: Верно.

Ш: И до того момента он продолжал вместе с вами посещать церковь по воскресеньям?

К: Да.

Ш: И вот он решил уйти, он обсуждал это с вами перед тем как сделать?

К: Нет. Я услышала об этом позже. Нет, и это причинило мне боль. Не то, что не обсудил... А то, что я просто не хотела, чтобы он уходил из церкви.

Ш: Он, вероятно, почувствовал, что это даст ему гораздо большую свободу в творчестве.

К: Вероятно так.

Ш: Как, например, с Триллером - когда он был вынужден вставить то обращение в самом начале.

К: Ага.

Ш: Вы звонили ему, говорили - "Понимаешь, тебе бы следовало подумать над этим"?

К: Нет. Нет, потому что он ушёл из церкви раньше, чем я узнала об этом, и тогда было уже слишком поздно.

Ш: Но вы по-прежнему ощущаете, что он... Мне кажется, что в нём по-прежнему сильно духовное начало, я имею в виду то, что он разговаривает о Боге со мной всё время.

К: Да, да. На самом деле - это в нём. И я так хочу, чтобы он вернулся.

Ш: А вы разговаривали с ним о том, чтобы растить Принса и Пэрис в соответствии с некоторыми духовными традициями?

К: Ну, я приношу литературу Грейс [*детской няне*].

Ш: Правильно.

К: И я приношу маленькие... есть такая детская книжка с библейскими рассказами, и я принесла каждому из них по одной, теперь они у няни и она читает их детям. И я не думаю, что он имеет что-то против этих уроков или чтений.

Ш: Верно. Когда Майкл стал более знаменит, вы увидели в нём какие-то перемены, помимо...

К: Религии?

Ш: Да.

К: Нет, я не видела ничего противоречащего. Нет, не видела.

Единственное, что он делал - было то, как он танцевал порой, когда исполнял "Billie Jean". Они всегда говорили, что то, как он это делал... клал ладонь между ног и всё такое.

Ш: Верно, он всё время шутит со мной на эту тему. Он смеётся над этим.

К: Я знаю (*смеётся*).

Глава 29. Обеспечивая чувство безопасности. (перевод Марии Добышевой)

Ш: Хорошо. Вы ощущали, что ему нужна усиленная защита, поскольку он очень мягкий человек? Чувствовали, что необходимо больше заботиться и присматривать за ним?

К: Да. Он вполне силён, чтобы позаботиться о себе самому во многих делах, но, полагаю, нас делает очень близкими друг к другу то, что я чувствую его уязвимость и мягкость. Когда начинаются разговоры о нём в связи с детскими домогательствами, все твердят мне: «Не говорите ничего, вы можете повредить». И представители Майкла говорят то же самое, «Ничего не рассказывайте, этим вы можете повредить». Я отвечала на это: «Хуже, чем есть, уже быть не может. И мне всё равно что вы думаете, я собираюсь идти на ТВ». И я действительно выступила на ТВ, потому как он очень нуждался в человеке, который помог бы ему, защитил его от всей этой дряни. Конечно, таким образом я не могла защитить его, но, по крайней мере, я могла попытаться направить вопросы в нужное русло. И даже несмотря на то, что мне не верили, я высказалась. Но все эти люди выступали за деньги. Они знали, что лгут, и потому я вновь пришла на ТВ и сказала: «Все они работают на меня, а не на Майкла». Люди пытаются сделать деньги на всём, чём только можно [*Видимо, речь идёт об уволенных сотрудниках Энсино, которые дали ложные показания против Майкла в преследовании 1993 года - прим. перевод.*].

Ш: А когда он был младше, вы тоже ощущали потребность защищать его? Вы же видели непосредственно, что из всех ваших девяти детей он самый кроткий, чувствительный и ласковый?

К: Знаете, я видела, что он самый впечатлительный из всех, но... Думаю, что когда ему приходится - он становится довольно уверенным и сильным. Разве вы не замечали такого за ним? Что думаете?

Ш: О, абсолютно согласен. Я видел это вчера, я рассказывал. У Майкла и Фрэнка была стычка насчёт того, что он должен был делать в субботу вечером в Карнеги Холл. Точно, он становится очень сильным, когда он должен им быть.

К: Да, он именно такой.

Ш: Значит, вы видели в нём оба качества – очень мягкий, но со стальным стержнем внутри.

К: Мягкость, но при этом сила характера, порой даже чересчур. И ему очень легко сделать больно, потому что люди думают про него всякие вещи и говорят о нём

всякие слова. Но я считаю, что сейчас он уже в определённой степени закалён, так как ему пришлось через многое пройти и пережить.

Ш: Абсолютно согласен.

К: У него крепкая броня.

Ш: Ему пришлось многое вынести. Очень многое. Когда он решил остаться в родительском доме... он был большой... даже после альбома Thriller... он был огромной мировой знаменитостью.

К: Ага.

Ш: Можете ли вы рассказать об этом? Обо всём, что было? Я имею в виду, что нахожу это очень волнующим – в один прекрасный день и год, человек уезжает учиться в колледж в возрасте примерно 17 лет и перестаёт быть под крылом у родителей... А этот паренёк, который совершенно очевидно может себе позволить жить в любом месте, где пожелает – и он хочет жить дома с родителями. Мы разговаривали о том, что Майкл остался жить дома. До сих пор ваши дети рано решались создать семью, я говорю о старших сыновьях.

К: Да, они рано женились.

Ш: Но Майкл не стал.

К: Нет.

Ш: И вы были счастливы, что он с вами, дома?

К: Да. На самом деле, я не хотела, чтобы вообще кто-то из моих детей покидал дом, но так думает каждая мать.

Ш: Да.

К: Знаете, но они должны покинуть отчий дом и уехать.

Ш: Ну, и вы говорили ему: «Как здорово, что ты остался жить с нами, дома. Ты прав и принял верное решение, оставайся с нами, пока не решишь жениться?»

К: Нет.

Ш: Ну, а говорили: «Ты суперзвезда, и тебе действительно бы надо...»

К: Нет, нет. Я никогда не верила в то, чтобы подгонять своих детей уйти из дома, или... ну понимаете, как мамаша-ласточка – вытолкнула из гнезда, мол, летите! Но всегда верила в то, что придёт их время, они окрепнут и станут способны уйти и жить самостоятельно, но только когда будут полностью готовы... в двадцать четыре, в двадцать пять лет...

Ш: А Майкл всегда чувствовал, что вас надо поддерживать и защищать?

К: Он говорил: «Я куплю тебе дом».

Глава 30. Быть мамой Майкла. (перевод Марии Добышевой)

Ш: Майкл рассказывал мне много историй о том, когда он был ребёнком, о вас. К примеру, о том, что он всегда танцевал.

К: Ага.

Ш: И оставлял после себя натоптанные следы всюду.

К: Ммм *(смеётся)*.

Ш: И все ему говорили: "Майкл, хватит уже плясать". Или: "От тебя слишком много шума". А вы всегда говорили: "Нет, не мешайте, дайте ему танцевать".

К: Да.

Ш: Выявление своего музыкального дара Майкл считает именно вашей заслугой, больше, чем чьей-либо, потому что вы...

К: О, правда?

Ш: Да, он всегда говорил мне об этом. Одна из таких историй, которая войдёт в нашу книгу, о том, что он всегда танцевал, топтал пол до царапин, создавал много шума, но вы всегда говорили: "Нет, дайте ему потанцевать. Никогда не мешайте ему".

К: Да.

Ш: Вы помните это?

К: Да, да. Думаю, что Майкл родился с этим, потому как даже когда он был совсем маленьким мальчиком, трёх лет от роду - ребята пели и он пел. Он уже тогда был певцом, и это привлекло моё внимание. Он сидел в уголке и когда они начали петь - от него исходило такое идеальное благозвучие, что я подумала: "Боже, откуда это у него?" А потом, когда ему уже было около пяти, он всё время придумывал: "И какое же движение мы сейчас поставим в эту песню?" "Ну, вы знаете, каким образом они ставили танцы. А он делал по-своему. И он говорил им: "Нет, давайте сделаем вот так, и давайте попробуем этак".

Ш: Получается, что это было заложено в нём?

К: Да, именно так, это заложено в нём. Я не знаю, откуда это у него и это меня поражает. Ну, примерно так же как, наблюдая сейчас некоторые черты у Принса, ты просто не веришь своим глазам. Вот так это было и с ним.

Ш: Буквально на прошлой неделе где-то сказали о том, что подбородок Майкла был прооперирован и в него вставлен имплантант, что звучало просто смехотворно. Как вы относитесь к подобному бреду с точки зрения его мамы?

К: Люди говорят это о нём?

Ш: Ну когда читаешь этот бред... пишут всякое.

К: О, это огорчает меня и очень злит.

Ш: Но разве в то же время вы не говорили себе: "Я верую в Бога и я верю что всё, что происходит, имеет свою причину?" Находите ли вы крепость духа в своей вере, ведь, в конечном счете, всё ничтожно и не имеет значения, так как на всё воля Божья?

К: Я, конечно, чувствую это. Если бы не моя религия, не моя духовность и не вера в Бога - не думаю, что мне удалось бы жить со всем этим вздором, который говорится о моей семье и Майкле. Это действительно ранит. Но мы должны молиться об этом. Это единственное, что мы можем.

Ш: И таким образом вам удастся со всем этим справиться?

К: Да.

Ш: Вы говорили Майклу в 1993-м или в другие времена: "Тебе надо быть ближе к Богу. Тебе нужна вера в него. Только вера поможет тебе пройти через всё это"? Не деньги, не успех и не поклонники. А только крепкая связь с Господом?

К: Правильно, верно, именно так. Я чувствую это. Ох *(вздыхает)*, ладно. Не могу высказать.

Ш: Знаете, в большинстве те, кто становятся известными, делают менее религиозными. Это тенденция. У вас же это выглядит так - чем успешнее становилась ваша семья, тем более верующей становились вы. Вы крепче держались веры.

К: О да. Для меня нет ничего во всей этой суете. Я горжусь своими детьми, тем, что они делают, у них есть талант заниматься этим. Но что-либо ещё, происходящее в этом мире, для меня не существует. Поскольку это Дьявол... и вы можете не верить мне...

Ш: О, пожалуйста, говорите открыто!

К: Мммм....

Ш: В моей вере есть вещи, с которыми вы тоже не согласитесь *(Оба смеются)*.

Ш: Однако мы с вами оба верующие люди.

К: Ну, я верю, что Дьявол господствует над системой. Причина, по которой я так считаю... Новости, что мы слушаем, плохие вести... люди в общей массе совершают сумасбродные поступки. В Библии говорится о детях последнего времени. О детях, которые непочтительны, которые любят деньги больше, чем Бога, о том, как дети не чтят своих родителей, а родители не уважают своих детей. Ведь именно это и происходит. Вы не находите?

Ш: Абсолютно согласен. Именно поэтому вам следует придти завтра вечером [присоединиться к лекции, которую Майкл и я произнесём в Карнеги Холл]. Это будет большим ударом по сторонникам Дьявола. Вам действительно стоило бы прийти. Я не мог бы согласиться в большей степени. Вот что притягивает меня в Майкле, и вам следует посетить ту речь, которую он произнесёт завтра [*Речь на День Святого Валентина в 2001 году в Карнеги Холл, Нью-Йорк, в рамках выступлений для фонда Heal the kids. - прим. перевод.*]. Как трогательно он расскажет о том, как нынче уже никто не устраивает семейных ужинов со своими детьми, и как исчезает традиция читать своему ребёнку сказку на ночь. И всякий раз, когда вновь случается стрельба в школах, он звонит мне, когда он сам в Калифорнии, а я в Нью-Джерси. И он спрашивает: «Ты слышал? Застрелен ещё один ребёнок». Теперь в Америке: «О, снова убит ребёнок». Другой перевернул бы страницу и приступил к другой истории. Но Майкл плачет.

К: Ммм... Да, это Майкл.

Ш: На мой день рождения мы привезли в гости ребёнка, который смотрит на нас с плаката государственной поддержки больных лейкемией. Майкл пришёл на вечеринку в честь моего дня рождения и она, эта маленькая девочка семи лет, села рядом с ним. И когда её мама рассказала ему её историю - Майкл плакал словно дитя. Это было просто невероятно. Вы такая же?

К: Да.

Ш: Значит, он всё-таки больше похож на вас. В смысле, если я хочу понять его - я должен понять вас.

К: Ага, ммм. Я ненавижу это в себе и Джанет тоже (*Смеётся*).

Ш: Майкл рассказывал о вас - вы не умеете отказывать. Люди просят вас о чём-то, и вы не можете сказать "нет" (*Смеётся*).

К: Ммм, мне это трудно. А он такой же, как я, и я говорю ему, что надо учиться отказывать.

Ш: Это исходит от ваших родителей? Они были очень добрыми людьми?

К: Ммм, да. Особенно моя мать. Мой отец тоже.

Ш: И вы передали эту традицию своим детям. Доброта - это самая важная вещь на свете.

К: Да, так я ощущаю. Бывает порой, что ты беден и тебе нечего больше дать - отдавай свою любовь, отдавай частичку себя. Что бы у тебя ни было, так всегда поступают бедняки. Когда я росла - они всегда приглашали людей разделить с ними пищу, это всё что у них было, понимаете.

Ш: Относятся ли к вам в вашей церкви как-то по-другому, поскольку вы мать Джексон?

К: О, нет, нет, нет, нет.

Ш: Вам нравится тот факт, что там вы можете быть самой собой?

К: Да, мне нравится это. Там я могу быть собой. В нашей общине есть девушка, она всегда садиться рядом со мной и моими друзьями. Она всё время ездила в турне вместе с Дайаной Росс. И она... *(пауза на плёнке)* её имя Линда Лоуренс. Знаете, им пришлось отменить их турне, но она всё же поехала гастролировать с Дайаной Росс, заняв место Мэри *[Кэтрин говорит о Мэри Уилсон и Линде Лоуренс, бывших в своё время солистками The Supremes - прим. переводчика]*. И она гастролировала как "Supreme" *[участница группы - прим. перевод.]*. Знаете, в церкви были многие до Дайаны и о ней судили так же. Моя дочка тоже в общине и к ней тоже относятся так же хорошо.

Ш: Которая? Ребби?

К: Ребби.

Ш: Она тоже живёт... Она живёт рядом с вами?

К: Раньше жила. Теперь живёт в Лас-Вегасе.

Ш: Я хочу так же задать вам ещё один вопрос. Я выключу запись, если хотите. Но у Майкла были мучительные, совершенно мучительные отношения со своим отцом. И это не новость. Я имею в виду, что это известно, как вы знаете, из интервью и прочее.

К: Ага.

Ш: Вы наверняка знаете, что... Я не знаю, как много он рассказывал о своём отце публично, но одна из известных историй, которую он рассказал, была о том, что когда его отец входил в комнату - он чувствовал себя, словно его сейчас вырвет, поскольку он так его боялся. Вы помните это?

К: Я знаю! Да, я помню, что он говорил такое. Он говорил мне, когда я собиралась в дорогу, чтобы приехать к нему, он всегда просил: "Не бери Джозефа с собой!" Я спрашивала: "Почему?" И он говорил: "Я без преувеличения..."

Ш: Я могу выключить диктофон, если вы хотите.

К: Да. Выключите, пожалуйста?

Ш: Конечно.

Часть 5. Существует ли идеальная женщина?

Глава 31. Отношения и девушки, которые хотели быть с ним.

Люди кажутся одержимыми вопросом о Майкле и женщинах. Был ли он гетеросексуальным? Были его браки настоящими? Или асексуальными? Я бы никогда не посмел задать ему эти вопросы. Как никогда бы не посмел задать их любому другому человеку. Все заслуживают уединения. На самом деле, в наших разговорах я поднимал только вопросы, которые смогли бы принести улучшение. Майкл и я много раз обсуждали его брак с Дебби Роу, потому что я считал ужасным, не говоря уже о необоснованности, то, что она не имела никакого взаимодействия с Пэрис и Принсом - ее двумя детьми. Это было постоянной точкой разногласия между Майклом и мной. Он мне, в общем, сказал, что я не понимаю природу его отношений с Дебби и что для Принса и Пэрис будет лучше не иметь никаких отношений с матерью, которую они никогда не знали. Когда их спрашивали - Принс и Пэрис просто говорили, что у них нет мам. Я отвечал, что отношение с матерью не является роскошью, без которой человек может прожить. Это абсолютная необходимость. Я также сказал Майклу, что он теряет время, потому что, когда дети подрастут - они будут сильно осуждать их обоих, его и Дебби, по поводу отсутствия матери в их жизни, особенно если учесть, что она жила в нескольких часах езды. Дети будут знать, что их не аист принес. Они будут спрашивать о матери. Конечно, я бы никогда не рассказал об этом, если бы сама Дебби не пришла на телевидение в этом странном ответе Майкла Джексона на документальный фильм Мартина Башира и не сказала, что она родила детей для Майкла, и что ее отсутствие в их жизни никого не касается. Кто-то может поспорить, что благополучие детей касается любого, и что она должна стать частью жизни ее прекрасных детей, вне зависимости от того, какое у них было с Майклом соглашение.

Говоря о любви и свиданиях, я постоянно пытался обращать внимание Майкла на то, как важно быть в отношениях, говоря ему о том, каким существенным было бы присутствие женщины в его жизни. Я говорил, что хорошая женщина была бы основой для него, уравновесила бы его, и он бы смог осесть. Интересно, что он никогда не пытался изменить тему, а вместо этого говорил, что она должна быть той самой. Я уже упоминал раньше, что когда я привел Кэти Коурик, которую я знаю из своих появлений на Today Show, познакомиться с Майклом, он был настолько впечатлен, что, когда она ушла, сказал мне: "Ты постоянно достаешь меня тем, что мне необходимо встречаться с девушками. Вот эту женщину я бы пригласил на свидание". Ну что, перчатка была брошена. Я уже писал в своих книгах, что наивысшей добротой, которую один человек может проявить к другому, это покончить с его одиночеством. Даже Бог был сватом для Адама и Евы. Поэтому, хотя я знал, что это может показаться

смешным, я позвонил Кэти домой. "Я знаю, что это может прозвучать как сумасшествие, - сказал я, - но ты упомянула, что овдовела, о чем я очень сожалею. На встрече с Майклом, в общем, он хотел бы узнать, не пожелала бы ты сходить с нами куда-нибудь на чашку кофе". Кэти засмеялась и сказала: "Я вижу, Шмули, что ты не читаешь бульварной прессы. Вообще-то, в моей жизни уже есть хороший мужчина". Мне стало неудобно. "Хорошо, Кэти, пока я пытаюсь прийти в себя после того, что я сморозил, можно мне выразить то, насколько я счастлив, что у тебя в жизни появился хороший человек, и почему бы нам в этом случае не сходить куда-нибудь впятером? Ты, твой мужчина, я, моя жена и Майкл можем все куда-нибудь сходить попить кофе". Кэти сказала, что это было бы замечательно и на этом все закончилось.

Но тем, кому интересно, имел ли Майкл подлинный интерес к женищинам, все, что я могу сказать это то, что когда мы обсуждали его необходимость жениться, он определенно никогда не говорил: "Не говори глупости". И если он мне что-то отвечал, так это было его опасение, что женищины хотели только его деньги и что те женищины, которых он встречал, не были настоящими леди. Действительно, когда Майкл давал речь в Корнеги Холле на вечере, который мы организовали для поддержки идеи о том, что родители должны проводить больше времени с детьми, он даже отметил в части своей речи следующее: "Шмули пытался поженить меня уже некоторое время". И в то время как большая часть наших разговоров с Майклом по поводу романтической любви были не для записи, был один вечер, когда он мне ответил на некоторые вопросы для будущей книги.

Ш.: Ты знаешь, что дети всегда играют в свадьбу. Рассказывают, что влюбились в кого-то в классе. Дети кажутся романтическими от природы. Был ли ты романтическим?

М.: Не специально, но и неромантическим, думаю, не был. Просто будь собой.

Ш.: Дети постоянно по-детски влюбляются друг в друга. Передают записочки в классе.

М.: Я думаю, это очень прелестно и мило.

Ш.: Любишь ли ты создавать любовь? Заниматься сватовством?

М.: Нет, я этим не занимаюсь. Я слишком застенчив, чтобы этим заниматься. Я очень похож на свою мать. Мы раньше спрашивали ее: "Ты целуешься с Джозефом?" Она отвечала: "Не спрашивайте меня об этом". Мы говорили: "Мама, ты его целуешь?" Она в ответ: "Я не хочу об этом говорить". Мы говорили: "Ну, как ты его встретила? Кто кому сделал предложение?" Она говорила: "Я не хочу об этом говорить".

Ш.: То есть тебя воспитали так, что нужно быть стеснительным и сдержанным в вещах, касающихся любви и романтики?

М.: Да, мы об этом не говорим.

Ш.: Ты был женат два раза, Майкл. Веришь ли ты до сих пор в романтику или у тебя был плохой опыт в этой сфере, и поэтому тебе сложнее в нее верить?

М.: Нет, я в нее верю, но я стеснителен в этом смысле. Никто из нас не пригласил наших родителей на наши свадьбы. Мы в это не верили. Мы слишком застенчивы. Я бы не посмел и через тысячу лет пригласить маму на мою свадьбу. Я бы не смог заставить себя идти к алтарю, когда мать находится неподалеку. Поэтому мы все сбегали и тайно женились, и наша мать читала об этом в газетах, и она не возражает. Потому что мы такие же, как она. Она бы сделала то же самое.

Ш.: Таким образом, любовь это то, что держат в глубокой тайне?

М.: Это как бы личное, сентиментальное.

Ш.: И сентиментальные вещи всегда не подлежат огласке?

М.: Да.

Ш.: Я тоже верю, что романтическая любовь процветает через тайну и сокрытие. Но нельзя заходить слишком далеко. Родители определенно должны быть на твоей свадьбе. Таким образом, романтика - это то, во что ты веришь, но был научен быть осторожным в этом вопросе?

М.: Я застенчив. Я не знаю, насколько я хорош в любви, потому что я робок. В этом смысле я не такой, как многие. Я слышал, как парни могут быть очень поэтичными с девушками: "О, малышка, то да сё". Я не такой. Я не развожу разговоров и говорю все просто.

Ш.: Тогда что же ты делаешь, когда в клипах тебе нужно изображать влюбленность, играть любовные сцены и тому подобное?

М.: Вот почему частью моей работы является выбор девушки, потому что думать, что они милые - есть моя обязанность. Таким образом, я могу все сыграть, если они мне действительно нравятся. Как некоторые девушки, которых вы видите в клипах. Я выбрал их потому, что они мне действительно нравились, но после это стало проблемой, потому что я начал им по-настоящему нравиться, а я не хочу, чтобы это становилось серьезным. И это становится иногда проблемой.

Ш.: С тобой это, наверно, происходит постоянно не только потому, что ты известный, но и потому, что ты такой тип мужчины, к которому девушки тянутся - мягкий, нежный, не боишься выражать свои эмоции. Женщины обожают мужчин, которые не боятся показать свою ранимость и мягкость, тогда как большая часть мужчин в Голливуде обычно эгоистичны, поглощены собой и не любят обязательств. Таким образом, часто ли случается, что женщины становятся такими навязчивыми?

М.: В каком смысле?

Ш.: Как ты сказал, когда отношения должны быть рабочими. Ты снимаешь что-то с другой звездой женского пола, а после того они привязываются к тебе.

М.: Да, такое случается.

Ш.: Как ты доводишь до их сведения, что ты не отвечаешь им взаимностью?

М.: Когда они видят, что я бегу в противоположном направлении. Да. Некоторые из них следуют за мной по всему миру и это очень тяжело.

Ш.: Это, наверное, заставляет их еще больше гнаться за тобой, потому что их привлекает эта мальчишеская застенчивость. Определенно, многие женщины любят "плохих" парней. Но по какой-то причине, многие из них же любят застенчивых парней. Так же, как они верят в то, что могут исправить плохого парня и отшлифовать необработанный бриллиант - они верят, что смогут сделать то же самое с застенчивым парнем. Они думают: "Только я смогу его изменить". Однако, я думаю, через некоторое время, когда ты бежишь от них на другой конец света, они все начинают понимать сами. Но ты никогда не говоришь им прямо в лицо?

М.: Нет, потому что им будет слишком больно это слышать.

Глава 32. Влюбленности и детская любовь

Ш.: Что хотела от тебя вчера Синди Кроуфорд?

М.: Я видел Синди издали несколько раз, она была с другими людьми, и мы с ней виделись на каких-то приемах... издали. Я думаю, она решила, что это ее шанс действительно со мной познакомиться. Она, наверно, восхищается мной. Многие так подходят. То, что ты видел, не было ничем особенным.

Ш.: Ты видел, чтобы другие знаменитости вели себя так - как стая собак, гонящихся за кем-то, кто более известен? Это так унижительно.

М.: Да! Это хуже.

Ш.: О чем ты с ней говорил?

М.: (*имитирует Кроуфорд*) "Как Ваши дела?" Я говорю: "У меня все хорошо." "О, Вы уверены, что у Вас все хорошо? О, я просто обожаю ваши работы. Сколько вы еще будете в городе?" Я сказал: "Я работаю здесь. Я записываюсь".

Ш.: Ты думаешь, там был романтический интерес?

М.: Даааа, как-то так думается.

Ш.: Она тебя пригласила на свидание?

М.: Такие девушки флиртуют... они флиртуют. Она красивая.

Ш.: Это было вопиюще. Банкир, который сидел с нами за столом, сказал мне: "Синди Кроуфорд, когда она прямо перед тобой - просто еще одна девчонка". Я сказал: "Но что она здесь делает?"

М.: Ты видел, как Дональд Трамп подошел?

Ш.: Вот он интересный человек.

М.: Женщиной, которая мне очень нравилась и которую я уважал, была принцесса Диана.

Ш.: Почему?

М.: Потому что у нее был класс, и она искренне заботилась о людях, о том что происходило во всем мире. Она не делала это для показухи. Мне нравилось, как она заставляла своих детей ждать в очереди, чтобы покататься на каруселях и все такое.

Леди Диана

Ш.: Можем ли мы сказать, что между вами был маленький намек на невинное романтическое притяжение? Или ты предпочел бы этого не говорить? Просто хочешь сказать, что она была очень особенной женщиной?

М.: Я думаю - она была очень особенной.

Ш.: Была ли она женственной?

М.: Очень женственной и с классом. Она была определенно моим типом, и мне большинство девушек не нравятся. Существуют только несколько, которые мне приходятся по душе. Меня очень сложно сделать счастливым, а она была одной из тех, кто мог. Определенно.

Ш: Потому что она любила детей?

М.: Очень сложно найти свое зеркальное отражение... зеркальное отражение. Люди говорят, что противоположности притягиваются, и я думаю - это тоже правда. Но я хочу кого-то, кто очень похож на меня, у кого такие же интересы и кто хочет помочь, и они должны ходить по больницам со мной и заботиться о Гевине [*последний обвинитель Майкла*]. Поэтому вы видели меня с Лизой Марией, занимающихся именно этим. Она тоже уделяла внимание подобным вещам.

Ш: Думал ли ты когда-нибудь о том, чтобы позвать принцессу Диану на свидание?

М.: Абсолютно.

Ш: Так почему же ты не осмелился спросить?

М.: Я никогда первым не приглашал девушек на свидание в своей жизни. Они должны были звать меня.

Ш.: Правда?

М.: Я не могу звать девушек на свидание.

Ш: А если бы она тебя попросила пойти с ней куда-нибудь?

М.: Абсолютно. Я бы пошел. Брук Шилдз звала меня на свидание каждый раз, когда вы видели нас вместе на публике. Это была ее идея - куда-то пойти каждый раз. Мне Брук Шилдз тоже искренне нравилась. Мне она очень нравилась.

Ш.:Ей нравятся дети?

Майкл и Татум О'Нил

М...: Да. Моей первой девушкой была Татум О'Нил, она получила Оскар за Рарег Мооп... Мне было 16, ей было 13. И я был наивным. Она хотела делать все, а я не хотел секса вообще, потому что у Свидетелей Иеговы много ценностей, связанных с этим. Я сказал: "Ты сошла с ума?" Одной из ценностей также было быть добрым ко всем. Когда я держал Татум за руку - это было как волшебство, лучше всего, лучше поцелуев, всего. Она, Райен О'Нил и я пошли в клуб, и пока мы слушали группу, под столом она держала меня за руку, и я таял. Это было волшебство. Как взрыв фейерверков. Это было все, что мне нужно. Но это сейчас ничего не значит для детей. Она очень быстро выросла. Ей не нравилось быть невинной, а это как раз то, что я люблю. А вот Брук Шилдз - она была тоже любовью моей жизни. Мы долго встречались. Все мои стены и зеркала были обклеены ее фотографиями. Я был на вручении Оскара с Дайаной Росс, и она просто подошла ко мне и сказала: "Привет, я - Брук Шилдз. Ты собираешься остаться на вечеринку после вручения?" Я сказал:

"Да", и просто растаял. Мне было где-то 23... Во время Off the wall. Я подумал: "Знает ли она, что ее фотографиями обклеена вся моя комната?" Так что мы остались на вечеринку и она говорит: "Хочешь потанцевать со мной?" И мы пошли танцевать. Мы обменялись номерами телефонов, и я не мог заснуть всю ночь, вертевшись по комнате от счастья. В ней чувствовался класс. У нас с ней был один случай, когда мы были очень близки, но я струсил. И зря. Лиза... Мы до сих пор друзья, но она все где-то бегает. Она только что поменяла номер телефона, а у нас нет еще нового.

Ш: Можешь ли ты сразу разглядеть невинность?

М.: Сразу же, хотя я нахожу, что это сделать с женщинами сложнее, потому что они очень искусны. Но с мужчинами я обычно могу сказать, потому что они более открыты, они как щенки, когда девушки больше как кошки. Знаешь, как бывает - ты был в отпуске и пришел домой, и щенок прямо в восторге, когда кошка больше: "Хей, ты мне не нужен. Сам подойди и возьми меня на руки". Они встают в позу. Они пройдут прямо мимо тебя, хотя не видели тебя 3 месяца. Женщины очень умны. Уолт Дисней постоянно говорил, что они умнее мужчин и всегда нанимал больше женщин.

Глава 33. Размышления об идеальной женщине.

Ш: Тот же принцип о том, что все должно быть в меру. Посоветовал ли бы ты женщинам придерживаться этого принципа в отношениях с мужчинами? Сказал ли бы ты сегодня людям, которые быстро наскучивают друг другу: "Знаете, пятьдесят процентов браков заканчиваются разводами, и отчасти это потому, что жены и мужья просто устают друг от друга. Они утомляются и им становится скучно". Сказал ли бы ты, что если бы в жизни было больше тайны, если бы они научились сдерживаться и оставили бы больше места для новых открытий - их отношения были бы более интересными?

М.: Да, да. Я думаю, что отъезды хороши в этом плане. Как говорится: "Разлука укрепляет отношения". Я всецело в это верю. Расставания очень важны. Я не понимаю, как люди могут быть вместе целый день и быть в прекрасных отношениях. Я думаю, что это очень мило и прекрасно...

Ш: Встречал ли ты такие браки?

М.: Я встречал пары, да. Я не знаю, как они это делают. Потому что им приходится столько всего придумывать.

Ш: Таким образом, женщины, с которыми ты встречался, которые были достаточно умны, чтобы не вешаться тебе на шею - относились ли они к тому типу, в которых ты был заинтересован больше, которые не были легкодоступными и за которыми тебе самому приходилось побегать?

М.: Они были с классом и спокойными, не любили все эти сексуальные штуки и все это сумасшествие, потому что я сам этого не люблю.

Ш: Такие женщины тебе нравятся больше?

М.: Ага. Я не понимаю многого, что происходит в отношениях между людьми, и не знаю, пойму ли когда-нибудь. Думаю, что это и мешало мне в моих отношениях, потому что я не понимаю, как люди делают то, что делают.

Ш: Непристойные вещи?

М.: Непристойные и пошлые вещи с их телами. Я этого не понимаю, это мешает мне в моих отношениях.

Ш: Таким образом, твоя любовь непорочна?

М.: Очень непорочна. Некоторые вещи меня просто шокировали.

Ш: Что же ты увидел в Диане - тот тип женщины, ее чувство собственного достоинства, ту невинность? Часто ли ты видишь людей, которые умеют держать себя по-королевски?

М.: Нет, это редкость, но именно это я люблю. Я думаю, что она искренне заботилась о человеческих чувствах и действительно пыталась сделать мир лучше. Я правда верю, что ее сердце болело за других людей. Это можно видеть на некоторых фотографиях, на которых она дотрагивается до личиков младенцев, где они сидят на ее коленях, а она их держит. Это не притворство. Это видно. Когда смотришь, как выходит королева, у нее на руках перчатки, и она машет издали, то можно увидеть искренность. Это видно. Когда люди подтверждают свои слова делом, заходят в хижины, заглядывают в канавы, сидят с другими людьми и спят там, где те люди спят. Вот что важно и что я сам делаю. Помнишь, ты как-то упомянул, что видел фотографию со мной в хижине в Китае, в хижине какой-то женщины? Я туда захожу и дотрагиваюсь до этих людей и наблюдаю за ними.

Ш.: Когда ты на деловой встрече, можешь ли ты отличить, кто прагматичный бизнесмен, для которого важна только суть дела - он будет манипулировать, обманывать, пойдет по головам - от тех, кто искренен, кто не так испорчен, с кем бы ты хотел иметь дело? Можешь ли ты сразу сказать? Или наоборот, ты смотришь на все детскими глазами и можешь найти добро в любом человеке, и это причина тому, что иногда ты подписывал контракты с не самыми хорошими людьми?

М.: Это тоже правда. Одно не исключает другого, однако можно заметить и почувствовать что-то такое в другом. В Лос-Анджелесе живет один человек, который работает в магазине по продаже виниловых пластинок, и ему должно быть как минимум лет 50, но у него душа 12-летнего мальчика. Я всегда пристально всматриваюсь в него, а он не может отвести глаз от меня, и все происходит как бы телепатически. Он разговаривает как ребенок, двигает глазами, как ребенок. Я говорю себе: "Это так интересно". Я бы хотел узнать его поближе, узнать, что же это в нем такое. Я серьезно. Это потрясающе. Я это чувствую. Я, конечно, сразу же чувствую подобное в детях. Могу легко распознать, и дети видят это в других.

Ш.: Это почти как облегчение. Есть кто-то, кто тебя понимает?

М.: Да. Их глаза загораются, когда ты к нимходишь, они хотят играть и все чувствуют.

Ш.: Майкл, ты никогда не встречал подобной женщины, которая любила бы те же вещи, которая бы играла с тобой в прятки или стреляла в тебя из водяного пистолета?

М.: Пока нет. Те, с которыми я был, ревнуют к детям. Все до одной. Они ревнуют к их собственным детям и начинают с ними соревноваться. Это меня сильно раздражает.

Ш.: Теоретически, если ты был бы Адамом в Райском саду, и ты бы так нашел свою Еву - стала бы она твоей идеальной женщиной?

М...: Абсолютно. Я еще ее не нашел [женщин, которые хотели с ним играть]... Я думаю, что парни более склонны дурачиться. Даже когда они намного старше, когда им за тридцать, женщина заходит и говорит: "Что ты делаешь? Перестань! С ума сошел?" А парень ответит: "Что? Мы всего лишь развлекаемся".

Ш.: Женщины словно считают, что если они будут вести себя так, то это признак незрелости, разве нет?

М...: Да, но если заглянуть в историю, будет сложно найти настоящих серийных убийц, которыми были бы женщины.

Ш.: Да, но они не играют так, как парни играют.

М...: Знаю, что не играют.

Ш.: Даже в раннем возрасте они играют в кукол, и они пытаются поженить Барби и Кена. Другими словами, типичным является то, что, если мальчики будут кидаться друг в друга пожеванными бумажками, то девочки скажут: "Прекратите". Даже в этом возрасте они хотят быть старше. Это почти противоречит их полу. Встречал ли ты когда-нибудь девочек, которые любили бы розыгрыши так же, как и ты? Находил ли ты в своей жизни женщину, которая бы коллекционировала комиксы?

М...: Это редкость. Если бы я нашел такую женщину - я бы с ума сошел от счастья. Особенно если она будет обладать всеми теми качествами и будет красива внутри. Это была бы для меня абсолютная победа. Поэтому парням нужно их время. Чтобы заниматься чем-то подобным.

Ш.: Если говорить о матерях и отцах - матери помогают своим детям делать уроки и больше занимаются воспитанием. В то время, как грубоватые игры - это то, чем занимаются отцы. Они выходят во двор, пачкаются, борются, строят замки с детьми в песочнице. Разве это не интересно? Это приводит к некоторому несоответствию. Напротив, в школе именно девочки насмеваются над несерьезным поведением мальчиков. "Только посмотрите на этих мальчишек. Посмотрите на то, как они себя ведут". Может быть, женщин нужно учить искусству игривости, так же как и мужчин?

М...: Думаешь, в них это заложено биологически? Биологически, как порода, думаешь, женщины просто существа другого вида?

Ш.: Они определенно другие, но вот вопрос: "Почему они не хотят играть?" Вот что смешно - их игрой является флирт. Другими словами, если ты бегаешь за ними по комнате и между вами есть что-то романтическое, то они будут убегать от тебя, смеяться и хихикать. Но это только, если есть влюбленность. Они не бегают друг за другом. Невозможно увидеть двух девушек, бегающих по комнате, играющих в прятки или борющихся друг с другом так, как они бы это вдруг сразу

сделали, если ли бы перед ними был их молодой человек. Многие фанатки-женщины, которым ты интересен, сделали бы все перечисленное, только чтобы сделать тебя счастливым. Но будет сложно определить, делают ли они это потому, что им самим нравится. Кажется, что только влюбленность делает женщин игривыми. Но потом, иногда мужчинам это надоедает, потому что женщины как бы дразнят их, и они начинают понимать, что у женщин есть власть над ними через все эти игры, в которые они играют. Мне необходимо найти четыре или пять женщин, подходящие для первой главы, которые были бы очень успешными, но все же сохранили в себе детские качества, но пока нам нужно найти одну. Когда ты думаешь о Билле Клинтоне, думаешь ли ты о нем, как о довольно игривом человеке? Он ходит в МакДональдс и бегает по утрам и...

Билл Клинтон

М.: Ездит на велосипеде в Белом Доме. Ты это видел? Он ездил на велосипеде по Белому дому, чтобы успеть на следующую встречу. Очень хорошая фотография в Vanity Fair. Можешь ли ты представить Хиллари, делающей что-то подобное? Неа, и в тысячу лет. Я могу представить только маленьких девочек, которые бы присоединились поиграть. Мальчиковатых девочек.

Ш.: Хорошо, но это когда они девочки. Когда они вырастают, играют ли они с таким же размахом?

М.: Думаешь, в них по природе заложено, что они могут быть только теми, кто они есть, и быть более здравомыслящими, спокойными?

Ш.: То, чего женщины, кажется, ждут больше всего - это влюбленность. Они не хотят играть, так же, как мы. Но в тот момент, когда они влюбляются, в них просыпается игривость.

М.: Мне необходимо играть.

Ш.: Существует ли разница между тем, как поклонники-мужчины и поклонницы-женщины относятся к тебе?

М.: Иногда. Но я нахожу, что на сегодняшний день, и это правда - парни сильно меняются, и я наблюдал за этим на протяжении всей моей карьеры. Парни кричат с тем же бешеным фанатизмом, что и девушки, во многих странах. Им не стыдно. Они трясутся: "Я тебя люблю". Есть парни, которые преследуют нас повсюду.

Ш.: Но фанатки именно девушки.

М.: Да, они преданны, женщины. Они показали свою преданность. Они активистки. Они бы подрались с тобой из-за меня.

Глава 34. Материнские образы

Ш.: Находишь ли ты, что тебе легче быть близким с женщинами, в которых ты видишь материнские черты, такими как Элизабет Тейлор, твоя собственная мать, о которой ты всегда отзываешься в самых восторженных тонах, или твоя сестра Джанет? Думаешь ли ты, что женщины больше похожи на детей, чем мужчины? Мягче ли они, добрее ли, не так ли конкурентны? Ты так же был в окружении некоторых не самых приятных женщин, которые вели себя в мужеподобной, агрессивной манере - таких как Мадонна. Ты говорил мне, что Мадонна может быть очень недоброжелательной. Это характерно для всех женщин или ты чувствуешь, что в ней есть некое мужское начало? Считаешь ли ты, что тебе легче общаться с женщинами?

М.: В каком-то смысле "да", в каком-то смысле - "нет". Зависит от возраста. Я знал женщин, которые были ожесточенными и недоброжелательными, но со временем стали ледами. Они нашли себя и стали хорошими людьми. Я видел это в бывших женах моих братьев, которые были просто невыносимы. Они были кошмарны в молодости. Со временем и возрастом они стали хорошими людьми. Но было время, когда они были просто невыносимы. Потом, со временем, они успокоились. Мне очень нравится, когда люди становятся поистине хорошими.

Ш.: Но интуитивно находишь ли ты, что с женщинами легче ужиться? Мягче ли они, чем мужчины? В том смысле, что я лично, должен признаться, нахожу женщин более обходительными, более утонченными, обладающими большим великодушием.

М.: Я пытаюсь быть с тобой предельно честным.

Ш.: Однако, большинство твоих друзей кажется женщины.

М.: Женщины мягче мужчин. Да, это правда.

Ш.: Думаешь, мальчик-звезда может быть таким же очаровательным, какой была, к примеру, Ширли Темпл, когда была маленькой?

М.: Да, но у него не было бы такого же... В Ширли Темпл просто было что-то, что не могло не доставлять счастье и вызывать улыбку.

Ш.: Покровительствуешь ли ты Пэрис больше потому, что она девочка?

М.: Пэрис иногда может быть намного независимее. Принс не может постоять за себя. Люди им помыкают, а он просто не может постоять за себя. Пэрис не будет

ничего такого терпеть. Она ответит. Она стойкая, очень стойкая. Правда. Принс в то же время будет позволять людям пользоваться собой и ничего не скажет.

Ш.: Он больше похож на своего отца, на тебя.

М.: Я был таким же. Моя мать постоянно твердила: "Не позволяй людям делать тебе больно. Ты слишком похож на меня". Она взывала: "Ты слишком похож на меня. Я не хочу этого. Мне слишком часто бывает больно". Потому что люди пользуются тобой.

Ш.: Но ты так и не изменился. Кажется, что ты бы предпочел, чтобы люди пользовались тобой вместо того, чтобы самому кем-то воспользоваться. Больно, когда тобой пользуются. Однако не настолько, насколько было бы больно превратиться в злого и агрессивного человека. Озлобленность - это форма морального разложения, она не позволяет человеку быть счастливым. Заметь, что злые люди никогда не выглядят счастливыми. Они несчастны и они хотят сделать окружающих такими же.

М.: Да, я бы предпочел страдать. Мне неприятно это признавать, потому что я много страдал в жизни из-за этого. Боже, как я страдал. Но я бы предпочел страдать.

Ш.: Ты видел неприглядную сторону человеческой натуры.

М.: Я видел худшее из худшего... ужас человеческого бытия, человеческой души. И в жизни бы не подумал, что обычный человек может до такого докатиться.

Ш.: Дети никогда тебя так не подводили, Майкл. Ты никогда не видел их темную сторону? За исключением тех случаев, когда на них воздействовали родители.

М.: За исключением тех моментов, когда дети собираются группой и дразнят друг друга только для того, чтобы впечатлить своим плохим воспитанием. Если бы у меня была возможность вырастить детей, о деяниях которых мы слышим по телевизору - они были бы абсолютно другими. Им даже в голову бы не пришло что-либо такое сделать. Если бы я вырос на Ямайке - у меня был бы другой акцент. Если бы я родился в Англии, я бы... Все дело в окружающей среде. Но генетика тоже играет свою роль, так же как и обучение, и объятия, и прикосновения, и заглядывание в глаза ребенку со словами: "Я тебя люблю, ты мне нужен, ты здесь, потому что я тебя люблю. Я купил тебе это, потому что я тебя люблю". Так же, как я говорю Принсу и Пэрис: "Знаете, почему я вам это купил?", и они отвечают: "Потому что ты нас любишь". И я говорю: "Да, именно поэтому я вам это и купил". Им необходимо это знать. Жаль, что мне в детстве не приходилось слышать подобное достаточно часто. Моя мать замечательная. Она святая. Она самая настоящая святая.

Часть 6. Романтические отношения и боль.

Глава 35. Женщины и доверие - Лиза Мария Пресли и жены его братьев.

Ш.: Как ты относишься к мужчинам, которые неверны своим женам?

М.: Я не думаю, что это хорошо. Но я могу их понять. Я знаю, что это странный ответ.

Ш.: В тебя как в суперзвезду женщины влюбляются постоянно, поэтому ты не судишь мужчин, которые изменяют, потому что ты иногда приписываешь это доступным женщинам?

М.: Я их не сужу, потому что женщины могут делать вещи, которые делают мужчин несчастными. Я видел это с моими братьями. Я видел, как мои братья рыдают, в слезах выдирают траву из газона от отчаяния, в которое их ввели их жены.

Ш.: Ты думаешь - большинство их жен были больше заинтересованы в их успехе, чем в них самих?

М.: Абсолютно. Они охотились за их деньгами. Поэтому я сказал себе, что я никогда не женюсь. Я продержался дольше всех. Я жил дома до двадцати семи, двадцати восьми.

Ш.: Было ли частью твоего притяжения к Лизе-Марии то, что у нее были свои деньги и слава, и тебе не нужно было волноваться из-за того, что она заинтересована в тебе по неправильным причинам?

М.: Абсолютно. И она не взяла ни копейки [после развода]. Она ничего не хотела. Она зарабатывает примерно миллион долларов в год от продажи вещей с Элвисом и у нее еще своя карьера. Она здесь не для того, чтобы брать.

Майкл всегда говорил с любовью и уважением о Лизе-Марии Пресли, за одним исключением, когда он рассказал мне, что она хотела, чтобы он вступил в церковь сайентологии и начала на него давить. Ему пришлось ей сказать, что у него нет никакого интереса в том, чтобы стать приверженцем этой церкви. Майкл не принимал сайентологию и говорил, что их практика из того, что он видел, не достаточно духовна и не была значимой для него.

Ш.: Таким образом, нет практически ни одной девушки в этом мире, на которой ты мог бы жениться, потому что даже богатые женщины хотят твое имя. Тебе нужен был

кто-то с деньгами и именем. Так что круг для тебя сократился до Пресли, Маккартни и кого-то подобного.

М.: Я знаю. Лиза была замечательной. Она была умничкой. Но меня очень трудно привязать к одному месту. Я не могу стоять на одном месте, поэтому я не знаю, могу ли я быть по-настоящему женатым все время.

Ш.: Ты хотел быть отцом ее детям?

М.: Да.

Ш.: Держишь ли ты связь с ее детьми?

М.: Да, и с ней.

Лиза-Мария, Майкл, Даниэль и Бенджамин (дети Лизы)

Ш.: Но брак слишком ограничивает?

М.: Да. Я не знаю, достаточно ли я обязателен в этом плане, потому что я такой перекаати-поле. У меня такая жизнь, что я постоянно в движении, а женщины этого не любят. Они хотят, чтобы ты осел на одном месте, но мне нужно движение. Бывало, что я нахожусь в том же городе, что и мой дом, но я регистрируюсь в отеле, просто для того, чтобы почувствовать, что я куда-то еду. А мой дом совсем рядом. Думаю, мне нужно двигаться, постоянно двигаться.

При входе в дом Майкла в Неверленде стоит большой чемодан, который постоянно запакован и готов к поездке. Таким же способом, как люди иногда покупают по две одинаковые вещи - одну для основного дома, а другую для загородного дома - у Майкла была своя версия подобного, только эти запасные вещи были большей частью в чемодане. Он объяснил мне, что он так много путешествует, что не видит смысла в запаковке и распаковке чемоданов. Вещи в этом чемодане никогда не распаковываются.

Ш.: Ты к этому привык. Это стиль твоей жизни.

М.: Я люблю находиться в движении, люблю.

Ш.: Меня впечатлило то, что куда бы ты не ехал, ты всегда берешь с собой своих детей. Так что ты путешествуешь, но в то же время весь твой дом как бы путешествует с тобой. И поэтому про Принса и Пэрис не скажешь, что они не устроены, ведь источник их безопасности всегда с ними. Но как насчет семей, у которых нет средств для этого, у большинства ведь их нет? У них нет возможности сделать так, чтобы их дети везде с ними летали. Бизнесмены, которые часто ездят в командировки, путешествуют эконом-классом, чтобы оплатить стоимость проезда, и они не могут взять своих детей с собой. Думаешь, им не стоит путешествовать?

М.: Мне очень жаль их детей. Мне очень их жаль. Я всегда спрашиваю пилотов и стюардесс, как они это делают? Дети страдают. Абсолютно. Они страдают.

Ш.: Ты бы этого не делал, если бы в результате страдали Принс и Пэрис? Ты путешествуешь, потому что ты можешь позволить себе взять их собой вне зависимости, где ты.

М.: Я бы не причинил бы им такую боль.

Ш.: Хотел ли бы ты найти им кого-то как Роуз Файн, кто смог бы в какой-то мере заменить им мать?

Роуз Файн была упомянута в наших предыдущих разговорах. Она была учителем Майкла и его братьев и сестер, второй матерью.

М.: Это было бы замечательно. Это было бы прелестно. Если человек абсолютно искренен, какой была мисс Файн, который читал бы им и прививал им правильные ценности, и учил бы их, что нет различий и мы все равны. Она раньше постоянно потирала мое лицо, а я раньше никак не мог понять почему. Она говорила, что у меня красивые руки. И я говорил: "Почему, разве не все руки одинаковые?". Но теперь я понимаю, что она имела в виду, потому что сейчас я делаю то же самое со своими детьми. Я потираю их лица точно так же, потому что они такие милые (*смеется*). Я никак не мог понять, почему она это делала. А потом ты вырастаешь и понимаешь, что это то, что делаешь, когда пытаешься выразить свою любовь, как бы говоришь: "Я тебя люблю".

На самом деле в жизни Принса и Пэрис была вторая мама в лице впечатляющей и нежной гувернантки Грейс - изысканной, высокоинтеллектуальной и очень преданной женщины из Руанды.

Глава 36. Испортившиеся отношения со знаменитостями - Мадонна и другие.

Я спросил Майкла о его отношениях с другими знаменитостями. Почему он с ними может установить лучшую связь, чем с незнаменитыми людьми?

М.: Да, но у меня, в общем, нет голливудских друзей. У меня только несколько.

Ш.: Почему нет? Почему ты не общаешься с большим количеством знаменитостей?

М.: Потому что я не думаю, что они все настоящие люди. Они любят свет софитов, и у меня нет ничего с ними общего. Они хотят ходить в клубы, а после этого сидеть и распивать алкоголь, курить марихуану и делать всякие сумасшедшие вещи, которые я бы не сделал. У нас нет ничего общего. Помнишь, что я тебе рассказывал? Мадонна заявила мне перед нашим выходом в свет: "Я не пойду в Диснейленд, понятно? Это не вариант". Я сказал: "Я тебя и не прошу идти в Диснейленд". Она сказала: "Мы пойдем в ресторан, а после пойдем в стриптиз-бар". Я сказал: "Я не пойду в стриптиз-бар". Там парни наряжаются в девушек! После этого она написала несколько нелицеприятных вещей обо мне в прессе, а я написал, что она мерзкая ведьма - и это после того, как я был так добр к ней. Я тебе уже говорил, что мы сидели за столом, кушали и несколько маленьких детей подошли: "О, боже мой, Майкл Джексон и Мадонна. Можно нам ваш автограф?" Она сказала: "Идите отсюда. Оставьте нас в покое". Я сказал: "Не смей никогда так с детьми разговаривать". Она сказала: "Заткнись". Я сказал: "Сама заткнись". Вот так мы и были. Потом мы сходили куда-то вместе еще раз и на церемонию вручения Оскара, и она нехороший человек. Я должен сказать. Она нехороший человек.

Ш.: Считали ли окружающие тебя люди важным, чтобы тебя видели с ней?

М.: Они об этом ничего не знали. Это было всецело между ней и мной.

Ш.: Так что, ты дал этому свой шанс - и из него ничего не вышло?

М.: Да, я дал ей шанс, как я пытаюсь дать шанс всему.

Ш.: В общем, ты увидел, что твои ценности не соответствуют ценностям большинства людей Голливуда.

М.: Нет. Они делают много сумасшедших вещей, которыми я не занимаюсь, и в то время, когда я был с Мадонной, она любила эти книжки - целая библиотека книжек с женщинами, прикованными к стенам. Она сказала: "Я люблю жесткое порно". С чего вдруг я захочу это видеть?

Ш.: Я думаю, многое из этого - имидж. Она однажды сказала что-то вроде того, что она скорее почитает хорошую книгу, чем займется сексом. Я думаю, что те вульгарные вещи являются частью ее скандального имиджа, который она пытается культивировать.

М.: Она врет [о том, что предпочтет почитать книжку]. Я не могу судить. Я не знаю, изменилась ли она или пытается сказать, что изменилась.

Ш.: Почему она говорит всякие гадости?

М.: Я думаю, она любит шокировать, и она знает как играть на чувствах людей. Я думаю, она была искренне влюблена в меня, а я не был влюблен в нее. Она делала много немыслимых вещей, и вот так все и было. Я знал, что у нас нет ничего общего. Но я почти уверен, что рождение детей не может не изменить человека. Я не знаю, насколько она изменилась. Я уверен, что она сейчас лучше, чем была.

Ш.: У нее сейчас двое детей.

М.: Да, я знаю. Как тебе понравится поднять трубку телефона и услышать от нее, что она засовывает палец себе между ног. Я говорил: "О, Мадонна, пожалуйста". Она сказала: "Я хочу, чтобы после того, как ты повесишь трубку, ты трогал себя и думал обо мне". Вот какие вещи она говорит. Правда. Когда я ее вижу, она говорит: "Это палец, которым я вчера пользовалась". Дикая, вне всякого контроля.

Майкл и Мадонна

Ш.: А тебя так вырастили, что все романтическое должно иметь определенную благопристойность... Ценности, на которых тебя растили, очень похожи на суть еврейских ценностей. Те вещи, которые Мадонна говорит, шокируют только сначала. Потом они быстро перерастают в банальность и становятся скучны. Поэтому ей приходится все больше и больше шокировать, только чтобы поддержать наш интерес в ней. Когда люди постоянно ходят с обнаженной грудью, ты перестаешь смотреть. Ты считаешь, что это - вульгарно?

М.: То, что она делает? Абсолютно. Она вообще несексуальна. Я думаю, сексуальность идет из сердца, из того, как ты себя подаешь.

Ш.: Случалось ли тебе когда-нибудь находить женщин более привлекательными именно из-за их скромности?

М.: Да. Я не люблю женщин, которые постоянно говорят: "Мне нужно покрасить ногти. Мне нужен педикюр. Мне нужен маникюр". Я это терпеть не могу. Мне больше нравится, когда девушки немного мальчиговатые. Когда они борются, лазают по деревьям... Я люблю такое. Это более сексуально для меня. Хотя, я люблю класс. Класс - это все.

Ш.: Если женщина ходит в блузках с глубоким вырезом...

М.. Фрэнк это любит...

Майкл указал на Фрэнка Касио, который сидел рядом с нами. Мы засмеялись.

Ш.: Мужчина может захотеть секса с такой женщиной. Но это не значит, что он захочет влюбиться в нее.

М.: Конечно, смотреть хочется. Я влюблен в невинность, и я постоянно говорю это Фрэнку.

Ш.: Встречал ли ты женщин, которые были бы так невинны, или в целом, ты бы сказал, что это поколение культивирует женщин, которые не невинны, которых не поощряют в том, чтобы сохранять их невинность?

М.: Жаль, что это не так.

Ш.: Знаменитые люди являются целью для людей, которые хотят жениться на них по неправильным причинам - из-за их состояния и имени. Но разве человек не знает, когда в нем заинтересованы из корыстных интересов?

М.: Не знает.

Ш.: Древняя раввинская пословица гласит, что слова, которые идут от сердца - пронизывают сердце. Что искренность не может быть подделана. Разве ты не можешь увидеть, когда кто-то притворяется или врет?

М.: Это очень трудно, потому что женщины сегодня могут хорошо притворяться. В смысле, очень хорошо притворяться. Они настолько искусны. Загляни в Библию. Женщины низвергли самых могущественных мужчин только из-за того, что у них между ног. Самсон - никто не мог отрезать его волосы, но он переспал с Далилой.

Ш.: Моника Левински и Билл Клинтон... Что никто не заметил, это то, что она его добивалась, что не извиняет Клинтона, но она тоже виновата.

М.: Разве не то же самое я сказал недавно? Одна женщина причинила столько горя президенту. Сколько одна женщина может сделать, чтобы создать президенту больше проблем? Посмотри, что она сделала. Поэтому мне не нравится Барбара Уолтерз, из-за того, что она многое из этого спровоцировала. Она показала это все по телевизору. Она хотела сегодня сюда прийти, но я отменил.

Я больше не люблю клубы. Я через все это прошел, когда мне было одиннадцать, восемь, и идя дальше - девять, восемь, семь, шесть лет. Начинаются драки, людей тошнит, орут, кричат, полицейские сирены. Наш отец никогда не разрешал нам быть частью всего этого, мы выступали и уходили. Но иногда между выступлениями ты находишь себя пойманным в этом сумасшествии. Я видел все. Женщина, которая выходила на сцену прямо перед нами, когда Джексоны были еще "маленькими": "А сейчас, The Little Jackson 5", - она была той самой женщиной, которая сняла всю свою одежду. Бросила трусики в зал и мужчины хватали их, нюхали. Я все это видел. Ее звали Роуз Мари, и она надевала такие штуки на грудь и двигала ими, и все показывала. Так что, когда мне исполнилось шестнадцать, семнадцать и парни говорили мне: "Пошли в клуб", я отвечал: "Вы сошли с ума?" А парни такие: "Нет, ты сошел с ума? Мы можем достать девчонок и алкоголь". Но я уже это все делал. Я это делал, когда был ребенком. Теперь я хочу быть частью мира и жизни, которой у меня не было. Возьмите меня в Диснейленд, возьмите меня туда, где чудеса.

Глава 37. Одиночество, желание иметь детей и сомнения Лизы Марии.

Ш.: Позволь спросить тебя об одиночестве. Куда бы ты не ездил, тебя, слава богу, сопровождают люди. Люди, которые были с тобой долгое время - Фрэнк и Скип [*Телохранитель Майкла в то время, очень приятный и порядочный человек из Нового Орлеана*]. Но это все равно не одно и то же как если бы у тебя была жена или кто-то типа этого. Тебе бывает одиноко? Или столько всего происходит в твоей жизни, что этого не случается?

М.: В смысле одиноко без жены? Или подруги? В этом смысле?

Ш.: Да.

М.: Я прошел через два тяжелых развода и я только что выбрался из второго. Даже когда был женат на этих женщинах, на которых я был женат, я шел спать с болью. Мне было больно. Я плакал прошлой ночью перед сном и плохо спал. И я плакал, Шмули, потому что я чувствовал то... и я не пытаюсь, я говорю тебе правду, и если ты не веришь, спроси Фрэнка. Фрэнк знал, как мне было больно. Я просто чувствовал все горе детей, которые страдают, и мне было очень больно. Поэтому я пытался помочь любому ребенку, которого я знаю и которому больно от [*Майкл упоминает имя девочки, которая борется с раком и чью семью мы встретили в моем доме*] до Гевина [*последний обвинитель Майкла*]. Я пытался будто звонить, набирать номер телефона и я проснулся и первым, что я сделал, первым человеком, которому я позвонил была [*имя девочки*], и оказалось, что она уже умерла. Мне было очень больно. Но я думаю, вот откуда идет моя настоящая любовь, Шмули. Если я могу помогать таким образом, то мне этого достаточно, и мне не нужно другого [романтической любви]. Знаешь, если я встречаю девушку где-нибудь и думаю, что она красивая, и таких я вижу часто, это хорошо. В смысле, я схожу на свидание или типа того. Нет ничего плохого в этом. На днях Дженифер Лопез выглядела ужасно привлекательно. Правда. Я был поражен, потому что я никогда не думал... Она выглядела хорошо (*Майкл смеется при этих словах*).

Ш.: Но ты разочаровался в поисках женщины, которая поняла бы тебя? Ты решил, что дети понимают тебя гораздо лучше?

М.: Быть моей женой, жить со мной не так уж легко. У меня сложный характер, и я это знаю. Потому что я трачу все время на кого-то другого. Я отдаю время детям, кому-то, кто болен, музыке. А женщины хотят быть центром внимания. Я помню, Лиза-Мария говорила мне: "Я не предмет мебели, я не предмет мебели. Ты просто не можешь..." Я говорю: "Я не хочу, чтобы ты была мебелью", и, знаешь, бывало, позвонит какая-нибудь маленькая больная девочка, а она выходит из себя и бросает трубку. И, знаешь, я чувствую, что это моя миссия, Шмули. Я должен это делать.

Ш.: Что если бы ты нашел женщину, которая была бы доброй, которая была бы особенно мягкой?

М.: Как мать Тереза или леди Диана... Это было бы замечательно. Это было бы идеально.

Ш.: Было бы это лучше, чем делать все одному?

М.: Абсолютно. Что касается посещения больниц вместе со мной, Лиза была просто замечательной, она была так мила. Они привязывали малышей к кровати или сковывали детей. Я ходил и развязывал... Мы освобождали всех детей. Я ненавидел это, и она открыла для себя много подобной несправедливости со мной. Страны как Румыния и Прага, Чехословакия, и прочие, Россия. Видел бы ты, что они делают там с детьми... ты был бы шокирован. Они приковывают детей к стене, как будто они животные, и они голенькие и спят в своих испражнениях. Это очень грустно, мне это противно. Так что мы привезли одежду и игрушки и просто любовь, любовь. Я люблю их, и я возвращался туда каждый день, чтобы их навестить, обнять, хотел взять каждого из них в Неверленд.

Ш.: Когда ты стал ребенком-звездой, ты понимал, что твое детство медленно ускользает? Ты выиграл конкурс в 8 лет. В 1964 тебя выбрали солистом в семейную группу. Это тебя обрадовало или ты был обеспокоен? Думал ли ты про себя: "Куда это все идет? Чем все закончится"?

М.: Я об этом не думал. Я не думал о будущем. Я просто жил одним днем. Я знал, что хотел быть звездой. Я хотел этим заниматься и делать людей счастливыми.

Ш.: Знал ли ты, что это тебе будет стоить детства?

М.: Совсем нет.

Зазвонил телефон. Майкл разговаривает с президентом компании Сони Рекордс, Томми Мотоллой, который пригласил Майкла на свою свадьбу. Майкл сказал, что хочет посадить музыкантов рядом с собой так, чтобы он смог кидать в Томми орешками. А я думаю про себя: "Игривость Майкла не знает конца".

М.: *(по телефону)* Скажи ребятам, чтобы они позволили музыке говорить с ними, а не набрасывались на нее сразу же. Пусть послушают ее пару раз, и пусть мелодия родится сама собой. Именно в этом и вся суть, пусть позволят музыке говорить с ними. Хорошо? Пока.

Ш.: Является ли твоей мечтой, как часть мессианского будущего в твоём понимании, что все дети придут и будут счастливо жить в Неверленде вечно?

М.: Да.

Ш.: Если бы у тебя было все, что для этого надо, ты бы ...

М.: Я бы это делал, Шмули. Я бы это сделал. Я был бы очень рад.

Ш.: Лиза-Мария была молодец, по крайней мере, в части посещения больниц. То есть ей было легко ходить с тобой и участвовать в благотворительности, даря этим детям свою любовь и давая им почувствовать себя особенными?

М.: У нее не вызывало это трудностей, но у нас было несколько крупных споров, потому что она была собственницей по отношению к своим детям. Ее дети были ее основной заботой... и я говорил: "Нет, все дети - наши дети", и ей не нравилось слышать это от меня. Она очень злилась по этому поводу. Вдобавок, она еще однажды поругалась со мной насчет двух детей из Лондона, убивших другого ребенка, и я собирался навестить их, потому что королева приговорила их к пожизненному заключению. Мальчикам было около одиннадцати и десяти лет, и я собирался пойти навестить их в тюрьму. Она сказала: "Ты идиот. Ты поощряешь их за то, что они сделали". Я сказал: "Как ты смеешь так говорить". Я сказал: "Бьюсь об заклад, что если ты проследишь их жизнь - ты узнаешь, что у них не было родителей, у них не было любви, никого, кто бы прижал к себе, посмотрел в глаза и сказал "я тебя люблю". Они заслуживают этого, даже если будут приговорены к пожизненному заключению, я просто хочу сказать им "я вас люблю" и обнять их. Она сказала: "Ну, ты не прав". Я сказал: "Нет, ты не права". Потом выяснилось, что их родители были разведены, никто не смотрел за ними, когда они были маленькими, никто их не навещал. Их пустышкой были фильмы типа "Потомства Чаки", где режут и убивают. И вот как они такими стали.

Ш.: Признала ли она, что ты был прав в какой-то степени?

М.: Неа, она думает, что я вознаграждаю плохих детей.

Ш.: Хотела ли она, чтобы ты был отцом ее детям?

М.: Ну, ее один раз спросили об этом. Ее спросили об этом по телевизору и она сказала: "Нет, у них есть отец. Их отец Кеох, другой парень. Но я был очень добр к ее детям. Каждый день я приносил что-нибудь им домой, и они ждали меня у окна, обнимали меня. Я люблю их. Я очень по ним скучаю.

Ш.: Привыкла ли она жить в Неверленде или там слишком изолированно?

М.: Лиза не жила в Неверленде. Мы посещали Неверленд... Я жил в ее доме в городе и только иногда мы приезжали в Неверленд. Это были как бы наши большие веселые выходные.

Ш.: И ее детям это нравилось?

М.: Ты шутишь? Они были как на седьмом небе.

Ш.: Ты был рад показать им Неверленд?

Даниэль и Бенджамин Кеох-Пресли держатся за Майкла

М.: Да.

Ш.: Стал ли Неверленд значить больше для тебя теперь, когда у тебя появилась семья, которой ты мог его показать?

М...: Да, да. Это просто место, где семьи становятся ближе, которое делает людей ближе через любовь и игривый настрой и природу. Он делает семьи ближе, Неверленд. Он лечит.

Ш.: Так как ты идеализируешь семью, было ли тебе особенно тяжело пройти через развод?

М.: Который?

Ш.: С Лизой?

М...: Было ли это тяжело для меня?

Ш.: Явилось ли тебе зловещее предзнаменование? Что ты не такой как все? В том смысле, что мои родители развелись, когда мне было восемь лет. Так что я очень трепетно относился к браку.

М...: Правда?

Ш.: О, необыкновенно. Именно об этом и все мои книги, о браке. Потому что мне было сложно справиться с ...

М.: Так что ты очень веришь в брак и тому подобное? Ты любишь брак?

Ш.: Это то, во что я верю больше всего во всем мире. Я верю в семью, очень верю.

М.: Я тоже, Шмули.

Ш.: Это то, чего у меня не было. Я даже написал о тебе в одной из моих книг о браке, хотя это было до того, как я даже мог подумать, что мы встретимся. Это было главной мыслью, началом книги. Глава первая, самая первая глава. Как же она начиналась? "В сердцевине всех наших жизней лежит сильная и могущественная тайна. Майкл Джексон сходит с самолета и тридцать тысяч поклонников ожидают его приезда. Он чувствует себя чрезвычайно особенным. Они все возбужденно кричат его имя. Они отпросились с работы для того, чтобы встретить и поприветствовать его. Однако после с того же самолета сходит мистер Джонс. Его приезда не ожидают тридцать тысяч человек. В действительности, его ждет только одна женщина - миссис Джонс. Но в то время как все проходят мимо, даже когда сам Майкл Джексон проходит мимо, она не обращает ни на кого из них внимания. Для нее мистер Джонс намного важнее, намного более волнующий, чем самая великая поп-звезда в мире". Я использовал тебя как самый яркий пример того, как брак превращает простого человека в знаменитость. Другими словами, для моей жены я знаменитость. Она ждет моего прихода домой, моя фотография висит у нее на стене, понимаешь? Ты чувствуешь себя особенным для одного человека. И в реальности все, что тебе нужно - это один человек, один поклонник.

М.: Ты прав.

Ш.: И секрет жизни в том, что тебе не нужны тридцать тысяч, сто тысяч. И это у тебя есть, Майкл. Таких людей, как ты, во всем мире можно на пальцах пересчитать. Однако смысл брака в том, чтобы найти себе одного поклонника. Одного фэна, который ставит тебя впереди всего. И это все, что человеку нужно. Один искренний и любящий поклонник, который любит тебя таким, какой ты есть, предпочтительнее десятков тысяч людей, которые любят тебя за то, что ты делаешь. Эта самая первая мысль в самой важной книге, которую я когда-либо написал, *Kosher Sex* (Кошерный секс).

М.: Это прекрасно, Шмули. Спасибо.

Ш.: Я не знал тогда, что мы с тобой встретимся, но я говорил об этом. Твое имя всплывало в каждой лекции на эту тему по всему миру. Другими словами, моей мыслью было то, что брак - это когда ты заставляешь другого человека чувствовать себя суперзвездой, как Майкл Джексон.

М.: Это прекрасно.

Ш.: И я очень верю в брак. Так что когда твои отношения с Лизой стали портиться, было ли тебе тяжело? Твой идеализм в отношении семьи, твоя вера в построение семьи, которую ты всегда хотел, особенно, потому что ты знал...

М...: Я хотел детей, а она нет.

Ш.: Она думала, что у нее есть свои дети.

М...: Да, и она обещала мне перед тем, как мы поженились, что первым, что мы сделаем - это заведем детей. Так что она разбила мне сердце, и я ходил по дому все время с этими маленькими игрушечными детьми на руках, и я плакал - вот как сильно я хотел детей. Так что я твердо решил завести детей. Она меня очень разочаровала, когда не сдержала своего обещания, знаешь. После развода она много времени проводила с моей матерью. У меня есть все эти письма, в которых она пишет: "Я рожу тебе девять детей. Я сделаю все, что ты хочешь", и, конечно, пресса не знает всех этих историй, но она старалась многие, многие месяцы. Но я к этому времени очерствел сердцем. Я все для себя решил.

Ш.: Так что она думала, что, может быть, ты к ней вернешься?

М...: Ага.

Ш.: Но дети были большой, большой проблемой?

М...: Конечно.

Ш.: У нее были ее дети и на этом все.

М...: У нее были ее, а я хотел, чтобы мы были одной большой семьей и родить больше. Просто... Моя мечта - иметь девять или десять детей, вот что я хочу.

Ш.: Ты еще очень молод. Думаешь, это случится?

М...: Да.

Ш.: Но это значит, что тебе придется опять жениться.

М...: Да.

Ш.: Ты будешь эту рад?

М...: Ага... или усыновить.

Ш.: Может ли быть такое, Майкл, что ты привлекаешь к себе не тех женщин потому, что ты известная личность?

М...: Это сложно. Поэтому мне очень трудно, мне тяжело. Трудно. Известным личностям трудно жениться.

Ш.: Ты думаешь, что можешь жениться только на другой знаменитости так, чтобы они в тебе настолько не нуждались?

М.: Это помогает, по-моему. Они понимают, через что ты проходишь. Они знают, каково это.

Ш.: Они помогают тебе из хороших намерений, да?

М.: Да, они не охотятся за, знаешь, за тем, что ты заработал... Или, знаешь... За тем, кто ты... *(поет)* "That's what you are..." [*Он получил Грэмми за эту песню*].

Ш.: Да, да.

Часть 7. Дружба с детьми-звездами.

Глава 38. Поиск настоящей дружбы. (перевод Мальцевой Елены)

Ш: Любовь и страх, как я говорил ранее, несовместимы. Они как огонь и вода. Чем больше первого, тем меньше второго. Чем большую собственную ценность ты ощущаешь, тем меньше у страха шансов тебя разрушить. Чем больше в твоей жизни любви, тем меньше в ней места для страха.

М: Это верно. Я бродил по улицам и просил прохожих стать моим другом. Это правда, это было в Энсино, прямо там. Люди смотрели на меня и восклицали: «Майкл Джексон!». Я просто хотел поговорить с кем-нибудь. Я был в доме на верхнем этаже в одиночестве, а мои родители смотрели телевизор этажом ниже. Я сидел наверху в своей старой комнате, все мои братья со своими вещами переехали потому, что все они женились. И я был там наверху совсем один и никуда не мог пойти. Ты чувствуешь себя узником, чувствуешь, словно ты умираешь. Вот и все. Я гулял, я мог просто прогуляться по улице, образовывалась пробка, и люди начинали делать фотографии. Я знал, что выглядел несчастным и некоторые люди подходили и говорили со мной. Они спрашивали у меня: «Что ты делаешь?», я отвечал «Я гуляю». Они говорили: «Почему ты гуляешь? Где все твои телохранители?». Я отвечал: «Я так захотел. Я просто хочу погулять и я ищу кого-нибудь, кто поговорил бы со мной». И они говорили со мной. Я делал так много раз. Я просил людей стать моим другом. Они отвечали: «Конечно!». Это правда. Я ходил в парки. Потом я осознал, что это могло быть очень опасным, но ведь я тогда так страдал.

Ш: Бывали ли они ошарашены предложением стать твоим другом? Говорили ли они: «Я не могу быть вашим другом...Вы же Майкл Джексон»?

М: Я даже просил у них номера телефонов. Позже я понял, что найти друга очень сложно потому, потому как они относятся по-дружески к образу, который видят в тебе. Настоящие ли они друзья в таком случае? Это превратилось в проблему.

Ш: Но ты нашел несколько настоящих друзей, таких как Элизабет Тейлор.

М: Да.

Глава 39. Майкл и Ширли Темпл Блэк: Родственные души (перевод Елены Мальцевой)

От переводчика:

Ширли Джейн Темпл родилась 23 апреля 1928 в Санта-Монике. С самого рождения девочки родители решили, что их дочь обязательно станет звездой. В 3 года крошка Ширли идет учиться модной в те времена чечетке в знаменитую танцевальную школу миссис Мелджин. Там спустя пару месяцев ее заметил голливудский продюсер Джек Хейс, находившийся в поисках юных актеров для музыкального сериала *Baby*. Прямо с репетиции Ширли была приглашена на отбор, в котором участвовало несколько десятков детей. В результате малышке досталась главная роль. После окончания сериала Ширли сыграла несколько небольших ролей. И на очаровательную девочку обратила внимание кинокомпания «Фокс», которая на тот момент находилась на грани банкротства из-за Великой депрессии. В 1934 году «Фокс» выпускает фильм «Встань и поздоровайся» с малышкой Ширли в главной роли.

Кудряшки, улыбка и ямочки на щеках произвели эффект разорвавшейся бомбы. Девочка стала для кинокомпании настоящим кладом, спасшим ее от разорения. Каждый американец хотел посмотреть этот фильм. «Фокс» начинает работать исключительно на Ширли Темпл. Приглашались лучшие сценаристы, композиторы и актеры Америки. Пресс-агенты девочки убеждали публику, что танцевальный талант Ширли достался ей от природы и период обучения в школе Мелджин был стерт из биографии, так же как один «лишний год» был стерт подменой свидетельства о рождении.

Фильмы с участием Ширли стали очень прибыльным, юная актриса оказалась одной из самых востребованных. В 6 лет она заработала свой первый миллион! В 6 лет она оставила отпечаток своей руки на одной из аллей Лос-Анджелеса. В 6 лет она получила Оскар за роль в картине «Мятеж на Баунти»! И в 6 лет Ширли поняла, что слава не так уж сладка, как кажется. «В 6 лет я перестала верить в Санта-Клауса, - грустно вспоминала Ширли в одном из интервью. - Перед Рождеством мама повела меня в магазин, а поздравлявший покупателей Санта попросил у меня автограф». В 8 лет Ширли Темпл попала в десятку самых высокооплачиваемых актеров Голливуда. Америку захватила «темпломания». Маленькая кудрявая девочка с неотразимой улыбкой и ямочками на румяных щёчках нравилась, кажется, абсолютно всем. Она могла спасти даже самый провальный фильм. «Это талантливейший ребёнок, второго такого никогда больше не будет», - восхищались девочкой журналисты. Девочка получала тысячи писем от своих поклонников. Ей писали взрослые и дети, богачи и бедняки, здоровые и больные. Ее портреты красовались на плакатах, открытках, сувенирах. Компания Ideal Novelty & Toy Co даже выпустила кукольную копию Ширли. Это была самая популярная игрушка мира - затмить ее славу смогла только появившаяся позже кукла Барби. Садоводы вывели сорт пиона "Ширли Темпл" с махровыми цветками. Именем Ширли называли даже безалкогольный коктейль. Уже взрослая Темпл призналась, что ее тошнит от вкуса этого напитка. Каждый ребенок мечтал повторить судьбу Ширли, а все кинокомпании судорожно пытались найти свою юную звездочку. Но на рынке детей-актеров единолично царствовала Ширли Темпл. Даже маленькой Норме Джин Бейкер, которая позже превратилась в Мэрилин Монро, не нашлось там места. Только продлилось это царствование недолго. В 1940 году Ширли исполнилось 12 лет, и она перестала быть очаровательным карапузом с пухлыми щечками. На кастингах для фильмов «Волшебник из страны Оз», «Синяя птица» Ширли Темпл неожиданно отказывают. А следующий фильм с Ширли «Молодые люди» и вовсе откровенно провалился. Публика не желала простить ей то, что она взрослеет, как и все дети. Уловив это настроение, продюсеры компании «Фокс» «забывают», что когда-то Ширли спасла их от разорения, и разрывают с ней контракт. В одночасье из кинозвезды Ширли Темпл превратилась в совершенно обычную девочку. И всё же ей хватило сил не пуститься во все тяжкие так же, как это делали многие другие, познавшие славу и внезапно потерявшие ее. Она наконец-то пошла в школу (до этого учителя приходили к ней на дом) и стала общаться со своими сверстниками. В 1945 году она вышла замуж, родила чудесную дочь и сыграла в прекрасном фильме «Форт Апач» с Хенри Фондой. Но в 1949 году Ширли и ее муж Джон Агар развелись. После этого Ширли Темпл навсегда исчезла с киноэкранов. В 1950 году Ширли вступила в брак с бизнесменом Чарльзом Элденом Блэком из Сан-Франциско и родила ему двоих детей - сына и дочь. Все свои силы Ширли посвящала заботе о семье и больше не думала о работе в кино.

В 1957 году она вновь вернулась к своим поклонникам в телешоу «Книга сказок Ширли Темпл» и «Театр Ширли Темпл». Она стала эдакой доброй мамой Америки. У нее появились тысячи новых поклонников, многие из которых даже не знали о ее сумасшедшей популярности в 1930-е годы.

В середине 1960-х годов Ширли с экранов телевизоров вдруг переместилась в мир политики. Став членом республиканской партии, она занялась предвыборной агитацией. Так что Ричард Никсон стал президентом США, в том числе, и благодаря Ширли. После этого миссис Темпл-Блэк решила стать сенатором. Но, увы, она проиграла выборы. Ее соперник постоянно высмеивал Ширли во время дебатов. «Смотрите, - говорил он, - мисс Четверка хочет заниматься политикой. Вы хотите доверить свои судьбы девочке из шоу-бизнеса?»

Но Ширли научилась принимать неудачи со спокойным сердцем и почти не расстроилась.

Она стала делегатом ассамблеи ООН и даже побывала в СССР - в составе советско-американской комиссии по разоружению.

В начале 1970-х годов врачи поставили Ширли страшный диагноз - рак груди. Даже в наши дни такое известие часто убивает в женщине волю к жизни. Но Ширли всегда была сильной девочкой. У нее была хорошая школа. Когда она была совсем крошкой, ей не всегда хотелось улыбаться во время съемок. Но мама подталкивала ее в спину и приговаривала: «Сияй, Ширли, сияй!» И Ширли послушно распахивала свои огромные глаза, в мгновение становясь самой счастливой девочкой на Земле. Она не собиралась сдаваться и на этот раз. В 1972 году Ширли Темпл перенесла операцию и пошла на поправку. В 1974 году новый американский президент Форд назначил ее послом в республике Гана, что на западе Африки. А после возвращения на родину Ширли стала начальником президентской службы протокола. Ни разу до нее этот пост не занимала женщина.

Во время правления Рейгана Ширли работала в Государственном департаменте. Она занималась подготовкой будущих послов и консулов. А весной 1989 года она и сама вновь отправилась представлять интересы США за границу - в Чехословакию. На ее глазах произошла «бархатная» революция. Она поддерживала Вацлава Гавела во время первых выборов президента Чехословакии. А когда в Белый дом на смену Джорджу Бушу пришел Билл Клинтон, Ширли снова вернулась домой и села писать мемуары. Ширли Блэк стала почетным членом Центра Кеннеди и получила медаль за свою политическую деятельность.

Сегодня Ширли Темпл 81 год. Она по-прежнему получает сотни писем от поклонников каждую неделю. Этот поток корреспонденции не прекращается всю ее жизнь. В 2006 году президент Американской гильдии актеров Мелисса Гильберт присудила премию Ширли Темпл не только за её многочисленные актёрские работы, но и за «в высшей степени значительную жизнь».

Ш: Мы говорили о Ширли Темпл Блэк. Она сказала тебе, что увидела в тебе родственную душу, потому что ты был ребенком-звездой и она была ребенком-звездой.

М: Именно так.

Ш: Ты договаривался о том, чтобы пойти и увидеться с ней?

М: Ну, один ее хороший друг одновременно оказался и моим хорошим другом. Я знаю этого парня 25 лет, и он чудак [*Майкл говорит о продюсере Дэвиде Гесте, более известном за пределами Голливуда своим браком, а потом и разводом с Лайзой Минелли*]. Но он стал очень влиятельным человеком, т.к. он продюсирует множество шоу, делает все эти мероприятия со знаменитостями и он отличный парень. И туда я пошел с ним. Еще мы много раз ходили с ним на собрания коллекционеров предметов из фильмов, потому что я люблю вещи из кинофильмов. Каждый день там я был в гриме, хотя, думаю, они догадывались, что это я. Но это было весело. Я замечательно провел время с Ширли Темпл.

Ш: Как долго вы были вместе?

М: Мы провели вместе несколько часов. Я приехал к ней домой. Ее дом я покидал с ощущением, словно духовно очистился, у меня действительно было такое чувство. Я не знал, что потеряю самообладание и буду плакать, когда увижу ее. Я увидел ее и просто разрыдался. Я сказал: «Ты даже не представляешь, как ты спасла мне жизнь». Она спросила: «Что ты имеешь в виду?». Я сказал: «Столько раз я был на грани и думал о том, чтобы все бросить. И я просто смотрел на твои фото и чувствовал - есть надежда, что я вынесу все это». Она спросила: «Это правда?». Я ответил: «Да». Я нанял парня, который должен был ездить со мной. Его работа заключалась в том, что перед моим приездом в каждом отеле он подготавливал весь номер, развешивая везде Ширли Темпл. Я делал так многие-многие годы. Ее снимки и вырезки с ней - вот что он делал. Таким образом, когда я входил в номер - я видел ее. Ее фото было прикреплено к моему зеркалу в гримерных. Она была очень рада. Она сказала: «Я люблю тебя, я хочу, чтобы мы были ближе. Я хочу, чтобы ты звонил мне, ты понял?». Она посмотрела на меня и произнесла: «Прости, я стала взрослой». Я ответил: «Тебе не за что извиняться. Потому что я знаю, что это такое. Я уже прошел через это». Как-то раз был случай, когда я был в аэропорту - и я не забуду этого до конца своей жизни - там была женщина, которая сказала «О, Jackson 5! О боже! А где крошка Майкл? Где же Майкл?». Я сказал: «Вот я». Она произнесла: «Ой, фу! Что же с тобой случилось?». Они хотят, чтобы ты оставался маленьким и юным вечно. У тебя переходный возраст, а они хотят, чтобы ты остался малышом. Она [Ширли Темпл] тяжело переживала это не только потому, что у нее начался переходный возраст. Это был конец ее кинокарьеры. Но я вырос и смог перейти на следующий уровень, заниматься другими вещами. Большинство детей-звезд не могут этого сделать, потому что начинают разрушать сами себя. Они сами себя уничтожают из-за этого давления.

Ш: Какого давления?

М: Давления того, что они были так любимы, их так обожали. Но они достигли определенного возраста и стали не нужны студиям. Публика больше не узнает их. Они погасшие звезды. Карьера большинства из них заканчивается в 18, в 19, в 20 лет - это правда. Как, например, у всех детей из Our Gang. Бобби Дрисколл, игравший в So Dear To My Heart, Song Of The Youth, умер, когда ему было 18. Стоит только проследить за тем, как похоже складываются их жизни, это же страшно.

Ш: Ты обсуждал это с ней?

М: Да. Мы обсуждали это.

Ш: Как она пережила этот переход от яркого ребенка-звезды к взрослой женщине, переставшей быть миленькой малышкой?

М: Она сказала, что была очень сильной, но это было действительно очень сложно, она много плакала. И я чертовски много плакал. Она была очень сильной в этом. И это очень тяжело. Она пишет вторую книгу. Одну она уже выпустила. Ее первая книга называется «Ребенок- звезда». Я не читал ее. Я не готов к этому.

Ш: Чувствуешь ли ты, что она одна из немногих людей, способных понять тебя потому, что у нее не было детства, как и у тебя?

М: Я спросил у нее: «Получала ли ты удовольствие от всего этого?». И она ответила, что обожала этим заниматься. Я сказал: «Я тоже люблю это». Я люблю быть на сцене, я люблю выступать, но есть такие, как Джуди Гарланд, которых вытолкнули на сцену, которые не хотели этим заниматься и это по-настоящему жестоко. Элизабет прошла через это. Она побывала в аду и вернулась обратно. Она была ребенком-звездой. Вот почему мы так понимаем друг друга.

Ш: Все ли дети-звезды как ты? Все ли они любят детей?

М: Они все любят детей. У них повсюду всякие вещи для игр, они ведут себя как дети. Потому что у них никогда не было шанса быть детьми. Весь этот забавный хлам у них у всех есть в доме, и никто не понимает этого. Об этом не написано ни одной книги, потому что среди нас очень немного тех, кто, пережив это, может об этом рассказать. Это нелегко... Это действительно нелегко.

Ш: Итак, ты чувствуешь себя уверенно в ее присутствии? Ты сказал, что почувствовал, что духовно очистился. Ты чувствовал себя так, словно нашел спасение в ее присутствии?

М: Ммм, да...*(начинает плакать)*. Я не знаю, понимаешь ли ты.

Ш: Честно говоря, не совсем, но я хочу понять.

М: Ты действительно не понимаешь?

Ш: Я пытаюсь. Просто объясни мне, откуда идет боль? Ты можешь объяснить это? Или когда ты рядом с Ширли, тебе не нужно объясняться? Она просто понимает?

М: Это как телепатия. Ты чувствуешь то, что хочет сказать другой, посмотрев друг другу в глаза, и таким образом я чувствую ее, а она - меня. Ты подхватываешь и замечаешь это очень быстро. Это как общение без слов. Это действительно так и я знал, я чувствовал, что будет именно такое общение, когда я увижу ее, я знал это. С Элизабет то же самое.

Ш: Что является источником твоей боли, Майкл? Когда ты не можешь сдерживать свои чувства так, как сейчас, что ранит?

М: Ранит то, что все произошло так быстро и время уходит очень быстро. Чувствуешь, что упустил множество вещей. Я бы ничего изменил. Но боль появляется от осознания того, что у тебя действительно не было шанса совершать важные простые вещи и это больно. Маленькие простые вещи, которые тебе были неведомы... Я никогда не отмечал дни рождения или Рождество, у меня не было ночевок в гостях или чего-то подобного, веселых вещей. Или походов в супермаркет, когда просто хватаешь что-нибудь с полок. Простые вещи, знаешь, быть частью общества и быть нормальным.

Ш: То есть весь мир мечтает стоять перед тысячами людей на сцене, а ты мечтаешь о простых вещах, доступных каждому?

М: Вот почему когда я по-дружески отношусь к людям, они чаще всего не знаменитости, это простые обычные семьи из разных мест. Я хочу знать какова их жизнь. Вот почему я ездил в ту хижину в Китае или отправляюсь в дома из глины в Южной Америке. Я хочу знать каково это. Мне приходилось ночевать в невероятных местах, и там люди спрашивали меня: «Ты что, рехнулся?». А я отвечал: «Нет, я просто хочу знать каково это».

Ш: Что по твоим ощущениям ты упустил? Ты чувствуешь, что упустил что-то очень важное в жизни? В детстве ты любим без необходимости доказывать, что достоин этого. Это то, что ты упустил? Из-за того, что тебе всегда приходилось работать, утверждаться и ты не мог просто быть собой? Тебя оценивали, осуждали, за тобой пристально наблюдали. Ты вызывал интерес?

М: Да, от этого очень устаешь и это очень утомляет меня. Ты никуда не можешь пойти без того, чтобы они не манипулировали тем, что ты сказал или сделал. И это очень беспокоит меня, ведь я совсем не тот человек, о котором они пишут, совсем не тот! Получить прозвище «чокнутый» [Wacko] – не очень-то приятно. Люди думают, что с тобой что-то не так потому, что они придумывают это. Я совершенно не такой. Я совсем другой.

Ш: Однажды кто-то сказал, что сущность одиночества заключается в том, что ты чувствуешь себя непонятым. Это ли является причиной твоего одиночества там, где ты находишься?

М: Да, конечно.

Ш: Ты там абсолютно один. Поэтому ты чувствуешь перемену, когда рядом кто-то вроде Ширли Темпл, потому что она одинока тем же самым одиночеством, что и ты?

М: Да, она понимает. И ты можешь поговорить с ней. Сложно сделать так, чтобы другие люди поняли это. Потому что они никогда не были в таком положении. Нужно почувствовать это, прикоснуться к этому, чтобы узнать - что это такое на самом деле.

Ш: Сохранила ли Ширли Темпл свои детские качества так, как это сделал ты? Она ребячлива или ты раскрывал это в ней?

М: В ней все это было. Она вошла в комнату в фартуке. Она готовила на кухне, потом мы ели, она держала мою руку на столе и сжимала ее, словно она знала что нужно делать, понимаешь, что я имею в виду? Потом мы сидели за столом и разговаривали, просто сидели и разговаривали. Я рассматривал прекрасные фотографии. Каждое кино, в котором она когда-либо снималась, осталось красивым снимком в альбоме. Все фото были оригиналами, сделанными Джорджем Хареллом, великим фотографом, и ты погружаешься в эти вещи, и это прекрасно. У нее было каждое платье, которое она носила на съемках всех своих фильмов. У нее было все. Я пообещал ей, что создам музей для детей-звезд, и она отдаст мне все эти вещи для музея, а я достану другие вещи, фотографии, все-все, чтобы почтить детей-звезд. Люди не знают, что с ними происходит. Не думаю, что люди знают, что Бобби Дрисколл пропадал почти год, и никто не узнавал его. Собственная семья не узнала его в нищем, похороненном в общей могиле после передозировки героина. Он был титаном Диснея, голосом Питера Пена. Он играл в *So Dear To my Heart*. Он получил награду Академии за *The Window* и *Song of the South*. Я просто смотрю на тех детей и чувствую в них родственную душу.

Бобби Дрисколл

Ш: Ты собираешься увидеться с ней еще раз?

М: О да, я собираюсь пригласить ее в Неверленд. Она просила меня передать привет Элизабет. Она постоянно спрашивает о ней.

Ш: Они знают друг друга?

М: Они видели друг друга и провели немного времени вместе. Но сегодня я передал привет Элизабет, и она воскликнула: «Ооо, ты должен передать и ей привет от меня». Я рассказал Элизабет, что провел выходные с ней [с Ширли]. Она спросила: «Правда?», - я ответил: «Да», - и она была в шоке от того, что я был у Ширли дома. Это было замечательно.

Ш: Что такого особенного в Ширли Темпл, что так глубоко затронуло тебя? И как ты думаешь, в каждой маленькой девочке живет Ширли Темпл?

М: Ее чистота, то, как она подняла мне настроение, когда я был так огорчен. Даже не столько своими танцами и песнями. Своим существом. У нее дар помогать, делать так, чтобы люди чувствовали себя лучше. У всех детей есть этот дар, но, боже, в ней есть что-то ангельское и каждый раз, когда я вижу ее, это может быть фильм или фото, у меня поднимается настроение. У меня по всей комнате стоят ее фотографии. Это делает меня таким счастливым.

Ш: Ты увидел ту Ширли Темпл в Ширли Темпл Блэк, когда встретил ее? Осталась ли она маленькой девочкой? Была ли она как ты? Сохранила ли она детскую невинность или ты раскрыл это в ней?

М: Она такой и осталась. Она очень милая.

Ш: Много ли людей ты встречал, которые были бы такими? Это реально? Много ли ты встречал взрослых людей, с которыми тебе не страшно быть собой и которых ты не боишься?

М: Очень немного.

Ш: Очень немногие люди достигли этого. Эти люди, как и Элизабет Тейлор, в основном со звездным детством? Люди, у которых не было детства, живут, пытаются снова обрести его. Поэтому ли они ведут себя как дети?

М: Да. Но есть и люди, у которых это от природы. У многих творческих людей это есть, хотя у них было замечательное детство. Я встречал их и работал с ними, это, например, писатели, режиссеры. И мы так похожи в этом вопросе. Мы коллекционируем похожие вещи, мы приходим в восторг от одного и того же. Я вижу это. Когда я был дома у Джорджа Лукаса, в его подвале я увидел, что он коллекционирует те же вещи, что и я. Стивен Спилберг любит и собирает то же, что и я. Мы обмениваемся информацией о том, что коллекционируем. Это простые вещи - от старых вкладышей от жвачки или определенных журналов до оригиналов картин Норманна Роквелла. Я был сегодня в гостях у Стивена Спилберга, у него прекраснейший оригинал картины Норманна Роквелла. Он очень большой и прекрасный.

Глава 40. Элизабет Тейлор: Особенная связь. (перевод Елены Мальцевой)

М: Элизабет Тейлор очень непосредственная. Невозможно ничего поделаться, если она говорит: «Я не хочу этого делать!». Когда на экраны вышла «Жизнь жуков», она приставала ко мне снова и снова, чтобы я пересмотрел свой график и мы могли посмотреть этот мультфильм. Нам пришлось приехать в общественный кинотеатр около часа дня. Она вытаскивает меня каждый четверг, она говорит, что я живу совсем как отшельник. В такое время все на работе, там никого нет, и мы никогда не платим. Мы приходим с пустыми руками, и они всегда говорят: «О Боже! Элизабет Тейлор и Майкл Джексон!». Мы получаем бесплатный попкорн, все что угодно. Она обожала «Жизнь жуков» и она обожает Неверленд. Она катается на карусели, на чертовом колесе, но только не на американских горках.

У Элизабет Тейлор есть и другие детские качества. Она снялась в «Джейн Эйр» в возрасте 8 или 9 лет. Наши отцы очень похожи - грубые, холодные, жестокие. Она игрива, энергична, радостна и найдет повод посмеяться, даже если ей плохо. Она готова играть в любые игры, плавать. Она очень хорошо ладит с детьми. Она любит игрушки и мультики. Я многому у нее научился. Она рассказывала мне о Джеймсе Дине, Кларке Гейбле, Спенсере Трейси, Монтгомери Клифте, ведь она снималась в кино со всеми этими людьми. Она рассказывает мне, какими они были в реальности -

одни были хорошими, другие – нет. Мы были в Сингапуре – большую часть тура Dangerous она была вместе со мной – и мы решили, что хотим сходить в зоопарк. И мы просто болтались, у нас был свой собственный тур, мы развлекались. Она крестная мать Пэрис и Принса, а Маколей – их крестный отец. Она сохранила в себе эти качества маленькой девочки. Маленький ребенок, которого вы видите в «Джейн Эйр» или в «Возвращении Лесси», все еще здесь. Это в ее глазах. От нее исходит этот детский свет. Это так очаровательно. У Ширли он тоже есть. Она говорит: «У тебя он тоже есть, неправда ли? Ты один из нас».

Элизабет Тейлор и я, мы как брат и сестра, как мать и сын, как влюбленные... Все вперемешку... Это нечто особенное. Во время неприятностей мы можем похныкать друг дружке в трубку: "О, ты нужна мне...", "О, ты мне тоже нужен". Мы можем поговорить обо всем. Она мой самый верный друг. Она говорит, что обожает меня и сделает для меня все, что угодно. Она говорит, что Голливуду нужно написать сценарий для нас двоих. Нам нужно сделать что-то вместе.

Ш: Ты ревнуешь, когда она ходит на свидания с другими мужчинами? Она ведь вышла замуж у тебя на заднем дворе.

М: Ревную ли я? И да, и нет. Я знаю, что стань когда-нибудь наши отношения романтическими, то реакция прессы была бы отвратительной, пошлой. Нас назвали бы странной парочкой. Это превратилось бы в цирк и причиняло бы боль. Знаешь, я вожу ее в инвалидном кресле, когда она не может ходить. Их не касается то, что есть между нами. Мне нужно быть с людьми, похожими на меня. Некоторые рэперы могут предложить мне «Давай потусуемся. Поехали в клуб». И я отвечаю: «Что? Потусоваться? Нет, спасибо, не надо». Для меня подобные вещи не развлечение. Во время тура [Dangerous] она кормила меня, потому, что я не мог есть. Когда я расстроен – я перестаю есть. Иногда до тех пор, пока не упаду в обморок. [*Обвинения в растлении малолетних были предъявлены Майклу в 1993, когда он находился в турне. Это и явилось причиной его огорчения – прим. Шмули*]. Она брала ложку, открывала мне рот и заставляла есть. Она сказала, что не позволит мне продолжать тур без нее, хотя ее доктора советовали ей не ездить. Она отправилась в Таиланд и следовала за моим туром все время до самого Лондона. Я остановился у Элтона Джона, он был очень мил, спрятав меня у себя. Один из милейших людей, которых только можно встретить на этой планете. Он и я взяли заботу о Райене Уайте, все его расходы на лечение.

Затем мне стали делать внутривенные вливания. Я проходил через серьезные кризисы с питанием, когда я мог неделями ничего не есть. Я принимал лекарства для того, чтобы не терять вес. К тому же мне отвратительно и совсем не нравится есть что-либо, что было раньше живым, а теперь лежит мертвое на моей тарелке. Я хочу быть абсолютным вегетарианцем, но мои доктора стараются добавить в мой рацион курицу и рыбу.

Часть 8. О детях и невинности.

Глава 41. Могут ли дети научить нас любви? (перевод Елены Мальцевой)

Ш: Как ты думаешь, дети могут научить нас любви?

М: Да, и разными способами, потому что они очень ласковые. Они могут научить нас любви, и это любовь в самой её сути и невинность в чистом виде. Вот почему я люблю их так сильно. Я как-то сказал Фрэнку: «Фрэнк, я влюблен в невинность, вот что я люблю. Поэтому я так сильно люблю детей». Невинность – это Бог. Быть таким чистым и смотреть на жизнь таким милым взглядом, по-настоящему милым... Ребенок может бродить по дому, и ты спросишь его: «Что ты делаешь?», он ответит: «Не знаю, я играю». Это так очаровательно. Я обожаю это. Вот для чего эти картины [*висящие в доме Майкла и изображающие сотни детей, играющих в Неверленде*]... Один ребенок просто кричит, потому что у него отличное настроение. Он кричит просто чтобы кричать. Я обожаю это. Романтика. Романтика.

Ш: Кажется, что они верят в любовь, не боятся, что им сделают больно. Сегодня люди боятся любить.

М: Любовь и романтика – это разные вещи? Вот почему я сбиваюсь с толку. Я вижу романтику как нечто, что человек желает и ищет. Ты стремишься к ней вне зависимости от возраста.

Ш: Ты видишь романтику как выдумку голливудских фильмов?

М: Да, именно так.

Ш: Дети немного романтичны. У них бывают романы в детском саду.

М: Ты имеешь в виду их увлечения другими детьми?

Ш: Да

М: Да, дети романтичны. Они могут научить тебя быть любящим и милым, и они учат нас таким образом, что, возможно... Они каждому дают шанс. И я учу Пэрис и Принса любить всех.

Глава 42. Почему Майкл остался ребенком? (перевод Елены Мальцевой)

Ш: Когда люди используют выражение «взрослый человек», они могут иметь в виду зрелость, уравновешенность, образованность, сдержанность. Иногда терпеливость. Но есть и отрицательные эпитеты и я хочу, чтобы ты прокомментировал их. Быть взрослым подразумевает быть циничным, не доверять, плести интриги, быть манипулятором, быть безнравственным, быть склонным к осуждению, быть толстокожим. Назови мне те отрицательные черты, которым выучиваются взрослые по мере того, как они становятся старше.

М: У взрослых просто слишком много проблем. Они очень зависимы от мнений и чувств других людей. Вот почему я не доверяю большинству собак. Дело не в собаке. Дело в том, что люди внушают другим то, во что верят, вся их злость и разочарование прививается этой собаке, она становится злобной, ненормальной. И мне неизвестно какой груз она несет в себе, когда подходит и обнюхивает меня. Вот это и есть как другой взрослый человек. Поэтому я боюсь.

Ш: Поэтому ты хочешь знать какие у человека мотивы. Ты хочешь знать, дурная ли у него натура или...

М: Да. Но это идеальное изображение того, кем люди позволяют себе становиться. Где-то они могут сбиться с этой линии поведения, и я верю в то, что нужно оставаться детьми, оставаться невинными и простыми. Иисус сказал: «Величайшее, что есть во мне – это маленький ребенок, сидящий здесь. Будьте как он и вы возвыситесь в моих глазах». Когда большинство взрослых впервые встречает меня, они сначала смотрят как я одет и с кем я пришел. Я вижу это. Затем как только они говорят со мной - они видят, что я простой человек, который хочет быть другом, - их сердца смягчаются. Я вижу это.

Ш: А дети принимают сразу же. Они не судят.

М: Да, они позволяют себе выражать восторг. Дети говорят: «О боже! Это Майкл Джексон!», я говорю: «Привет!». Взрослый улыбнется и скажет: «Привет». После того, как они оценят меня, они скажут: «Мне нравится то, что вы делаете». Но они не позволяют всему этому выйти наружу. Они не позволяют себе выглядеть восторженными.

Ш: Но почему бы им так не делать? Почему бы им не сдерживать свой восторг? Может, они стараются показать: «Я не собираюсь быть ниже вас. Я такой же человек». Может, это защита?

М: У них происходит психологическая борьба внутри - как подойти ко мне, что сказать, что не говорить. Но я хочу, чтобы они знали, что нужно просто быть самим собой, быть ребенком. Будьте невинными. Будьте такими, какими вы были, когда родились.

Ш: Может быть, то, что ты говоришь им, означает: «Я не пытаюсь быть выше вас. Я тот, кто я есть и вы просто будьте теми, кем являетесь». Это практически как то, что ты говоришь. Что у тебя больше общего с детьми, чем со взрослыми.

М: Конечно, больше. С ними мне гораздо проще найти общий язык. Они не приходят с грузом проблем. Они просто играют. Им ничего от тебя не нужно. А тебе ничего не нужно от них, кроме любви и чистоты, поиска настоящего счастья и волшебства вместе.

Ш: Еще взрослые могут пытаться сделать тебя кем-то, кем ты не хочешь быть. Ты не хочешь быть искусственным и обороняться, тебе не хочется глупых и пустых разговоров. Когда к тебе с восторгом приходят дети - ты Майкл. Но среди взрослых ты ведешь себя по-другому. Ты привел аналогию с собакой. Ты не знаешь как реагировать и ты закрываешься. Они пытаются сделать из тебя того, кем ты не хочешь быть.

М: Это верно. Вот почему я стал... Я не говорю, что позволил им выиграть эту войну, но у меня просто нет желания быть среди них. Ты можешь оставить это послание прямо здесь. Мы изменим множество людей [чтобы они проявили ребенка внутри себя]. Мы сможем духовно обновить их нашими словами и нашими книгами, всем, что мы делаем. Но здесь так много тех, кто закрыл дверь в свою душу, они не хотят меняться и отказываются видеть свет. Но мы можем помочь огромному числу людей,

многие из них просто очень, очень упрямы. Они были поставлены в жесткие рамки. Но я верю, что ты можешь изменить множество людей. Вот что прекрасно. Ты можешь показать им. На Неверленд приезжают взрослые люди и они говорят мне: «Знаешь, вещи, которые я делал здесь, я не делал уже годы. Можно ослабить свою внутреннюю оборону и снова стать ребенком». Я отвечаю: «Для этого и существует Неверленд. Чтобы вернуть вашу невинность. Чтобы развлекаться».

Глава 43. Господь исцеляет через детей. (перевод Елены Мальцевой)

Ш: Всю боль, которую ты выносил из-за всех нападок, я видел своими собственными глазами и я говорю людям: весь этот мусор, сказанный о тебе – он несправедлив и выдуман. Почему бы тебе тогда просто не стать циничным взрослым, просто не сдаться?

М: Я скажу тебе. Потому боль и стрелы, которые люди выпускали в меня, никто больше не был способен вынести. Возможно, кто-то на моем месте покончил бы с собой или начал пить. Потому что они были очень жестоки и грубы ко мне. Если они думают, что я не ничего слышу, то ошибаются. Я слышу и вижу. Слышу и вижу. Это были дети. Я держусь ради них и если бы не они - я бы этого не вынес. Я действительно не справился бы.

Ш: Дети давали тебе поддержку для того, чтобы ты жил дальше? Или ты говоришь, что продолжил идти дальше потому, что Господь поручил тебе миссию стараться заботиться об этих отвергнутых детях?

М: Я чувствую, что Господь возложил на меня миссию делать что-то для них, и они дают мне поддержку, веру и любовь чтобы держаться. Когда я смотрю в зеркало, я чувствую себя исцелённым вновь и вновь. Это словно очистить душу. Словно Господь говорит мне: «Майкл, все будет хорошо», - когда я смотрю в глаза ребенка.

Ш: Судя по тому, что ты говоришь, может показаться, что в твоём понимании ты достиг в жизни всего, что хотел. За исключением этой великой миссии, за которую ты

держишься, заключающейся в том, что ты можешь подарить детям заботу. Значит ли это, что у тебя больше нет тех музыкальных амбиций?

М: Ты шутишь? Они усилились в триллион раз, от музыки до танцев, это вдохновляет меня даже сильнее, чем раньше.

Ш: Но можешь ли ты показать любовь взрослым? Ты все еще доверяешь взрослым?

М: Я доверяю взрослым...

Ш: Но ты все еще сначала подозрителен с ними... Тебе приходится быть таким.

М: Да, потому что они действительно предавали и обманывали меня в разных ситуациях и в разное время. Взрослые приходили ко мне со слезами и говорили: «Это просто ужас, через что вам пришлось пройти и я никогда, никогда, никогда не причиню вам боль или что-то подобное». Они поворачивались ко мне спиной, и они же делали мне больно. Честно, вот с каким бредом мне приходится иметь дело ... люди плачут и обнимают меня. А годом позже предъявляют мне нелепые обвинения. Например, как фотограф по поводу некоторых снимков. Или кого-то увольняют, но я к этому не имею никакого отношения, а потом они подают на меня в суд, хотя я их не увольнял. Вот такая глупость.

Ш: В тот момент они, возможно, так и думали - и это проблема. Пройдет день и эмоция может поменяться. Но глубоко внутри ты все еще можешь доверять. У тебя может быть причина, по которой ты чувствуешь себя обманутым и разочарованным, но тебе необходимо преодолевать страх перед людьми. Это крайне важно. Я не был бы твоим другом, если бы не верил в это. Ты научил меня больше ценить моих детей, а я хочу научить тебя жить без страха.

М: О, это очень приятно. Очень много родителей приходит ко мне, потому что их дети видят меня и они в меня влюбляются. Они с ума сходят. Они хотят играть и лазать по деревьям, и я делаю все это вместе с ними. Они [родители] отводят меня в сторону со слезами на глазах и говорят: «Майкл, я не знаю своих детей. Вы научили меня как по-настоящему нужно проводить время с детьми. Мне нужно было научиться этому». Они говорят мне это все время.

Ш: Но дети надоедают большинству взрослых, особенно, если это не их дети.

М: Но как? Скажи мне честно, дети правда им надоедают?

Ш: Да. Первое: дети требуют огромного терпения, а у большинства взрослых его нет. Второе: дети задают слишком много вопросов, а взрослый думает: «Мне нужно работать!». Потому что родители решили, что получение миллиона долларов важнее, чем желание ребенка узнать почему у кошки четыре ноги. Тебе нравятся такие вопросы от детей? Думаешь ли ты, что дети лучше взрослых знают, что важнее?

М: Это зависит от ценностей, от того, что мы считаем по-настоящему важным. По моему мнению, взрослым кажется, что важнее быть бизнесменом, карабкаться по

карьерной лестнице и прочие житейские вещи, которыми занимаются люди. Я думаю, что дети обожают веселье, любовь, они обожают внимание. Они хотят, чтобы весь день был наполнен развлечениями, и когда вы разделяете с ними какой-то опыт познания жизни – вы навсегда занимаете особое место в их сердце. Это меняет то, какими они станут и каким станет наш мир, каким станет все, что происходит в нашей вселенной. Это будущее.

Ш: Но что, если кто-то говорит: «Веселье – это несерьезно. Мы должны работать. Мы должны лечить болезни. Мы должны строить дома и смотреть прогноз погоды на выходные. И ничто из этого не является развлечением. Дети должны вырастать и понимать, что у них есть ответственность, что им нужно работать».

М: Думаю, что мы учимся через игру, через развлечение и мне кажется, что после развлечения происходит волшебство. Или во время веселья происходит волшебство. Для меня это именно так. Я написал самую прелестную песню из всех, которых когда-либо писал, именно когда играл с детьми [*Майкл говорит о песне "Speechless"*]. Она полностью пришла от них, и когда мои песни уже лежат готовыми передо мной, я говорю: «Вот эта пришла от этого малыша, а эта – вот от того». Они вдохновляют на это. Это исходит от их существа, от их присутствия, от их души. Это правда.

Ш: То есть дети – это бассейн, а вода в нем - это чистота, благочестие, богообразность, невинность. И когда ты растешь и взрослеешь, то вода начинает замерзать, пока не превратится в лед. И дети – это просто бассейн с теплой и свежей водой, ты можешь просто играть в нем, тогда как лед жесткий, холодный и не располагает к себе. Поэтому ты хочешь, чтобы взрослые оттаяли и, как раньше, превратились в бассейн с водой.

М: Вот почему когда я занимаюсь съемками – а я снова собираюсь снимать в ближайшее время - я смотрю на все глазами ребенка. Мои истории будут о проблемах детей, как они подвергаются воздействию внешнего мира, как они смотрят на этот мир своими глазами - ведь ко всему этому я могу иметь отношение. Я не хочу иметь дело с какими-нибудь судебными историями или убийствами. Я не понимаю этого. Я могу понять, когда ребенка втянули в преступление, проследить его жизнь, понять что произошло, что он чувствует, будучи приговоренным, что происходит в маленьком разбитом сердце. Я могу понять это. Я могу снять это, я могу написать об этом, потому что я чувствую это.

Ш: Как взрослый может это почувствовать? Это дар? Могу я приобрести его? В твоём присутствии я лучше чувствую это.

М: Это очень мило.

Ш: Я очень люблю своих детей. Но я не люблю чужих детей так же сильно. Однако когда я вижу Принса - мое сердце тает, потому что он такой нежный и любящий малыш.

М: Вот почему я хочу, чтобы они были такими. С раннего детства я учу их любить всех.

Ш: Как ты собираешься сохранить в них это, когда они станут старше? Тебе явно придется защищать их от такой вещи как мировые новости.

М: Я учу их любить всех, быть хорошими и добрыми в своих сердцах. Но у них это есть от природы. Мне не нужно программировать их. В них это уже заложено природой.

Чего ты обо не знаешь, так это того, как сильно я люблю фильмы и искусство, и я ужасно хочу снимать. Я готов кричать о том, что хочу показать мир глазами детей, потому что очень понимаю их. Их страдания, их радость и смех, что их ранит. Я вижу мир их глазами и я хочу показать это в фильме. Это моя настоящая страсть. Я обожаю это. Очень.

Ш: Сможешь ли ты, будучи режиссёром, показать миру своё видение того, какие они - дети, чтобы зритель увидел это твоими глазами, даже если это кино снято для взрослых?

М: Да, я много раз спрашивал свое сердце: «Могу ли я делать по-настоящему серьезное кино для взрослых?» И я знаю, что могу. Но я не думаю, что я получу удовольствие от него. Я не думаю, что буду наслаждаться этим. Я знаю, что могу, но я не буду получать от этого удовольствия.

Ш: Если бы был только один фильм, который ты мог снять, что это был бы за фильм?

М: «Инопланетянин», «Волшебник страны Оз», «400 ударов» - великий фильм Франсуа Трюфо. Я люблю «Шейн», схожу с ума от «Убить пересмешника». Эта история, которую я смотрю и каждый раз у меня комок в горле в одном и том же месте. Ты смотрел его? О, мне не терпится показать его тебе. Пожалуйста, посмотри его со мной. Мы выключим все телефоны и просто посмотрим этот фильм.

Ш: Дети могут смотреть его?

М: Конечно, они могут извлечь из него уроки. Он о расизме на Юге. Он о мужчине, которого обвиняют в том, что он изнасиловал белую женщину. Там есть несколько тяжелых эпизодов, но все показано глазами детей. Слушай, этот фильм потрясет тебя. Я очень его люблю. Это определенно один из самых лучших фильмов. Мне бы хотелось, чтобы я его снял. О Боже, это так очаровательно.

Глава 44. Музыкальный талант. (перевод Елены Мальцевой)

Ш: Позволь задать тебе вопрос... Итак, я хочу сказать, что уникальным тебя делает то, что ты талантлив во всем. Чувство ритма у черных людей развито больше, чем у белых? Когда ты говоришь о танцах и всем остальном... Я имею в виду то, что это будто шутка, но на самом деле это не просто шутка, что у белых нет чувства ритма. Когда ты говоришь о, например, природном чувстве ритма и о том, как эти черные дети из гетто, как они танцуют, ты всегда говоришь об этом. Это будто заложено природой... Ты всегда видишь это на Манхеттене? Эти дети, выступающие на улице перед прохожими. Это потрясающе!

М: Это потрясающе и это от природы. У них есть природное чувство ритма, которое никто не сможет объяснить. Это талант от природы.

Ш: Тебе встречаются белые, обладающие таким чувством ритма?

М: Это не одно и то же, и я говорю это не потому, что я сам...

Ш: Но чувство синхронности...

М: Стэн всегда рассказывал мне, что он ходил во все черные клубы, он сидел в Apollo Theater, он называл это укороченным ритмом. Он говорил, что обязан иметь черный ритм, поэтому он зависал с черными, чтобы получить такой укороченный ритм (*имитирует звуки*). Ты знаешь, это то, что сейчас делают рэперы – они создают укороченный ритм. Вот в чем дело, это природный ритм.

Ш: Это отражение их внутреннего ритма?

М: Да, да. Но ты берешь маленького черного ребенка, а у него чувство ритма, как у взрослого, как у настоящего танцора. И это - просто природная способность, понимаешь?

Ш: Не пытаясь вникать в это глубоко, очевидно, что традиционно Африка была более непосредственна, чем Европа. Европа гордится своей изысканностью, парфюмами, модной одеждой. Африка отвергалась как «более примитивная», но, следовательно, и более естественная, более природная. Они были гораздо ближе к Земле. Может, они просто никогда не изолировали себя от того природного ритма?

М: Но как это перешло на генетический уровень?

Ш: Я не знаю.

М: Можешь ли ты взять шотландского или ирландского ребенка и поместить его в такую же ситуацию, дав ему возможность родиться в Африке среди тех...

Ш: Ну, в этом заключается весь секрет Элвиса, верно?

М: Элвис постоянно зависал среди черных.

Ш: И он приобрел этот ритм, верно?

М: Да, он приобрел этот ритм, он хотел также танцевать, он говорил как черный, вел себя как черный. Мы были знакомы с Элвисом очень хорошо, я и Лиза-Мария постоянно разговаривали о том, как...

Ш: Не будь он белым, то он, по-твоему, не имел бы такого успеха, так?

М: Даже и близко. Даже и близко нет, потому что от него этого бы ожидали. Вспомни призыв, который произнес Филипс, владелец Sun Records: «Если бы я нашел белого человека со звучанием черного – я бы смог заработать миллион долларов», и затем появляется Элвис Пресли.

Ш: Ты задаешь невероятный вопрос: «Почему это стало врожденным?». Даже наука сегодня не верит в приобретенные после рождения характеристики. Ты не можешь передать ребенку по наследству характеристики, которые приобрел в течение жизни сам. Если у тебя великий музыкальный талант, то Принс может унаследовать его. Но если кто-то научил тебя этому, то ты не сможешь передать это Принсу. Ему придется учиться этому самому. Это не в генах.

М: Да, да

Ш: У меня были соревнования по проповеди, и впервые я занял второе место, когда проиграл карибскому проповеднику. Мы шли почти вровень. Я проиграл 3 очка из 130, и каждый сказал мне: «У него рассчитан темп, у тебя нет». Он знал где выждать и знал где проповеднику надо нагнать темп. Все мои друзья сказали мне: «Шмули, у него есть ритм» *(оба смеются)*.

М: Но ты изумителен.

Ш: Нет, я имею в виду то, что у него это было. Говорю тебе, черные проповедники – лучшие проповедники в мире. Они лучшие ораторы. Посмотри на Мартина Лютера Кинга. Другого такого нет...

М: Я плачу, когда слышу его речи. У меня мурашки бегут по коже.

Ш: Или даже Джесси Джексон, или некоторые проповедники здесь. Преподобный Флойд здесь, на Манхэттене, полагаю, что он лучший в стране.

М: Но ты очень красноречив. Я имею в виду, что ты рисуешь картины своими словами и это заставляет думать. Тебе удастся достучаться до каждого. Это замечательно.

Ш: Тут все дело в том, чтобы взять человека за душу и дети это чувствуют.

М: Но откуда ты берешь слова?

Ш: Знаешь, я описывал в книге что произошло вечером в пятницу, когда ты пришел к нам на ужин. Это было захватывающе.

М: Что произошло?

Ш: Мы, все взрослые, начали ужинать, а ты отправился наверх по лестнице играть в прятки. Ты словно заколдовал их, дети прибежали к тебе сразу же. Мало-помалу...и взрослые поднялись на второй этаж, на третий. Они действительно чувствовали себя так, будто они что-то пропускают, словно каждый веселится, а они – нет. Вместо этого у них были политические разговоры. Они были словно заколдованные, хотя они притворялись, что пришли наверх лишь из-за детей.

М: Мне понравилось, когда твой друг набросился на тебя [*друг Шмули напрыгнул на него и сломал кровать*]....Мне понравилось это! Мне понравилось, когда он сделал это тогда.

Ш: Он [*Кори Букер, один из самых уважаемых и успешных политиков Америки*] совершенно безобиден, и за это его часто критикуют как политика. Все его советники говорят, что ему нужно быть более жестким.

М: Нет, нет. Мне бы хотелось знать Эдисона, и Эйнштейна, и Микеланджело.

Ш: Мы говорим в книге о них всех между делом. Эдисон был очень ребячлив.

М: Я знаю, я вижу это, я видел его...смеющегося, хихикающего...Я видел пленку, вижу о чем он писал. Прекрасный человек, великие вещи. Мне это очень нравится.

Глава 45. Отношения Майкла со своим обвинителем и другими детьми. (перевод Елены Мальцевой)

Ш: Я сказал кое-кому сегодня, что внимание, которое ты даришь детям, больным раком, кажется, очень помогает им выздоравливать. Я видел это. Знаешь ли ты, что, даря этому ребенку внимание, ты можешь лечить его?

М: Я люблю их. Я люблю их.

Ш: Ты очень знаменит и вдруг неожиданно ты направляешь все внимание, которое обычно получаешь сам, на кого-то еще. Это как луч света. Я не отрицаю, что знаменитости могут оказывать положительный эффект, но чаще всего этот эффект пагубен. Ты пытаешься использовать свою популярность, чтобы помочь этим детям?

М: Я очень их люблю. Они тоже мои дети. Я помню, мы были в Австралии в детском онкологическом отделении и я начал раздавать игрушки. Я никогда не забуду одного мальчика лет одиннадцати, я подошел к его кровати и он сказал: «Невероятно, я просто вижу вас - и мне гораздо лучше. Мне правда лучше». Я ответил: «Это очень мило». Вот что он сказал, и я никогда не забывал этого. Это потрясающе и это то, что чем нам нужно заниматься.

Ш: Твоя привязанность к Гевину [*который позднее станет обвинителем Майкла*] впечатляет. Я говорил об этом на тысячах форумов. Это одна из самых хороших вещей, которую я когда-либо наблюдал. То, что ты стараешься помочь ему и его семье.

М: Он особенный. Я говорил с Гевинем прошлым вечером, и он сказал: «Майкл, ты не представляешь как мне больно из-за этого. Очень больно». Он начал плакать в телефонную трубку и сказал: «Я знаю, что ты понимаешь, каково это. Это ужасно больно». Я спросил: «Сколько тебе еще нужно сделать?» (*речь о блоках химиотерапии*). Он ответил: «Может, четыре. Но доктор сказал, что могут быть еще и после этого». Из-за лечения у него выпали ресницы, брови и волосы. Ведь нам очень повезло, неправда ли?

Ш: Когда ты говоришь по телефону с такими, как Гевин, чувствуешь ли ты, что часть их боли уходит?

М: Безусловно. Потому что каждый раз, когда я говорю с ним, у него улучшается состояние. Когда я говорил с ним прошлым вечером, он сказал мне: «Ты мне нужен. Когда ты приезжаешь домой?». Я ответил: «Не знаю». Он сказал: «Ты нужен мне, Майкл». Потом он назвал меня папой. Я сказал: «Тебе нужно спросить у отца, не будет ли он против, что ты так называешь меня». Он крикнул: «Пап, ничего, если я

буду называть Майкла папой?» и его отец ответил: «Все нормально, как пожелаешь». Дети всегда так делают. Я счастлив, что они чувствуют себя комфортно [называя Майкла папой].

Ш: Чувствуешь ли ты себя всеобщим отцом, что у тебя есть дар любить их и ценить их так, как другие не могут?

М: Всегда чувствую, что не хочу, чтобы родители начинали завидовать. Потому, что так происходит постоянно и особенно это задевает отцов. Не так сильно, как матерей. Я всегда говорю папам: «Я не пытаюсь занять ваше место. Я просто стараюсь помочь, и я хочу быть вашим другом». Дети просто влюбляются в меня как в личность. Порой это приносит мне неприятности, но ведь я там просто чтобы помочь.

Ш: Я спрашивал у тебя чему родители могут научиться у детей, и ты назвал несколько вещей – любовь к веселью, невинность, радость. Каким еще вещам мы можем научиться у детей? Например, когда ты с Гевинем, чему ты учишься у него? Ты там просто чтобы помочь ребенку, больному раком? Какой ты получаешь опыт? Ты просто сострадаешь ребенку, который в беде? Или ты чувствуешь, что это причина, по которой ты живешь?

М: Я чувствую своим сердцем, что это то, что мне нужно делать, и я чувствую, что когда отдаю свою любовь - меня любят в ответ и я знаю, что это то, в чем они нуждаются. Я слушал докторов, его доктора говорят, что это просто чудо как он поправляется, поэтому я знаю, что эта магия любви очень важна. От него ускользнуло его детство и я думаю, что могу понять многое, через что он проходит, из-за моего прошлого. Когда тебе было десять – ты не думал о небесах или о том, как ты умрешь, а он думает обо всем этом. В моей столовой за столом сидел маленький Райен Уайт и говорил своей маме: «Мама, когда ты будешь хоронить меня, не одевай меня в костюм и галстук. Я хочу быть в джинсах и футболке». Я сказал: «Извините, мне нужно в туалет». Я убежал в туалет и плакал. Представь 12-летнего мальчика, говорящего своей маме как его нужно похоронить. Вот что я слышал от него. Как твое сердце может не отзываться на подобные вещи?

Ш: После того как ты сам был обделён детством и теперь, пытаешься предоставить его всем этим детям словно дар, исцеляешься ли ты сам?

М: Да. Да, исцеляюсь. Да, исцеляюсь. Потому что это все. Мне это нужно, чтобы продолжать жить. Ты видел, что Гевин написал в книге для гостей о своей шляпе? Это милая история.

Ш: Я рассказал эту историю всему миру.

М: Я люблю дарить им эту любовь, это чувство гордости, что они на своем месте и они особенные. Он прятался, ему было стыдно за свою лысую голову, за то, что он болен раком. Все заставляли его чувствовать себя отвергнутым, вот так он и пришел сюда. И я хотел, чтобы он всё это выкинул из головы. Он такое прекрасное дитя, ему не нужна эта шляпа. Я сказал ему: «Ты выглядишь как ангел. Твой голос звучит как

голос ангела. Для меня ты ангел с той минуты, как мы встретились. Почему ты стыдишься?»

Ш: Чувствуешь ли ты, что дети ценят тебя больше, чем взрослые?

М: О да, конечно. Взрослые ценят меня как певца, автора песен, танцора, шоумена. Но какой он? Кто он? Он странный и спит в барокамере, и все остальные сумасшедшие и наводящие ужас истории, которые придумали люди и которые не имеют ко мне никакого отношения.

Ш: Дети видят все правильно и отвечают взаимностью на твою любовь. Я видел это у Гевина.

М: Они просто хотят немного повеселиться, дарить любовь, получать любовь и они просто хотят, чтобы их любили и обнимали.

Ш: Тебе приходилось бороться, чтобы удержать в себе это желание заботиться? Было ли время, когда ты говорил: «Все, я больше не хочу ни о ком думать. Я хочу массаж, полежать в джакузи. Концерт закончен и я собираюсь подумать о себе». Или даже тогда ты думал о том, что можешь сделать для детей?

М: Честно, всем сердцем я люблю их и меня это заботит больше, чем что-либо. Я по-прежнему забочусь о Гевине. Вчера у него была химиотерапия и он ослаб, плохо себя чувствует, и у меня сердце сжимается от этого. Я думаю, что я очень похож на мою маму. Я не знаю генетика ли это или окружающая обстановка. Помню, когда мы были маленькими - она смотрела и даже сейчас смотрит новости с носовым платком. Я такой же, я начинаю плакать, когда вижу новости о том, как женщина берет своих детей и бросает их в озеро, один утонул, второй выжил. И я пригласил множество детей и сходил на кладбище, оплатил похороны, хотя даже не знаю этих людей, но когда слышишь подобные вещи... Я спрашиваю - почему так мало таких людей, как мать Тереза? Почему так мало таких людей, как Леди Диана?

Ш: Они стали известны благодаря тому, что они хорошие люди. А ты известный и ты хороший человек. Это большая разница. Даже Диана, Диана была хорошей женщиной. Я не знал ее. Ты знал. У нее было множество светлых качеств, и она сделала великое множество добрых дел. При этом она любила светскую жизнь. А ты любишь детей. Почему?

М: Я не пытаюсь философствовать, но мне кажется, что это моя работа - помогать им. Я думаю, что это мое призвание. Мне все равно, будут ли люди смеяться и что они скажут. У детей нет голоса в обществе и я думаю, что пришло их время. С этого момента и навсегда - их время. Им нужно заявить миру о себе и им нужно, чтобы был кто-то, кто поможет им это сделать. И если я могу быть этим светом, могу осветить то, кем дети являются и важность того, кем они являются, - это именно то, чем я хочу заниматься. Я не знаю как Господь выбирает людей. Словно играя в шахматы, он ставит тебя в определенное место и заготавливает тебе ход. Иногда я чувствую, что это и есть мое место. Я думаю о Ганди, о Мартине Лютере Кинге, о Кеннеди, о себе, о тебе. Как ты думаешь, эти люди сами заняли свое место или при их рождении Господь

сказал: «Ага!» и немного улыбнулся? Ты думаешь, что так происходит благодаря влиянию родителей или все уже заранее предопределено? Ответь мне на этот вопрос.

Ш: Я думаю, что здесь влияние обоих моментов. Великие мужчины и женщины рождаются с потенциалом для совершения великих дел. Но часто необходимо пройти через сложную ситуацию, чтобы этот потенциал проявился. В людях есть величие, но развить его позволяют сложные ситуации. Величие – это синтез мужского или женского потенциала и способности встать и принять вызов. И когда у тебя нет ответа - почему Господь дал тебе такой феноменальный успех - ты начнешь ломаться под тяжестью славы. Ты нуждаешься в чем-то, что будет, словно зеркало, отражать направленное на тебя внимание, весь свет, направленный на тебя - на благое дело, иначе ты просто сгоришь под такой мощностью.

Ш: Прошлым вечером я встретил маленькую девочку. Ей 14 и она сирота. Ее мама умерла, когда ей было 7 лет, а своего отца она никогда не знала. Прошлым вечером она пришла на «Короля льва», потому что она является другом [*имя скрыто*] и ее огромным желанием было встретить тебя. Я сказал ей, что дам ей несколько минут и на этой неделе она сможет увидеться с тобой.

М: О, кто заботится о ней?

Ш: Она живет с бабушкой. И у нее есть крестный, который привел ее на представление прошлым вечером. Ее крестный старается хотя бы изредка водить ее посмотреть на игры, на представления.

М: Детям было весело на представлении?

SB: О да, им очень понравилось. Это было великолепно. Школа этой девочки находится в нескольких кварталах от твоего отеля. Быть может, я приведу ее и она сможет с тобой сфотографироваться.

[*Позже Майкл встретился с этой девочкой*].

Глава 46. Знакомство с Райеном Уайтом и другими детьми, сражающимися с раком. (перевод Елены Мальцевой)

От переводчика:

На фото - Райен Уайт принимает участие в школьных занятиях по телефону. Рядом его мама Джин.

Райен Уайт (Ryan White)

16.12.1971- 08.04.1990

С рождения страдал гемофилией. Для лечения мальчику необходимо было принимать препарат «фактор VIII», стимулирующий свертывание крови. В 1984 году очередная партия препарата для Райена оказалась зараженной ВИЧ, который при инъекции попал в кровь мальчика. Когда выяснилось, что передача ВИЧ произошло именно таким путем, по всей Америке были приняты строжайшие меры контроля банков донорской крови. Но Райену Уайту это уже не могло помочь. В возрасте 13 лет он узнает, что смертельно болен. Мальчик по-прежнему продолжал ходить в школу, однако из-за ослабленного иммунитета он пропускает весенний семестр. В школе узнают о диагнозе Райена. Перепуганные родители одноклассников, директор школы и около 50 преподавателей проголосовали за то, чтобы закрыть Райену доступ в

школу. Так началась долгая и острая борьба Райена, горячо желавшего оставаться обычным подростком и ходить в школу и школы в лице родителей одноклассников и администрации. Борьба эта шла с переменным успехом. Райена считали опасным, никто не хотел сидеть рядом с ним, в церкви люди не подавали ему руки, а хулиганы постоянно били окна в его доме и протыкали шины на машине его матери. Школьные перипетии Райена привлекли внимание средств массовой информации далеко за пределами Индианы. Статьи о нем появились в таких крупных газетах, как "Нью-Йорк таймс" и "Вашингтон пост", его неоднократно интервьюировали для телепрограмм по всей стране. В подобной ситуации оказался не один Райен, но большинство школьников с ВИЧ предпочитало избегать огласки. Необычность Райена заключалась в готовности публично выступать и бороться за свои права. Из родного городка Кокомо семье Уайтов пришлось переехать в город Сисеро. Райен заявил, что не хочет умирать в Кокомо, в Сисеро гораздо спокойнее. Мужественный парень вначале смог отстоять свое право продолжать учиться в школе и быть обычным подростком, а позднее стал выступать за право каждого больного СПИДом на уважение и понимание.

Райен стал известен всей Америке. И эта известность открыла ему возможность помогать другим больным СПИДом. Райен выступал публично, активно распространяя знания о своей болезни и открыто отвечая на любые вопросы. Он появлялся на телеэкране с политическими деятелями, прославленными спортсменами, звездами музыки и кино.

Среди них был и Майкл Джексон, ставший Райену другом. Майкл подарил мальчику открытый красный мустанг, чтобы тот мог кататься по городу. В декабре 1989 болезнь стала побеждать его. Но организм пока еще справлялся. Новый 1990 год Райен встретил на ранчо Майкла Джексона. В марте 1990 Райен попал в больницу из-за инфекции дыхательных путей. Вся Америка от простых граждан до президента напряженно следила за состоянием мальчика.

Утром 8 апреля 1990 года Райен скончался. Ему было 18 лет.

В 1990 году была утверждена программа Ryan White. Ее цель – помочь обществу бороться с эпидемией ВИЧ. Она поддерживает развитие медицинских услуг и отвечает за локальные ресурсы по проблемам ВИЧ/СПИДа.

Ш: Был ли здесь мальчик, с которым ты был очень близко знаком, он заразился СПИДом при переливании крови?

М: Райен Уайт. Самое тяжелое для меня... Я отвечу на вопрос, но я не понимаю когда умирает дитя. Я правда не понимаю. Я знаю, что когда-нибудь придет время умереть, но это не должно происходить так рано. Когда ребенок умирает или когда он очень болен - я совершенно не могу этого понять. Я слушал 12-летнего Райена Уайта, сидящего в моей столовой и говорящего своей маме как его следует похоронить. Он говорил: «Мам, когда я умру, не одевай меня в костюм и галстук. Я не хочу лежать в костюме и галстук. Похорони меня в джинсах OshKosh и футболке». Я сказал: «Мне нужно в туалет», я убежал в туалет и выплакал все глаза. Слушать как маленький мальчик говорит матери как его хоронить. Мне было больно слышать это. Он словно был готов к этому. Когда он умер, он был в джинсах OshKosh, футболке и часах, которые я подарил ему. Я сидел здесь, в этой комнате, наедине с ним, он лежал прямо здесь, и мне было так плохо. Я просто хотел обнять его, поцеловать, сказать, что

люблю его, как я делал много раз, когда он был жив. Я взял заботу о нем на себя, он остался пожить у меня дома. Но видеть его лежащего здесь... Я говорил с ним, я сказал ему: «Райен, я обещаю, что сделаю что-нибудь для своего следующего альбома в твою честь. Я создам песню для тебя. Я спою ее. Я хочу, чтобы мир узнал кто ты». И я создал «Ушел слишком рано» (Gone Too Soon). Эта песня посвящена ему.

Ш: Как ты думаешь, он слышал тебя, когда ты говорил ему это? Ты чувствуешь близость с душами тех людей, которых ты любил, но потерял? Ты чувствуешь, что они рядом?

М: Да, да, да.

Ш: И тебе приходится мириться с его смертью и смертью других людей, которые были близки тебе?

М: Мне так больно от этого. Еще один мальчик пришел ко мне однажды, и он был белый как снег, буквально как снег или как лист бумаги. Он умирал от рака и он просто любил меня. Он пришел в мою комнату, он увидел пиджаки, которые я носил в клипах, надел один из них и был на седьмом небе от счастья. Мне сказали, что ему осталось недолго. Что в любой день он может умереть. Я сказал: «Слушай, я собираюсь приехать в твой город». Насколько я помню, он жил в Канзасе. «Я собираюсь начать свой тур в Канзасе через три месяца. Я хочу, чтобы ты пришел на концерт. Я подарю тебе этот пиджак». Он спросил: «Ты правда подаришь его мне?». Я ответил: «Да, но я хочу, чтобы ты надел его на концерт». Я пытался дать ему сил не сдаваться. Я сказал: «Когда придешь на концерт, я хочу, чтобы ты был в этом пиджаке и в этой перчатке». И я отдал ему одну из своих расшитых блестками перчаток, хотя я никогда их не раздаю. Он был невероятно счастлив. Когда я приехал в его город – он уже умер, его похоронили в пиджаке и в перчатке. Ему было 10 лет. Господь знает, я знаю, что он держался как мог.

Ш: Ты злишься на Господа за то, что происходят такие вещи?

М: Нет. Я просто не понимаю этого. Я бы хотел, чтобы мы больше знали о той стороне. Я знаю, что она обещает вечную жизнь на небесах. Но зачем же нужны страдания и боль на пути к вечному свету, что бы это ни было? Нужно, чтобы это был самый прекрасный опыт, что бы это ни было. История о мальчике - чистая правда. Как бы мне хотелось, чтобы ты увидел его лицо, Шмули, мне бы очень этого хотелось.

Ш: Это еще и история обещания, верно? Ты сказал ему: «Обещаю, если ты будешь жить, то...», верно?

М: Да, я пытался задержать его здесь. Они говорили, что он умирает и я сказал: «Я знаю, что могу сделать что-нибудь». Понимаешь? Я пытался сделать так, чтобы он смотрел вперед, чтобы он не сдавался, и я сказал: «Надень пиджак на концерт», и он был так счастлив. А когда я приехал в тот город - он уже умер. Я был просто убит этим, просто убит.

Ш: Опиши мне коротко, что ты чувствуешь. Что ты чувствуешь, когда она рядом с тобой [*маленькая девочка, болеющая раком, которую знает Майкл и Шмули*]?

М: Я люблю ее.

Ш: Ты знаешь, что можешь совершать перемены и что просто от твоего присутствия часть их болезни уходит. Знаешь, в древности раввины говорили, что каждый раз, когда навещаешь того, кто болен - избавляешь его от 1/60 его болезни. Но в твоём случае ты забираешь процентов 50 их болезни, ты знаешь об этом? Я знаю, что тебе это известно.

М: Да, да. Я люблю помогать людям исцеляться... Мне не нравится видеть, как кто-то страдает или мучается, особенно если это дети.

Ш: Чувствуешь ли ты, что тебе дана сила исцелять? Или это потому, что ты знаменитость? Другими словами, то, что ты очень известный человек и оказываешь внимание детям, действительно помогает им чувствовать себя лучше. Они знают как ты знаменит и думают: «Ого, такая знаменитость заботится обо мне, наверное, я особенный». Но это вне твоей известности? Есть ли что-то такое в тебе, что было еще до того, как ты стал известным?

М: Я думаю, что это то, что я должен делать. Потому что у меня всегда было это стремление - отдавать, помогать и делать так, чтобы люди чувствовали себя лучше именно таким способом.

Ш: У тебя это было раньше, когда ты был мальчиком Майклом Джексонном?

М: Да.

Глава 47. Папа для Принса и Пэрис. (перевод Елены Мальцевой)

М: (*Принсу*) Принс, что смешит папу?

Принс: Three Stooges.

М: Он прав. Я их обожаю...Толстяк...Я умираю от смеха. Я ношу с собой The Three Stooges, куда бы я не пошел. Это очень поднимает мне настроение. Я смотрю их всю жизнь.

Ш: Про что они? Правда, что они будто бьют друг друга, но в итоге все целы и всем очень весело?

М: Да, Кудрявый - убийца. Помнишь Кудрявого? Такой толстяк, верно, Принс? (*Принс начинает прыгать вокруг, изображая Кудрявого*). Да, ему тоже очень нравится. Я обожаю их.

Ш: Это то, что заставляет хохотать тебя во все горло?

М: Да, я хохочу до упаду. Я умираю со смеху, я беру с собой The Three Stooges, куда бы я не пошел. Обожаю смотреть их. Я всю жизнь их смотрю.

Принс: Папочка, я хочу посмотреть Питера Пэна.

М: Я тоже.

Принс: Я хочу пойти на рыбалку.

М: Как-нибудь мы пойдем на рыбалку, но пойманных рыбок мы будем выпускать обратно.

Ш: Чувствуешь ли ты, что возможно, оценивая все, что ты сделал для детей, Господь проявил к тебе невероятную благосклонность, подарив двух действительно выдающихся детей, которые так к тебе привязаны? Что среди злых и бездушных людей Господь послал именно тебе два невероятных подарка?

М: Это было бы замечательным предположением. Я думаю, что они подарок. Я думаю, что все дети - это подарок.

Ш: Стал ли ты любить детей еще больше после того, как у тебя появились Принс и Пэрис?

М: Люблю их так сильно, как только возможно. Мне сложно говорить «мои дети», потому что для меня нет никакой разницы. Может быть, поэтому меня задело поведение моей бывшей жены Лизы по этому поводу. Потому что она заботилась лишь о своих детях, не о чужих.

Я знаю, что их будущее очень изменится, если мы сделаем то, о чём говорим и что собираемся сделать [*наш проект, направленный на помощь детям*]. Это то время, когда есть шанс сказать: «Ты для меня особенный. Это твой день. Это не Рождество. Это не тот день, когда мы все вместе празднуем для Христа, потому что он родился в этот день. Этот день для тебя и для меня. Я дарю тебе свою любовь». Это очень бы изменило все. Если бы у меня был такой день с отцом и матерью, то все было бы по-другому. Я люблю своих родителей. Моя мама почти как святая. Она... Она не отсюда. Она удивительная. Я не смогу сказать о ней ничего плохого. Это ведь замечательно, неправда ли?

Ш: То есть, ты хочешь, чтобы первое, что узнали Пэрис и Принс, прежде чем они научатся читать и завязывать шнурки, ты хочешь, чтобы они знали, что их папа их любит.

М: Да, да. Держать их за руки, смотреть им в глаза и говорить им: «Я люблю тебя». Это то, что запомнится навсегда. Я так делаю с Принсом и Пэрис каждый день.

СВ: Это единственное, что никто и никогда у них не сможет забрать. Начало всех познаний – знать, что тебя любят.

М: Любят. По-настоящему любят...прикасаться к их ручкам, ведь дети многое получают через прикосновения, им нужно, чтобы их обнимали, люди ведь знают о таких вещах. Но они не догадываются об их силе.

Глава 48. Игривость. (Перевод Татьяны Работновой)

Ш.: Поделись несколькими историями про твои игры. Расскажи мне про твои сражения шариками, наполненными водой.

М.: Про битвы шарами с водой?

Ш.: Да, в Неверленде.

М.: Я считаю, что лучший способ сломать лед между тобой и кем-то, кого ты не знаешь – это игра. Играя вы сближаетесь быстрее, чем каким-либо другим способом. Переход от рукопожатия к обыкновению иметь беседы не дается так легко, как игра. Я думаю, это самый лучший способ, и считаю, растапливать лед с помощью хорошей водяной битвы шариками, или просто бегая вместе, катаясь на мотоциклах, глядя друг на друга, смеясь, улыбаясь – это действительно самый лучший способ по-настоящему узнать кого-то, познакомиться с ним. И тогда они понимают, что ты забавный и простой, и свое первое впечатление от этого человека ты получаешь через веселье. Я думаю, это важно, ты так не считаешь?

Ш.: Да. Но мне бы хотелось, чтобы ты поподробнее описал все это. У тебя есть специальное место в Неверленде – форт для таких водяных сражений, и ты организуешь две команды. Когда мы были у тебя в гостях, у нас так и не получилось сразиться, помнишь, тогда пошел дождь?

М.: Обычно мы разбиваемся на две команды – команду красных и команду синих – и начинаем битву. У нас есть шарики с водой, есть такие специальные пушки, которые стреляют на 60 футов в каждую сторону, также у нас есть рогатки, которые могут быть использованы для бросания водных шариков и еще такие кнопки, нажав на которые, включаешь душ. И если команда красных прорывается в тыл к синим и нажимает на эти кнопки три раза.... И для красных единственный способ выключить воду, которую они включили на стороне синих - это отбежать назад и там выключить. И вот тут то они и попались!!! Когда я говорю «душ», я имею в виду ... Это как разбрызгиватели, как фонтаны, кажется, что вода брызгает по всей территории и затопляет тебя. Любой, кто первым трижды доберется до кнопки противника, считается победителем. И потом проигравшим приходится сидеть на этой круглой штучке прямо в одежде, а вы бросаете в них мячи и они падают в воду. Одежда проигравших вся промокает и им приходится идти и нырять в бассейн прямо в ней. Это очень веселое поражение.

Ш.: Итак, когда к тебе в Неверленд приезжают гости, ты часто ломаешь лед с помощью водяных битв? И с детьми, и со взрослыми?

М.: И со взрослыми тоже.

Ш.: И как они реагируют на это? Тебе доводилось когда-нибудь видеть, как действительно серьезные люди вдруг таяли от этого?

М.: О, они любят это! Они смеются, и мы снимаем все происходящее на видеокамеру. И когда мы обсохли и пообедали, мы идем в кинотеатр и смотрим эту умору на большом экране, все смеются и шумят, и они понимают, насколько весело это было. Это удивительно!

Ш.: Ты когда-нибудь устраивал подобное с большими руководителями от музыкальной индустрии?

М.: Нет... Да... С людьми, работающими в области кино, такими как Кэтрин Бирн и Стивен [Спилберг]..... С ними случалось устраивать одни из самых больших боев.

Ш.: А как насчет детей, больных раком, и таких людей?

М.: Иногда мы проводим такие бои на траве. Но мне больше нравится делать это в форте. Там есть мостики. И ты бегаешь по ним и вокруг них, и это весело, действительно очень весело.

Ш.: Расскажи мне побольше таких историй. Предположим, что ты находишься в самом разгаре деловой встречи с Сони, со всеми этими неприветливыми бизнесменами. Тебе когда-нибудь удавалось растопить лед во время таких серьезных переговоров с помощью твоей искренности? Ведь там все жестко, все касается цифр.

М.: Ты не понимаешь. Есть одна вещь, которую ты не знаешь обо мне – так это то, насколько я дурашливый. Каждый раз, когда я бываю на таких встречах, и все при галстуках - я смеюсь надо всем подряд и не могу перестать хихикать, и мне приходится извиняться, а мои адвокаты смотрят на меня и говорят: «Извините его, пожалуйста. Иногда на него находит». И они тоже начинают смеяться, и все начинают смеяться. И в переговоры привносится немного веселья и беззаботности, потому что они иногда смотрят на все слишком серьезно, а мне нравится, когда все проходит хоть чуть-чуть беззаботнее. И я правда ничего не могу с этим поделать.

Ш.: А когда ты так ведешь себя – это ломает лед? Люди чувствуют себя ближе? Это помогает легче проводить переговоры? Они чувствуют, что они стали ближе, когда все проходит таким образом?

М.: Да, я так думаю. Я считаю, между всеми людьми есть некая общность, мы все - суть одно, мы - одинаковые. Вещи могут быть действительно смешными, и мы можем смеяться над одним и тем же. Эта общность есть во всем человечестве. На самом деле – мы одинаковые. Правда.

Ш.: Смех – самый быстрый путь достигнуть чего бы то ни было в общении?

М.: Чувство юмора у всех одного цвета, разве не так? Мы все одинаковые, на самом деле. Я убеждался в этом много раз.

Ш.: Ну а как насчет розыгрышей, которые ты устраиваешь? Помнишь Майкла Стейнхарда в зоопарке? Он один из самых лучших брокеров на Уолл Стрит, но он стал известен благодаря тому, что вылил целое ведро воды на одного типа, который показался ему чересчур серьезным на важнейшей деловой встрече. Его розыгрыши стали просто легендой.

Стейнхардт – мой близкий друг, всемирно известный еврейский филантроп и сооснователь проекта Таглит [*это просветительский проект, который спонсируется мировыми еврейскими общинами и правительством Израиля. Проект «Таглит» был создан в 1999 году по инициативе еврейских филантропов Майкла Стейнхардта и Чарльза Бронфмана, которые впоследствии привлекли к своей идее других партнеров, в том числе и Еврейское агентство (Сохнут), многих еврейских общин мира, частных лиц и семейных фондов. Как правило, это десятидневный тур для еврейской молодежи от 18 до 26 лет, для тех, кто еще никогда не был в Израиле. Участники проекта знакомятся с местами, связанными с историей еврейского народа и достопримечательностями Израиля, встречаются со своими сверстниками — новыми репатриантами, студентами, и, конечно же, с родственниками и друзьями, уехавшими когда-то в Израиль. Участников сопровождают инструкторы и экскурсоводы – прим. пер.*]. Он большой любитель животных и даже имеет собственный зоопарк.

М.: Шутишь?! Да моя самая любимая в целом свете штука – разыгрывать людей. Я обожаю делать это, но иногда побаиваюсь, что некоторые могут даже разозлиться..... Хотя, бывает - меня это и не заботит. Но я делаю это все время. Я приношу водяные шары и бомбы-вонючки. После каждой съемки видеоклипа, в самый последний день по всему помещению вдруг начинает вонять тухлыми яйцами и все это превращается в сплошной хаос.... И каждый знает, что я это делаю, но узнает только тогда, когда дело уже сделано. И тогда я выхожу. Я люблю это.

Ш.: Тебе доводилось когда-нибудь видеть, как по-настоящему серьезные люди прямо на твоих глазах становились более искренними, когда устраивались такие шутки?

М.: Да, и они говорят об этом, и говорят, как им было весело. Это забавно.

Ш.: Может, помнишь, как однажды в пятницу вечером у меня дома одной гостьей была женщина, которой было всего около 40, и у нее уже был успешный бизнес в области недвижимого имущества. У нее было более 100 подчиненных. Но какой ценой все это было достигнуто?! Она не вышла замуж и не родила детей. Она говорила, что у нее нет времени ходить на свидания. И я сказал: «Как насчет вечера пятницы?». «Знаете, - сказала она. - Мне стыдно признаваться в этом, но я обычно нахожусь в офисе до 11-12 ночи даже в пятницу». Так что ей пришлось отказаться от многого в личной жизни, чтобы создать этот огромный бизнес. Что бы ты хотел сказать таким людям, как она?

М.: Я бы попытался показать им некоторые чудесные вещи, которые они упускают, и еще попытался бы доказать, что не нужно быть чересчур серьезными, не нужно

перегибать палку в своем трудоголизме, хотя я и сам трудоголик. Но иногда просто необходимо остановиться и повеселиться. Есть столько всего забавного, над чем можно посмеяться... Ведь однажды может оказаться, что время нашего пребывания на земле подходит к концу, и я считаю, что настоящая семья, хорошие воспоминания и все вот эти игры с детьми – это самые ценные сокровища. У меня действительно были совершенно восхитительные моменты. И когда мне становится грустно - я начинаю вспоминать все эти замечательные моменты, чтобы почувствовать себя лучше. Я делаю это по ночам, лежа в кровати, когда на меня находит такое состояние. И тогда я рисую в своем воображении самые чудесные вещи, чудесные ощущения, и я чувствую прямо химическую реакцию, которая запускается в моем теле, как будто я действительно оказываюсь там. И мне это нравится. Я расстраиваюсь, если какой-нибудь идиот, имею в виду не обычный недотепа, а именно совершенный придурок, напишет обо мне что-нибудь такое глупое, и такое лживое, и такое неприятное, что якобы случилось со мной, или что я будто бы сделал. И я так злюсь, и в то же время стараюсь не злиться, потому что этим я загоняю самого себя. И тогда я начинаю представлять, что я парю в воздухе и ветер обдувает мое лицо. Я делал это в Африке. Я поднимаюсь все выше и выше, и я так счастлив там наверху, и я лечу. Думаю, это одно из самых чудесных моих открытий и я люблю это. Это свобода. Это счастье. Это квинтэссенция счастья, думаю. Это вершина радости.

Ш.: Ты когда-нибудь закрываешь глаза и представляешь себя, стоящим перед тысячами поклонников, обожающих тебя? Это помогает?

М.: Я люблю ощущение страсти и величественности от того, что ты можешь управлять аудиторией и чувствовать все это. Я очень это люблю. Это другое великое чувство. Но это не то же самое, что чувства от полета. Или, например, от открывшегося вида какого-нибудь великолепного пейзажа, который настолько прекрасен, что можно расплакаться. Я плачу. Я говорю: «Спасибо». Ты видишь самое красивое небо, где облака играют оттенками оранжевого и пурпурного. Бог мой, это настолько потрясающе. Я начинаю молиться. Я как будто стараюсь запечатлеть эту картину в своей памяти, чтобы всегда помнить ее.

Ш.: О чем ты молишься в такие моменты?

М.: Боже, это так великолепно. Спасибо тебе, что ты создал небо и землю такими прекрасными. Если другие люди не замечают этой красоты и не ценят ее, то я ценю. Спасибо тебе, огромное тебе спасибо! Вот что я делаю. У меня были такие моменты, когда я говорил другим: «Взгляни на это потрясающе красивое небо!» А они отвечали: «..Эээ...Ну да, ничего». И тогда я думал – со мной что-то не так. Почему я вижу это, а они - нет? Почему я ценю это, а они - нет? Я был в одном музее в Париже и я тебе клянусь, мои телохранители были свидетелями тому, что там со мной произошло – им пришлось нести меня. Я упал весь в слезах и женщина, которая показывала нам все, спросила: "Что с ним такое?" А они ответили: "Он просто настолько потрясен увиденным".

Глава 49. Розыгрыши (Перевод Татьяны Работновой)

Ш.: Расскажи мне о твоих розыгрышах.

М.: Однажды я взял полную бутылку виски и вылил все это в рокс [*квадратный стакан для виски с толстым дном - прим. пер.*] на одной очень серьезной деловой встрече со всеми этими людьми. И стал пить одним залпом. Я проглотил все и попытался отдышаться, все замолчали. На самом деле я заранее наполнил бутылку обычной водой. Они смеялись до икоты. Мне нравится делать такую ерунду. Я сделал их, Шмули. Они подумали, что это водка.

Ш.: Я однажды ездил в гости к моему брату в Лос-Анджелес. Мы с Дебби в то время только встречались. Дебби пришла ко мне домой, потому что мы собирались пожениться и хотели попросить благословение моего отца, мы очень чтили все традиции. Мой отец был с ближнего востока, и он взглянул на Дебби, ей было всего 19, а мне 21. Я женился очень рано.

М.: Я бы тоже так хотел.

Ш.: Я всегда говорю, что лучше жениться на правильном человеке в неправильное время, чем в правильное время, но на неправильном человеке. Как бы то ни было, ты знаешь, есть острый-преострый перец, красные такие стручки. Так вот мой брат, большой шутник, сказал Дебби, которая была очень славной и доверчивой: «Попробуй это». Она спросила: «А это не острый перец?», а он ответил: «Да нет. Это сладкий». Дебби взяла пару стручков и положила в рот. Она покраснела, стала просто пунцовой, потом побледнела и проговорила: «О Боже! Воды!». Мой брат сказал: «О, конечно, вот», - дал ей стакан и она выпила его залпом. А там была водка. Чистая неразбавленная водка. Это был первый раз, когда она встретилась с моим отцом. Дебби совершенно не может пить. Она даже вино едва пригубит. Она тогда почти упала в обморок.

М.: Смешно.

Ш.: Дебби по-детски наивна. Расскажи мне побольше о розыгрышах, которые ты устраивал.

М.: Я люблю вытворять всякие хулиганские штуки. Расскажи ему, Фрэнк.

Ф.: Шмули, мы поехали на юг Франции на вручение одной музыкальной награды. Мы были в номере люкс с видом на океан. Прекрасный вид. Внизу около лестницы был

ресторан, в котором обедали люди - элегантные галстуки, костюмы, великолепие. Тогда было 7.30-8 часов вечера и было еще светло. Мы переглянулись и нам в головы одновременно пришла одна и та же идея. Мы взяли мешки для мусора и наполнили их водой... А прямо под нами внизу ели люди. И мы бросили их! [*остальное разобрать невозможно, потому что Майкл и Фрэнк начали хохотать*]... наводнение прямо на столе. Мы так смеялись, что чуть не умерли. Это было так некрасиво, ужин явно был окончен. И они поднялись и ушли. Той же ночью, в 4 часа утра, люди пришли посмотреть как встает солнце. И они пели. Мы набрали ведро воды и ждали, пока они подойдут поближе... Я люблю такие минуты. Они не знали, откуда и как все это произошло.

М.: Мы тогда так повеселились!

Ш.: А ты никогда не попадался?

М.: Нет. Один мой эстрадный менеджер сделал мне лазерную установку – она была вот такая длинная (*разводит руки*), она светила на несколько миль. Люди могли гулять за несколько кварталов от меня, а мы делали такую красную точку, которая следовала за ними повсюду. Мы проделывали это везде. И здесь, в отеле «4 времени года», они вызвали полицию и постучали к нам в дверь. А мы шпионили из чьей-то комнаты, и это было очень весело. Мы спрятали лазер, потому что я не хотел его потерять. Полиция постучала в дверь, наш охранник разговаривал с ними и обещал обо всем позаботиться. Я не знаю, что именно он сказал. Да ладно, надо же иногда и развлечься. Мы любим все, что связано с водой.

Ф.: Однажды мы были в отеле.

М.: В южной Америке, по-моему, да?

Ф.: Мы налили воду в мусорный бак. Если прислонить его к двери, то когда дверь открывают... Так вот, когда кто-то открывает такую дверь, вода разливается по всему полу.

М.: Обожаю это!

Ф.: Ну и мы постучали в дверь и убежали. Дверь открыли и БАМ! А там вода!

Ш.Б.: Это было в отеле? Южно-Американская история?

М.: Южная Америка – это была другая история. Там люди выходят на свои балконы - прямо под тобой внизу, загорают без одежды, вывешивают свою одежду, которую они только что постирали, на перила балконов и их белье сохнет прямо на солнце. БАХ! Ведро воды выливается и мочит все вокруг! Люблю это. Просто обожаю! Это доставляет мне ни с чем не сравнимое удовольствие.

Ф.: Там была девушка и парень, и девушка была топлес. Мы наклонились, увидели их и все произошло так неожиданно.... Ба-бах!

М.: (смеясь) Когда это происходит - я обожаю это. А потом они так подскочили, это просто добило меня.

Ш. Так получается, что тебя поймали всего один раз – с этим лазером? Где он сейчас?

М.: Он хранится где-то в Калифорнии. Как бы я хотел найти его. Я возил его с собой по всему миру. Он светил на несколько миль. В любом из этих зданий (Майкл указывает за окно), где бы вы ни гуляли, везде будет красная точка.

После этой точки бесед больше не будет

Конец.

МАЙКЛ, СПАСИБО ТЕБЕ ЗА ВСЁ.

Обложка: Ира Гуменюк
Финальная картина: Максим Попов

Отдельное спасибо:

**Степан Барков,
Юлия Березина,
Лариса Веколова,
Ира Гуменюк,
Ирина Инкатова,
Ольга Попова,
Юлия Сергеева,
Марина Федюнина**

Группа ВКОНТАКТЕ Official Michael Jackson/ Майкл Джексон Fan Club
<http://vkontakte.ru/club9745>

Фото журналов Vanity Fair, Rolling Stone, а так же из Интернет-ресурсов.